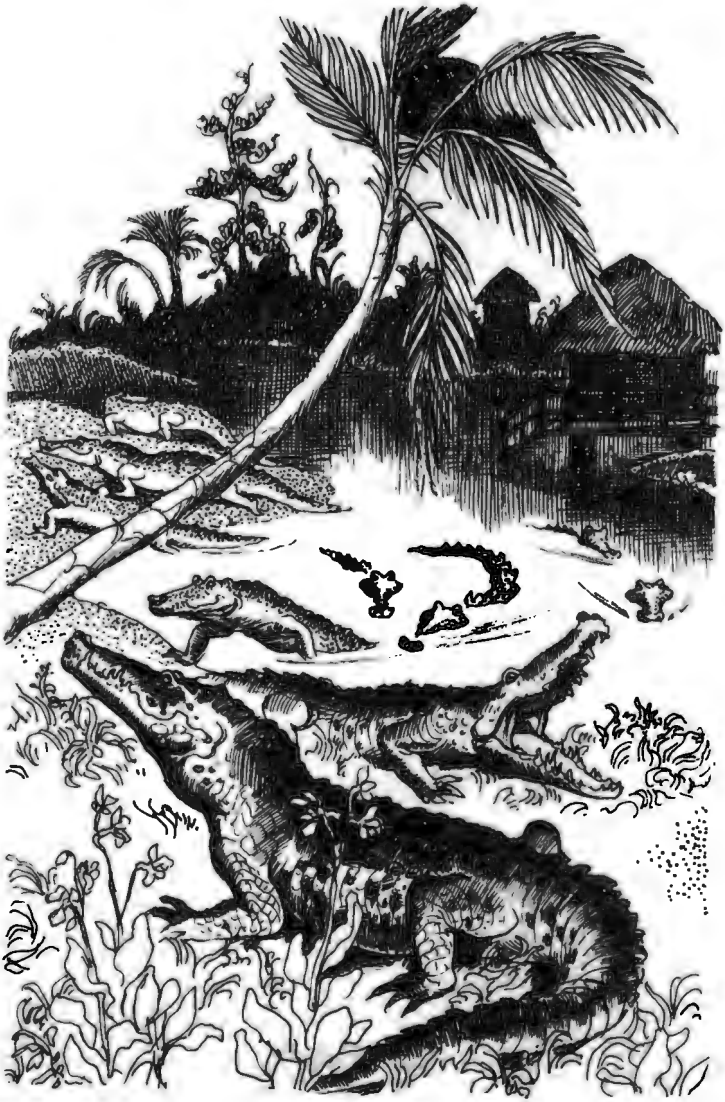
Жизнь замечательных животных

Страус Дик, Кибоко и другие...

Жизнь замечательных животных

ОЛМА
МЕДИА ГРУПП



Жизнь замечательных животных

Страус Дик, Кибоко и другие...

МОСКВА
ОЛМА Медиа Групп
2009

УДК 82-053.2
ББК 84 (Рос-Рус)
С 22

Оформление переплета
Сергей Щавелев

Иллюстрации
В. Дугина, В. Б. Бастрыкина

Фотографии автора

Сахарнов С. В.
С 22 **Страус Дик, Кибоко и другие...** Сборник – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2009.– 320 с.: ил.– (Жизнь замечательных животных).

ISBN-978-5-373-02820-2

В сборник вошли лучшие и широко известные произведения писателя-натуралиста Святослава Владимировича Сахарнова об экзотических животных Африки и Кубы – «Звери Мукуми», «В гостях у крокодилов» и другие, а также его сказки и новая приключенческая повесть «Обитаемый остров».

УДК 82-053.2
ББК 84 (Рос-Рус)

© ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», состав, издание, 2009
© Издательство «ОЛМА-ПРЕСС», оригинал-макет, оформление, 2005
© Сахарнов С.В., текст, фото 2009

ISBN 978-5-373-02820-2

Вместо предисловия

В жизни мне довелось много бродить по свету: плавать на кораблях, летать, пробираться по лесам и горам, даже опускаться под воду. И всегда, в какую бы страну я ни попадал, я первым делом искал уголки, где сохранились дикие животные, встречался с людьми, которые посвятили этим животным свою жизнь.

Сейчас на планете потоп. Морем разлился человеческий род. Землю покрыли две сети — железная и каменная. Железная сеть — рельсы, трубопроводы, линии электропередач. Каменная — автомобильные дороги и города. Распахана почти вся пригодная для обработки земля. Сбиваются на уцелевшие зеленые островки звери, слетаются птицы. Это их последние убежища — дальше отступать некуда.

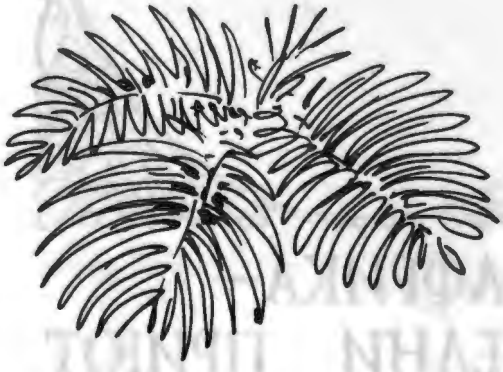
Мне довелось бывать и в африканских заповедниках, и в болотах Кубы, и на далеких, затерянных в океане клочках земли. Там еще можно встретить стада слонов, антилоп, тысячные скопления моржей — последние царства животных.

Но вот что удивительно: и на этих пятачках звери живут бок о бок с человеком. И там довольно много людей — ученых, рабочих, наконец, просто туристов. Звери привыкли на глазах у людей спать, охотиться, выводить птенцов, кормить детенышей.

Из поездок я привозил всегда много фотографий. Их я включил в книгу. Эти фотографии — тоже свидетельства очевидца. Свидетельства того, что происходит на Земле.

Святослав Сахарнов

АФРИКА— ПОСЛЕДНИЙ ПРИЮТ



АФРИКА — ПОСЛЕДНИЙ ПРИЮТ

ИЗ АФРИКАНСКИХ РАССКАЗОВ

ВЕЛИКИЙ ИСХОД

Над равниной висел зной. Каждое слабое движение воздуха поднимало желтые фонтаны пыли. Они вытягивались по ветру и, медленно оседая, гасли.

Неподвижный розовый воздух лежал над выгоревшей саванной. Он лежал тяжелой раскаленной плитой. Травы пожухли и полегли. Дно пересохших рек покрылось, как паутиной, трещинами.

Одинокие грифы черными кляксами висели в побелевшем от жары небе. Они парили над равниной, высматривая трупы павших животных.

На пыльных коричневых дорогах, которые вытянулись вдоль долины, стояли автомобили с туристами. Осоловевшие от зноя, до пояса раздетые, с зелеными от защитных козырьков лицами, обвешанные фотоаппаратами и кинокамерами, люди ждали.

На востоке медленно поднималось коричневое облако. Послышался неясный, похожий на шум прибоя рокот. Люди в автомашинах зашевелились. Заурчали моторы. Автомобили выкатывались вперед, занимая места получше.

Показались первые стада антилоп, и скоро по долине уже катился живой вал. Ручейками текли огненно-рыжие импала. Плотными табунами шли иссиня-черные гну. Полосатые запыленные зебры маршировали рядами, как кавалерия. Показались массивные нильгау. Остро пахнущий, глухо ревущий живой поток несся мимо. Животных было столько, что когда первые уже скрылись, в долину все продолжали подходить новые.

Люди в автомобилях притихли. Они даже перестали щелкать аппаратами и стрекотать кинокамерами. Они стояли в раскаленных машинах навытяжку, пораженные этим зрелищем.

Засуха гнала обитателей саванны на запад, к воде, к устьям непересыхающих рек Нгуаби и Мбаланкета.

Прошло несколько часов. Наконец ток животных стал иссякать. Сквозь коричневое облако, висевшее над равниной, пробилось радужное солнце. Окруженное зелеными и оранжевыми кольцами, оно осветило выбитую, перемешанную с соломой и испражнениями землю.

И тогда туристы снова заволновались, зажужжали кинокамеры, все объективы были вновь направлены вниз: в долине показались хищники. Львы, шакалы, гиены брели следом за стадами. Они шли медленно, с трудом неся отвисшие животы.

Первые хищники смешались с больными и отставшими антилопами. Обессиленная, хромая зебра, подломив ноги, рухнула в пыль. Около нее прилегло семейство львов. Звери были сыты и не торопились. Они знали: еще несколько дней пищи будет у них вдоволь.

ЗЕЛЕНЫЙ СЛОН

Я попал в Восточную Африку в год, когда оттуда уезжали европейцы. Их оранжевые чемоданы выстраивались в затылок у таможенных стоек. Самолеты уносили вещи и судьбы.

Зеленый слон стоял под деревом. Был полдень, дерево светило отраженным светом. Слон стоял облитый зелеными лучами, как тенор. Стоял и жевал листья.

У меня был неправильно оформлен счет на право пользования автомашиной: в путевом листе была вписана чужая фамилия с окончанием «сон» — парк посещает много шведов.

Влажный воздух саванны гулял по канцелярии национального парка Мката. Ртуть термометра остановилась у отметки «сорок». Мои спутники, африканцы, служащие парка, стеснялись. Они входили в соседнюю комнату (через приоткрытую дверь был виден угол незастеленной кровати) и выходили, бормоча «сорри» — простите.

Слон отошел от дерева и направился к нам. Он шел и становился коричневым. Во рту его, похожем на клюв попугая, торчала ветка.

Из спальни в канцелярию вышел полуголый человек. С бедер его свисало полотенце. Полуголый пересек комнату и остановился передо мной. «Сорри», — сказал он и ушел обратно.

— Мистер Джон исправит вам лист, — конфузясь, объяснили мои спутники. — Мистер Джон имеет такое право.

Странный Джон появился снова. На этот раз на нем были джинсы и майка с головой быка. Сонно посмотрев на меня, он спросил, что желает турист из Швеции.

— Я прилетел из Москвы.

— Вот как?

Не присев на стул, он стал исправлять в листе фамилию. Толстое золотое перо резало бумагу.

Слон за окном опустил хобот и начал беспокойно искать что-то у самой земли. Хобот наткнулся на слоненка — серое, пятнистое, повизгивающее существо. Задрав тонкий, как веревочка, хоботок, сын шарил у матери под брюхом. Не находя сосков, он жалобно стонал.

— В Швеции у меня есть друг профессор Бергсон, — сказал Джон, — вы всегда живете в Стокгольме?

— Я живу в России.

Вместе со светом в комнату вливалась жара. Насыщенный влагой воздух можно было мять в ладонях, как тесто. Маленький слон безуспешно сновал под животом у матери, терся о ее задние ноги и всхлипывал.

— Значит, вы не швед, — сказал Джон и скрипнул зубами. — Я прожил здесь десять лет, а теперь меня увольняют. Наши места займут танзанийцы.

Слоненок за окном продолжал скулить. Слониха беспокойно перебирала ногами. Джон вышел из комнаты и появился около слонов. Обхватив малыша, он поставил его между передними ногами матери. Встревоженная слониха развернула уши и издала предостерегающий рев.

Мои спутники тревожно заговорили между собой.

Слоненок задрал хоботок и коснулся им одного из сосков. Он уцепился за него, и сосок послушно вывалился из жесткой кожной складки. Слоненок присел на задние ножки и, завернув хоботок на лоб, впился в сосок ртом.

Он сидел, задрав голову, урчал и чавкал. Желтые молочные капли, плотные как воск, падали в сухую траву.

Человек отошел. Слониха опустила уши и, переминаясь с ноги на ногу, стала ждать, когда слоненок насытится.

— Вы долго пробудете у нас? — спросил Джон, вернувшись в комнату. — В прежние времена мы могли бы поездить по парку... Десять лет. Они были лучшими годами в моей жизни. Прощай, саванна!

В этот момент скрипнули петли, порыв ветра распахнул настежь дверь в спальню. Я увидел кровать, а на ней — собранный к отъезду, открытый чемодан. В нем лежало скомканное белье, бритвенный прибор и книги. С обложки одной из них скалила зубы горилла.

ДОМ НА ПРОДАЖУ

О том, что Самуэль, водитель моей автомашины, чем-то глубоко озабочен, догадаться было не трудно. Уже с утра, когда он подгонял машину к гостинице, а я, перебравшись через борт, усажи-

вался рядом с ним, он выглядел обеспокоенным. Черный лоб пересекали две глубокие морщины. А когда в саванне машина останавливалась и я принимался фотографировать животных или просто наблюдать за ними, молодой африканец откидывался на сиденье, жевал губами и что-то про себя бормотал. Наконец молчание стало для него невыносимым, и Сэм решился:

— Дядя хочет продать дом, — сообщил он и горестно закачал головой.

— Это тебя беспокоит? — откликнулся я. — Ах да, ведь ты живешь у него. Тебе негде будет жить?

— Почему? Когда дядя продаст дом, он даст мне денег, и я смогу снять комнату.

Снова вздох.

— Значит все в порядке. Что же ты грустишь? Нет покупателей?

— Есть.

Опять молчание.

Я был готов расхохотаться.

Случилось так, что вскоре мы поехали через деревню, где жил Сэм. Около одного из домов — стены плетеные, обмазанные глиной, крыша из вязок пальмовых листьев — машина остановилась.

— Вот наш дом, — сообщил мой шофер.

— А-а, ты хочешь познакомить меня с дядей?

— Очень хочу.

Было утро, но солнце уже начало обжигать лица. Оставив машину, мы подошли к дому.

Около двери, загораживая вход, лежала блестящая автомобильная шина. При нашем при-

ближении она зашевелилась, поднялась плоская с коричневыми глазками голова, шина сдвинулась с места, стала двоиться и оказалась большой черно-зеленой змеей. На коже ее блестели редкие, похожие на буквы узоры.

– Сэм, – воскликнул я, – да ведь тут змея! Крикни дядю, давай прогоним ее.

Питон развернулся, но вместо того, чтобы уползти прочь и уйти в зеленевшие за домом огороды, снова свернулся в кольцо.

Привлеченный нашими голосами, в дверях показался старый африканец. Он радостно закивал нам. На змею дядя не обратил никакого внимания.

Пока Сэм рассказывал ему, кто я такой, я все время поглядывал на черно-зеленые блестящие бока питона.

– Он живет у нас в доме уже десять лет, – сообщил Сэм. – Дядя принес его из леса, когда я был еще мальчишкой и еще не видел в глаза ни одного автомобиля. Он ловит крыс, бродячих собак и пугает воров. Дядя всем говорит, что продаст дом только со змеей. У нее в подполе есть своя нора. Только так продам, говорит дядя.

– Так вот почему не идет продажа, да?

Сэм кивнул.

– Люди боятся. Они дают за дом хорошие деньги, но требуют, чтобы змея ушла. А дядя говорит: нет, она должна остаться, это ее дом.

– И что же делать?

Вмешался дядя и начал многословно и длинно что-то объяснять.

— Он говорит, — перевел Сэм, — что надо найти покупателя из Бурунди или Заира. Там есть племена, у которых питон считается священным. Такой человек с радостью купит дом вместе со змеей. И всем будет хорошо... Хотите, дядя расскажет вам, что значат узоры на коже змеи?

— Конечно!

И тогда старый африканец, присев на корточки, стал объяснять мне значение змеиных иероглифов:

— «Великолепие», «терпение», «верность», — говорил он, водя пальцем по блестящей змеиной коже.

Питон, подрагивая боками, терпеливо это сносил.

«Все будет хорошо», — повторил я про себя, поблагодарил старика, и, поминутно оглядываясь, мы с Сэмом пошли к машине, чтобы ехать домой, в гостиницу, в заповедник.

МОЛОТОК МУСАО

Первое, что я услышал, сойдя с трапа самолета в танзанийском городе Аруша, было:

— О-о, вам повезло, у нас живут самые занятные звери в Африке! Нигде нет ничего подобного, — сказал встречавший меня на аэродроме сотрудник национального парка Маркович. — Скажем, наши львы. Не поверите, до чего они додумались... А впрочем, что толковать, увидите сами.

Удивительными оказались не только львы... Раннее утро. Над озером Маньяра, которое дало название парку, висит легкий туман. Мы с моим спутником уже в конторе парка. Его директор, пообещав сегодня же дать нам машину, затеял с Марковичем разговор, который озадачил меня:

— Вы Мусао не видели, он уже ушел в лес? Надо же, растяпа потерял вчера в лесу свой молоток. Что он в лесу без молотка, а? — сердито выговаривал директор.

— Мусао уже ушел и новый молоток взял со склада, — уверял его собеседник. — Так что все в порядке.

«Зачем человеку в лесу молоток? Там ведь полно хищных зверей. Уж если что брать туда, так ружье. Странно, очень странно!»

Так я ничего и не понял. В полдень за нами пришел автомобиль. Он оказался старым, но очень удобным — с высоко поднятыми бортами и без крыши. В таком хорошо стоять и наблюдать, смотреть по сторонам.

Мы двинулись в путь.

Дорога сначала шла по берегу озера, затем свернула в лес. Озеро осталось слева, справа поднялся горный гряж, на который взбегали густые, напоенные дождями и утренними озерными туманами зеленые заросли.

— А вот и первые наши обитатели. Вон они, среди акаций! — сказал Маркович.

Среди желтокорых стволов мелькали черные пятна. Небольшое стадо слонов бродило среди

деревьев. Толстокожий гигант подходил к дереву, отламывал ветку и, сунув ее хоботом в рот и двигая нижней челюстью, объедал. Его сосед, не желая тянуться за веткой, упирал бивень в ствол, отваливал от дерева лоскут желтой коры и жевал его. Третий великан не делал даже этого. Наклонившись, он вонзал бивни в землю, поддев, как ковшом, поднимал глыбу дерна с перепутанными тонкими корнями и, оббив землю, принимался за корни. Половина деревьев по обе стороны тропы, по которой мы приехали, была объедена слонами и мертва. На засохших, лишенных коры и ветвей стволах висели коричневые косы погибших листьев.

Слоны заметили нас. Они, как по команде, повернули головы, а огромная, ближе всех стоящая к нам слониха — предводительница стада, угрожающе распустила уши. Маркович скомандовал шоферу, машина задним ходом поползла назад к озеру.

Львы нам так и не попадались. И только когда мы, объехав весь парк — а это небольшой кусок земли, зажатый между озером и горным кряжем, — уже возвращались домой, Маркович воскликнул:

— Стоп! Смотрите, вот вам и наши львы.

Я осмотрелся вокруг. Никого. Никаких львов.

Невдалеке от дороги стоит могучая акация. Ствол ее почему-то закутан в зеленую проволочную сетку. В тени под деревом — тоже никого.

— Да вы не туда смотрите. Поднимите голову!

Ствол акации троился и давал начало крепким толстым развилкам. Я послушался, поднял голову,

взглянул... и ахнул. В развилках, среди ветвей, свесив лапы и хвосты, лежали три гривастых могучих льва. Звери словно повисли в воздухе. Сонно прищурив глаза, они смотрели на машину и на нас.

Ведь надо же – взгромоздились на дерево! Я засуетился, защелкал фотоаппаратом. Кто и когда научил их этому? Послеполуденный сон хищников!

Одному из львов надоело смотреть на нас, он зевнул, показав розовую пасть и острые желтые клыки. Я невольно вздрогнул. Да, вот это зрелище!

Только получив от Марковича заверения, что мы еще не раз увидим подобное, я согласился покинуть это поразительное место.

Когда мы вернулись в поселок, около конторы директор разговаривал с пожилым африканцем. В руке тот держал новенький молоток с красной ручкой. Я понял, что это и есть тот самый Мусао. Говорили они на непонятном мне местном языке.

– Директор приказывает ему завтра закончить работу, а Мусао отвечает, что осталась еще дюжина деревьев, – переводил Маркович. – Он просит дать ему в помощь человека. Директор говорит, что людей у него нет. А работа очень важная – скоро приедет много туристов.

Разговор продолжался. Маркович, закончив переводить, спросил:

– Вы помните тех трех львов? И дерево, на котором была надета сетка? Так вот, мы, служащие заповедника, называем это – надеть на дерево юбку. Она защищает дерево от слонов. Слоны почему-то боятся ее и не трогают такое дерево. Дерево

не гибнет, и значит, львы могут отдыхать на нем. Приходится беречь все облюбованные львами деревья. На что не пойдешь ради этих великолепных кошек!..

Вечером я спустился к озеру. Закат угасал. В воде зажглись огромные африканские звезды. Заканчивался мой первый день в Маньяре. В парке, где я познакомился со слонами, которые ведут войну с акациями, со знаменитыми маньярскими львами и темнокожим африканцем Мусао, труд которого, защищая львов, обходить с молотком лес и прибивать к самым большим деревьям проволочную защиту — юбку.

НОЧЬ В САВАННЕ

Это был славный старый автомобиль. Что-то вроде дедушки современного микроавтобуса, внутри которого были установлены сиденья для туристов, а в крыше проделаны люки, чтобы туристы могли, открыв их, высовываться по пояс, наблюдать за животными и фотографировать их.

Каждый день в восемь утра машина аккуратно подкатывала к гостинице, и мы, заняв места, отправлялись в саванну.

В тот день поездка была неудачной: кроме рутинных, желтыми и коричневыми пятнами разбросанных по степи стад антилоп да стайки бородавочников, нам никого не удалось увидеть. Бородавочники — дикие клыкастые свиньи с характер-

ной вздыбленной на хребте шерстью – не уступили машине дорогу, а остались стоять, исподлобья разглядывая нас.

– Среди них матка с поросятами, они защищают ее, – объяснил наш гид, темнокожий полуиндиец-полуафриканец Рай.

Это же, видно, понял наш шофер. Автомобиль сполз на обочину, раскачиваясь из стороны в сторону проковылял по кочковатому полю, объехал стайку – поросят было пять, я посчитал, – и выбрался на грунтовку.

Львов, которых мы искали, в тот день обнаружить не удалось, и мы направились назад в гостиницу.

Автомобиль был стар, на половине пути его мотор заглох.

– Ну вот, наконец-то, – пробормотал Рай. – Может, теперь его спишут. У хозяина гаража мало денег, и каждую машину он гоняет до тех пор, пока у нее не отвалятся колеса.

Он вытащил из кармана джинсовой куртки мобильник и сообщил по телефону об аварии в штаб заповедника. Ждать пришлось недолго, через полчаса подкатил джип, и мы пересели в него.

– Машина так и будет стоять? – спросил я Рая. – И ничего с ней не сделается?

– Не знаю. Из гаража сказали, что свободных машин – тащить нашу сегодня – нет.

Бросив прощальный взгляд на железного, отслужившего свой век коня, мы укатили.

Этой ночью — а каждую ночь я выходил на балкон гостиницы, чтобы послушать звуки ночной саванны, — из черной глубины до ярко освещенных гостиничных окон доносилось особенно много голосов. Заухает и замолчит ночная птица, коротко вскрикнет шакал, всплакнет гиена. Несколько раз низко и угрожающе ревел лев.

Я почему-то вспомнил свинью с поросятами. Каково им там, среди беспощадной ночной тьмы?

Наутро случилось так, что я очутился у гаража, около мощного грузовика, когда он отправлялся буксировать аварийную машину. Распоряжался Рай.

— Послушайте, — сказал я ему, — прихватите меня с собой. Пожалуйста. Все равно первая половина дня у меня пустая.

Гид нехотя кивнул.

До места доехали быстро, издалека увидели коробчатый, окрашенный в серую шаровую краску брошенный кузов, вспугнули стайку скворцов — каждый, улетая от автомобиля, нес в клюве пучок набивки от сидений, — вылезли и стали привязывать буксирный трос.

— Ого! — сказал Рай, отойдя в сторону. — Смотрите, кто тут охотился ночью.

На влажной от утренней росы земле отчетливо были видны отпечатки львиных лап и несколько капель крови. Он вернулся к аварийной машине и внимательно осмотрел ее колеса. На одной из шин он обнаружил следы зубов.

– А еще тут побывала гиена, – сказал он. – Только она станет грызть резину. Гиене все нипочем. Одна пробралась к нам в гостиницу и съела пластмассовое ведро. – Пошли вы, пошли! – скворцы, воровавшие волос, вились у самого его лица.

Буксир был заведен, шофер грузовика занял свое место, как вдруг я услышал тоненькое всхлипывание. У моих ног кто-то скулил. Я заглянул под автомобиль и ахнул. Прижавшись друг к другу, там лежали крошечные рыжие поросята – один, два, три, четыре, пять. Наши старые знакомые! Как они попали сюда? Я посмотрел на отпечатки львиных лап, вспомнил ночную саванну и звуки, доносившиеся до моего балкона. Очевидно, именно здесь разыгралась трагедия. Матери удалось увести хищника от своего потомства, но она погибла, а оставшиеся одни холодной ночью поросята забились под теплый, нагретый за день кузов.

– Знаешь что, Рай, – сказал я. – В машинах найдется какой-нибудь мешок? Давай отвезем их в штаб заповедника. Там есть коза, которая выкормила уже не одного подобранного в саванне маленького зверя. Отвезем?

– Ну, если так, – нехотя согласился мой темнолицый друг. Он отправился искать мешок, а я опустился на колени и еще раз заглянул под машину. Под старую машину, которая за свою долгую жизнь сделала немало добрых дел, и даже больная, сломанная, спасла пятерых рыжих сирот.

СИМБА

Небольшие лиловые тучки, предвестники наступающего сезона дождей, закрыли небо над долиной Мката. Автомобиль, на котором я должен был отправиться в свою первую поездку в саванну, задерживался, и Джек Оуэн давал мне последние наставления, как вести себя:

— Главное — не торопись щелкать фотоаппаратом, — говорил инспектор заповедника, — увидите и заснимете все, что вам нужно. Попросите шофера, и он подвезет вас к любым зверям. К автомобилю они относятся как к своему старшему собрату. Если случается беда — виноват всегда человек. Не надо нарушать законы саванны. В Кении, например, как-то одна машина на шоссе не сбавила скорость и врезалась в переходившего асфальт носорога. Автомобиль — всмятку, носорог и шофер убиты. В Уганде компания подгулявших туристов не уступила дорогу стаду слонов. Вожак перевернул машину. Главное — помните о расстоянии, ближе которого подъезжать к зверю не следует. Для льва, например, это двадцать пять метров.

Я недоуменно поднял брови.

— Вот что случилось два года тому назад у нас,— продолжал Джек. — В саванну поехал корреспондент одной американской газеты. А шофером был молодой парень из племени хадзапи. Он только что начал работать и многого еще не знал. Итак, они отправились в степь и там нашли лежащего под деревом большого гривастого льва. Американец

воодушевился и стал уговаривать шофера подъехать как можно ближе. Шофер согласился. Подъехали – метров пятьдесят. Еще ближе – тридцать. И наконец – двадцать пять. И тогда озадаченный симба – а надо сказать, что все хадзапи, как и вообще все, говорящие на языке суахили, называют льва «симба», – встал, встопорщил гриву и понюхал воздух. Пахнет автомобилем, но это не опасно. В чем дело? Лев подошел к машине. Увидев у самого капота огромную желтую гриву, корреспондент и шофер побледнели. Мертвая тишина.

Лев обнюхал двери, тронул лапой замок и вдруг вскочил на капот. Рессоры ахнули. Симба лизнул переднее стекло и одним махом взлетел на крышу. Старая деревянная крыша рухнула. Люди закричали, лев оранжевым метеором метнулся в сторону. Мотор включился сам собой, автомобиль, прыгая по кочкам, помчался прочь.

– Вот что бывает, когда нарушается договор со зверем, – закончил Джек. – А знаете, почему двадцать пять метров? Во все времена было расстояние, на которое зверь остерегается подпускать к себе человека. Сначала это была вытянутая рука с копьем, затем ружье и дальность полета пули. Сейчас это фотоаппарат и двадцать пять метров. На этом расстоянии лев уже слышит, как щелкает аппарат и жужжит перемотка. Эти звуки пугают его. Так, по крайней мере, считаем мы, те, кто работает в Мката.

Раздалось тихое урчание мотора и скрип разболтанного деревянного кузова. Подкатила ма-

шина. Я сел в нее и поехал на встречу со львами. Я теперь знал, как это будет. Мы подъедем, львицы останутся на месте, а старый лев встанет и пойдет нам навстречу. Проверит расстояние — все правильно — зевнет и снова ляжет.

Мир в саванне не будет нарушен.

КРОКОДИЛИХА И ВАРАН

Эту сцену я наблюдал на берегу небольшой речки Мбинго, берущей начало близ знаменитого озера Ньяса и впадающей в не менее знаменитую реку Рувума, пограничную для Танзании и Мозамбика.

Места эти малонаселенные, берег Мбинго песчаный, и поэтому здесь до сих пор можно встретить крокодила довольно большого размера. Сразу в нескольких шагах от берега тут начинается бамбуковая роща. А надо сказать, что я всегда восхищался этим родственником нашего овса или тростника. Каким только не предстанет он! Молодой бамбук — трава, идешь по нему, приминаешь, не обращаешь на него никакого внимания. Поднимется ветерок, зашуршит, залепечет желтозеленая поросль. Бамбук подросший, в два-три человеческих роста, стоит уже стеной, одеревеневшие стебли, каждый толщиной с руку, несгибаемы. Не пробьешься — тупик. А поднимется ветер — закачаются, застучат, сталкиваясь, стволы...

Так вот, однажды я и притаился на опушке такого бамбучника, близ того места, где, как сказали

мне местные жители, одна крокодилиха отложила в песок яйца.

– Можете ходить туда каждый день, каждый день и она там, ведь кладку надо беречь, – объяснили мне.

Конечно, надо! Любителей полакомиться яйцами здесь полно. Выйдет из соседнего леска кабан-бородавочник, ковырнет рылом песок – нет гнезда. Заприметит с небесной высоты кладку гриф, камнем упадет, когтистой лапой песок расковыряет – погибли яйца. Да и собаки из соседней деревни, если найдут – раскопают, разорят, съедят подчистую.

Итак, присел я в бамбучнике, вытащил бинокль, смотрю – крокодилиха уже тут. Недавно вылезла из воды – след на песке еще мокрый. Лежит на песчаном взлобке. Солнце, тепло, славно!

Но тут появился враг. Он проворно бежал вдоль воды. Сперва я даже принял его за молодого крокодила. Но морда тупая, короткая и уж больно быстр. Это был варан! Большая хвостатая ящерица. Порыскал у воды и сразу же направился к крокодилихе. Двигаясь, он держал морду опущенной, то и дело касаясь тонким черным раздвоенным языком песка. Казалось, он что-то вынюхивает или выслушивает.

Мать-крокодилиха лежала не шевелясь. Варан зашел ей с хвоста. И только тогда она ожила, резко повернулась. Варан отскочил. Крокодилиха лежала, повернув к нему морду. Ящер снова зашел сзади. Новый поворот. Так повторилось несколько раз.

Ящер, словно издеваясь, кружил, а она все время неуклюже поворачивалась, чтобы не упустить его из вида.

А что, если она лежит прямо над яйцами? Ну конечно! Не такая проворная, как враг, она не хочет уступить. Не может. Она на посту.

И неожиданно все кончилось. Ударила обычная в тропиках послеполуденная гроза. Взвыл ветер. Сильный резкий порыв нагнул и разбросал в разные стороны сотни деревянных мертвых стволов. Бамбуковая роща загремела. Она угрожающе трещала, по-военному грохотала, стреляла. Белая пелена дождя надвинулась на нас. Варан отбежал в сторону и скрылся в бамбучнике. Мать-крокодилиха осталась неподвижной. Она лежала на песчаном взлобке, закрывая своим телом песок, под которым теплилась жизнь, начало которой она дала.

Проклиная ливень, я выбрался из рощицы, оглушенный, и побежал к росшему невдалеке одинокому, с густой листвой баобабу.

ШИТАНИ — БОЛОТНЫЙ ДУХ

Однажды я заблудился в мангровом лесу. Мангры. Для человека, никогда в таком лесу не бывавшего, эти слова — звук пустой. А на самом деле, удивительнее мангр места нет. Это лес, в котором деревья стоят «по колено» в воде, заросли на границе реки и океана, там, где пресная вода пере-

мешивается с соленой. Стеной стоят вечнозеленые деревья и кустарники. Дерево около дерева, кривые ветки перепутались с воздушными корнями. Каждое дерево на корнях, как на ходулях, уперлось, держится, чтобы не унесло течением. И вот в таком лесу я чуть было не пропал. А надо сказать, что случилось это в устье реки Руфи-джи. И началось с того, что, проезжая через деревню, я увидел сидящего на обочине старика, который что-то мастерил, тщательно обстругивал ножом-лопаточкой брусок черного дерева.

– Что он режет? – спросил я переводчика, когда машина остановилась и мы, сойдя с нее, подошли к мастеру.

– Он сам еще не знает, – сказал переводчик. – Дерево само подскажет. Спросите. Он не ответит.

Я присмотрелся. То, что обстругивал мастер, было уже не бруском – в деревяшке угадывалось живое существо. Вон – человеческая нога, вон – рука, опущенная на живот. Наметилось что-то вроде головы. Голова – не голова: губастый рот до ушей, лягушачьи выпученные глаза, носа вообще нет. И еще – какой-то побег выползает из не тронутого ножом дерева, обвивает голову, ложится на лоб, заканчивается змеиной пастью.

Мне страшно захотелось купить скульптуру. Договорились со стариком, и когда два дня спустя наша машина снова проезжала мимо деревни, божок оказался в моих руках. Да, да, это был божок, никаких сомнений теперь уже не было. Но какой удивительный! Странное существо стояло на

одной ноге, вторая нога, поднимаясь от ступни, не вливалась в туловище, а превращалась в ту самую змею, которая заканчивалась на голове бога. Мало того, у существа была одна женская грудь, и поэтому сказать, мужчина это или женщина, было невозможно. Божок, дух, но только — чего?

— Шитани, — сказал мне переводчик. — Жители племени маконде называют такие статуи «шитани». Это слово происходит от арабского «шайтан».

Так бы и осталось для меня загадкой предназначение скульптуры, если бы вскоре я, как уже сказал, не заблудился в лесу.

И впрямь, это был удивительный лес. Бредешь по колено в воде, оставляешь позади себя облачка желтого, поднятого со дна ила. Кругом тонкие кривые стволы, сочные зеленые листья. Кипит жизнь: птицы сидят на ветвях рядом с ящерицами, лягушки — бок о бок с крабами, морские рыбы черными стрелами мелькают в воде, гоняются за речными серебристыми. А вот и главная диковинка. Вылезла из воды небольшая зеленая рыбка, сильными длинными плавниками уперлась, вскарабкалась на дерево. Сидит на суку, пучит глаза, высматривает добычу. Есть добыча: летит мимо черная жирная муха. Рыбка — прыг! Пока летела, муху схватила и — шлеп! — в воду. Называется рыбка илистый прыгун.

Пока смотрел, гляжу — батюшки! — а воды-то уже нет. Пошел отлив, остались одни небольшие лужицы. Обнажились песчаные мели. Выбежали

на них пестрые крабы. У каждого – норка. Одна клешня у краба красного цвета, другая – черного. Приподнялся краб, поднял красную клешню, как флажком ею размахивает: «Не подходи, я это место занял, тут мой дом!» Краб-сигнальщик.

Пока я удивлялся населению мангр, опустилось солнце и снова начался прилив. Идет из океана вода, трясет тонкие стволы, завивается в корнях желтой пеной. Вот и морская полосатая змея промелькнула, вот и кожистая длиннолапая океанская черепаха вернулась.

Быстро темнеет. Пора уходить. Загудели, запищали москиты, зудит мошка, лепится на лицо, поедом ест. Шел, шел и провалился по пояс. Вроде бы я здесь не был, не той дорогой сюда шел. А лес все гуще. Иду, грудью пробиваю завесу из плотных ветвей, продираюсь между стволами, падаю в воду. В одном месте не смог пробиться, лег и пополз. Неужто не выйду!? Но вот поднялось под ногами дно, реже стала лесная чащоба. Шлепая по илу раскисшими башмаками, мокрый по пояс, вышел я, выбрался на песчаный берег, упал. Уф-ф!

Вот тогда-то я и понял, что за божка изваял из черного, тяжелого, как камень, дерева старик маконде. Хочешь быть в мангровом лесу своим человеком, не хочешь пропасть – умей проползать между стволов змеей, умей плавать, как лягушка, будь как женщина терпелив и как мужчина силен.

Болотный дух – вот кто такой мой шитани. Он хозяин леса, имя которому – мангры.

ПТИЧИЙ ОСТРОВ

Чтобы наблюдать за птицами, прилетающими из наших краев зимой сюда, на юг, в Африку, присмотрел я островок. Дело было на озере Виктория, невдалеке от большого острова под названием Майсоме. А мой островок был маленький, и никакого имени у него не было.

Поставил я на нем белую палаточку-засидку и стал наблюдать. А почему белую? Да потому что сам остров был весь белый. Слетелись на него из наших холодных северных краев гуси, цапли, крачки, аисты, пеликаны, кто из Подмосковья, кто с Каспия, кто из далекой Кандалакши, кто даже из заполярного Канина.

Кипит жизнь на маленьком пятачке. Кто на месте сидит, кто по берегу бродит, кто с бережка в воду сошел, ловит в озере рыбу. Благо она тут ходит тучей, лови — не хочу!

Очень мне хотелось какие-то особенности этой птичьей семьи подсмотреть. Ну, одна особенность сразу видна — все заняты общим делом: всем нужно подкормиться, набрать сил для обратного перелета. Еще — в драки здесь никто не вступает. Так, разве что поссорятся двое, накричат друг на друга, обругают и разойдутся в разные стороны. А вот что еще?

Сижу я в палаточке, краешек белой брезентины пальцем отвел, глаз фотоаппарата в щель выставил, жду.

И вдруг вижу – забеспокоилась моя пернатая армия. Завозились, запрыгали белокрылые, головы в одну сторону повернули. Повернулся туда и я, приподнял брезентину... Скандал! Никак на островок десант высаживается. Подходит к берегу моторный катер, на нем десятка два туристов с фотоаппаратами, сумками и зонтиками. Видно, кто-то подсказал им, что тут можно сразу тысячу разных птиц увидеть.

Что делать? Не знаю.

Не успел катер ткнуться в берег, как с его носа на песок выскакивает маленькая коротколапая собака. Такса! И сразу остров взорвался. Тысяча его обитателей с оглушительным криком поднялась в воздух. Сотни и сотни птиц взмыли в небо, белая метель закружилась над островом. Словно вулкан выбросил тучу белого пепла.

Тогда я не выдержал, выскочил из своей ухоронки, подбежал к катеру и начал кричать на непрошеных гостей. Я проклинал их. Поднимал руки, показывая на испуганные стаи и требовал, чтобы они убирались.

Таксу поймали, катер уплыл.

Однако на этом мои приключения не закончились. Сижу, прихожу в себя. И птицы успокоились. Опустилось белое облако, все расселись, заняли свои места. Но тут, чтобы посмотреть, куда поплыл катер, я еще раз обернулся в сторону воды. Вижу – новый гость. Движется к берегу большое красное пятно, торчат круглые ушки, блестят два глаза. Бегемот.

«Ну вот, — думаю, — час от часу не легче. Этот тут такой гвалт, такую панику поднимет, только держись! Пропало дело».

И что бы вы думали? Многопудовый зверь не стал задерживаться в воде, сразу же ступил на берег, а птицы на него — ноль внимания. Бредет среди них краснокожее чудовище, а птицы чуть в сторонку отойдут и снова на старое место. Расступаются, пропускают, не волнуются.

И тут я понял, почему колония испугалась крошечную таксу. Да потому, что она — чужак. Неизвестно, что от нее можно ожидать. А бегемот — свой зверь. Местный, тутошний. Не первый раз приходит. Его бояться не надо.

Посмеялся я, посмеялся, поднял фотоаппарат, поймал в объектив красный гиппопотамовый бок и щелкнул затвором.

Будет память, как подсмотрел я еще одну особенность крылатой стаи, — птицы в ней хотя и залетные, «нашенские», а в африканском зверье разбираться научились отлично!

ЧЕРНАЯ МАМБА

— Когда-то моя работа была — ловить змей, — сказал Генри, пожилой англичанин, с которым я познакомился в заповеднике Мката, где мне посчастливилось прожить больше месяца. — Мы с женой с юга, из-под Претории[1], она там доучивалась, а я

[1] Претория — город в Южной Африке.

был профессиональным ловцом. Змей я сдавал в Центр, где их доили, добывали яд. Мне хорошо за это платили!

Генри и его жену я видел часто: она работала в заповеднике врачом, а он целыми днями слонялся по поселку.

— Когда-то равного мне не было во всем Трансваале[1]. Если повезет, я покажу вам, как надо обращаться со змеями, — закончил он.

Мне повезло. Однажды утром я был разбужен тревожным стуком в дверь.

— Собирайтесь, идемте. Божичи говорят, что видели кого-то в своем сарае, — послышался голос Генри.

Ферма Божичей, сербов, сбежавших из Боснии[2] и поселившихся здесь, чтобы держать коров и продавать молоко заповеднику, была на самом краю поселка. Хозяева, муж и жена, встретили нас на дороге.

— Ты что видел? — спросил Генри хозяина. — Можешь описать?

Серб покачал головой.

— Я видел один хвост. Черный хвост, который скрылся, как только я вошел в сарай. Там у нас сложены листы — фанера и жесть, которые остались от коровника. Впрочем, в сарае темно, хвост мог быть и коричневым. Я мог ошибиться. Скорее всего и ошибся. Может быть, там вообще никого нет.

[1] Трансвааль — район в Южной Африке.

[2] Босния — часть европейского государства Босния и Герцеговина.

Сказав это, Генри сбросил с себя аккуратный чехол, наподобие тех, в которых любители рыбной ловли носят свои спиннинги, вытряхнул из него две двухметровые палки с зажимами на концах и, сунув руку в карман, достал из него еще и маску с очками.

— Это если змея окажется черношейной коброй, — объяснил он мне. — Слыхали про такую?

Я кивнул. Еще бы! О кобре, плюющей ядом прямо в глаза человеку, знает каждый, кто хотя бы раз заглянул в книги об африканском зверье.

— Открывай!

В сарае был свободен пол, а стена напротив входа закрыта стеллажом. Генри приказал нам держать дверь распахнутой, а сам, не выпуская из одной руки свои палки, начал другой рукой стаскивать с полок листы. Он тащил их очень медленно, а вытащив, отдавал нам.

Наконец, мне показалось, что на полке что-то мелькнуло.

— Стоп, она здесь! — сказал Генри и сдернул с лица маску с очками. — Эта не плюнет. Не заслоняйте мне свет.

Момент, когда показалось все туловище, я не видел. Я видел только, как Генри, переложив одну из палок в свободную руку, быстрым движением воткнул ее во что-то блестящее. Щелкнул зажим. Генри начал медленно вытаскивать змею, держа наготове вторую палку. Щелк! Еще один зажим сошелся, на этот раз — на змеиной шее. Грохоча, обрушивая листы, ловец поволок змею к выходу.

– Мамба, – довольно проговорил он. – Черная мамба. Два метра, не правда ли? Даже два с половиной, – гордо добавил он. – Божич, иди вызывай джип. Повезем выпускать ее. А вы, мадам, принесите из дома мешок. Только без дырок!

Когда Божич пригнал из штаба заповедника автомашину, у ног Генри уже шевелился коричневый джутовый мешок.

Грунтовой дорогой мы повезли нашу добычу в глубь заповедника.

Заехав в редколесье, мы остановились, и Генри вынес мешок на дорогу.

– Отойдите! – он развязал узел и, отскочив, ловко высыпал змею на дорогу. Ошеломленная солнцем мамба свернулась черными кольцами и настороженно подняла голову. И тогда Генри вдруг крикнул нам:

– Скорее назад, в джип!

Но опасность грозила нам не со стороны змеи. Из-за поворота дороги показался слон. Он медленно шел, поводя ушами. Мы впрыгнули в машину и, очутившись в безопасности, стали наблюдать, что произойдет. Слон двигался прямо на змею.

Мамба скоро поняла, что перед ней новый враг. Но она не испугалась и не поползла прочь. Она вытянулась во всю длину, приподняла голову и широко раскрыла пасть. Мое зрение стало необычно острым, мне даже показалось, что я вижу свисающие с верхней челюсти два длинных кривых зуба и капли яда на них.

Змея была великолепна. Она ничего не могла сделать слону, не могла прокусить толстую кожу его ног, не могла дотянуться до хобота или рта, но она не уходила. Змея зашипела.

И тогда слон остановился и, потоптавшись на месте, нехотя повернул. Он отступал, брел, помахивая из стороны в сторону хоботом. И только тогда, когда он скрылся за деревьями, мамба черными петлями скатилась с дороги в траву.

— Не ожидал! — сказал Генри про змею, а я подумал: как неравноценны силы человека и зверя и как всякое наше вторжение в жизнь дикой природы искажает настоящий облик и характер животного.

МИОМБО

Брожу я по миомбо. Миомбо — это, по-нашему, редкий лес. Растут посреди саванны низкорослые зонтичные акации, столбиками стоят трехметровые молочаи, нет-нет да и попадется раздутый в боках, как бутылка, баобаб. Брожу, высматриваю среди здешних африканских птиц кого-нибудь знакомого. Присел на пенек отдохнуть. Только поднялся, на мое место села маленькая пичужка. Спинка зеленая, крылья коричневые. Крылышки сперва расправила, потом прижала, одним глазом на меня смотрит. Нет, и эта мне не знакома.

А кругом трепещет, порхает, перекликается звонкими голосами чужая жизнь. Только смотри!

Вон в баобабе дупло. Замазано глиной, оставлена одна щель. Из щели торчит красный горбатый клюв. Это птицы-носороги себе дом устроили. Самка забралась в дупло, яйца снесла, супруг ее там и замуровал. Сиди, высиживай птенцов. Ну и африканские нравы!

А вот еще незнакомец. Вышагивает под деревьями длинноногий охотник. Шагает, внимательно себе под ноги смотрит: не промелькнет ли ящерица, не завертится ли – петля за петлей – змея. Ящерицу просто так, одним взмахом головы, проглотит, а со змеей придется повозиться – ногами ее забить и только тогда полакомиться. Эта птица секретарем называется. Так когда-то первые белые поселенцы ее прозвали. Торчит у птицы на затылке пучок, точь-в-точь гусиное перо за ухом у писца.

А вот кто-то серый прошмыгнул у меня под ногами. Никак мышь? Нет, тоже птичка. Из травы выскочила, взбежала на акацию, мышиной повадкой вокруг ствола обежала и вверх-вверх на самую макушку. Вспомнил я – это и верно, птица-мышь. За повадку не скакать, не прыгать по земле, а бежать – юрк-юрк! – ее так прозвали.

И вдруг слышу я: тук-тук! И снова: тук-тук! Никак дятел? Где-то рядом! Обрадовался я, стал на верхушки деревьев смотреть. Нет нигде дятла!

Незаметно для себя вернулся к пеньку. Ах, вот оно что! Это же стучит моя старая коричнево-зеленая знакомая. Откинет пичужка головку, носом в дерево – стук! Еще раз – стук! Ну ладно, хоть

кого-то похожего по манерам на наших лесных жителей увидел, и то ладно...

Так ни с чем я и вернулся сперва в гостиницу, а потом и домой, в Россию.

И тут у меня произошел разговор с приятелем, который всю жизнь занимается птицами. Рассказал я ему про свою неудачу, даже пенек вспомнил, а он говорит:

— Эх вы, натуралист! Это же вы дятла и видели. Только называется он дятелок. Маленький дятел. Такой уж уродился. А между прочим, вы плохо смотрели. Половину наших птиц там можно увидеть. Даже воробья и ворону. Видели? Полно там нашей родни!

Ничего я ему не ответил. Стало стыдно. Миомбо — чужой лес, а своих узнавать надо.

СТАРЫЙ АВТОБУС

Впервые я увидел этих обезьян, когда они возвращались после набега на огород-шамбу. Они шли строем: впереди крупный гривастый самец, по бокам, прикрывая отряд и сзади, самцы поменьше, в середине — самки, на спинах которых устроились малыши. Бабуины шли не торопясь — набег сложился удачно — об этом говорили зажатые в зубах обезьян кукурузные початки. Кто-то на ходу жевал, у одного малыша изо рта торчал зеленый капустный листок.

Наши дороги совпали, и я пошел следом за рыжей ватагой. Обезьяны шли, не сворачивая, вдоль дороги, пока не очутились перед вытащенным на обочину кузовом ржавого разбитого автобуса. Эта дорога вела когда-то в соседнюю деревню. Когда там пересохли колодцы, жители оставили дома, дорога заросла и покрылась ямами. Видимо, с тех пор и стоял здесь автобус. Дойдя до него, шайка остановилась. Первыми в двери и окна залезли самки с детенышами, за ними последовала молодежь, последним, приподнявшись и осмотрев все кругом, забрался в старый рыдван вожак. Меня как опасность он не воспринял.

— А что вы удивляетесь? — сказал мне Том, хозяин, у которого я остановился в деревне.

Вернувшись вечером, я сообщил ему о виденном.

— Они пришли сюда из-за озера, там скалы, они привыкли жить в пещерах. Автобус показался им родным домом.

И он рассказал, что сначала местное зверье атаковало пришельцев, но от шакалов собакоголовые легко отбились, струсила сунуться внутрь кузова и гиена, а что было с забредшей в окрестности деревни из соседнего заповедника старой львицей, Том видел сам.

— Она была очень стара и хромала. Раненые и старые львы не могут охотиться за антилопами, они ищут добычу полегче. Так вот, эта львица пришла к автобусу, следуя запаху обезьян, и попробовала просунуть голову внутрь. Бабуины подняли

дикий гвалт, я думаю, они еще и щелкали зубами, а зубы у них, как ножи. Кроме того, львы охотятся только на открытой местности. Львица отошла и легла рядом. Мы, крестьяне, все видели. Сначала обезьяны сидели в автобусе молча. Потом решили, что надо защищаться. Они начали высовываться из окон и подбирать камни и палки. Или выскочит с обратной стороны, схватит булыжину и назад. А потом на львицу посыпался настоящий град снарядов. Она терпела, затем встала и зарычала. Камни и палки полетели еще сильней. Один булыжник попал львице в больную лапу. Она рявкнула, повернулась и, прихрамывая, побрела прочь. Банда разразилась радостным воем. Ведь львица сдалась!.... Вот видите, какие они, эти автобусные, — закончил свой рассказ Том. — Мы хотели прогнать их, они поедают наш урожай, но потом решили не связываться. Против них ничего не придумаешь...

Получилось так, что мне довелось еще раз встретиться с обезьяньим народцем. Мы с инспектором заповедника Джеком Оуэном снова проезжали мимо этой деревни. На окраине я увидел трактор, который тащил на буксире старый автобус. За ним следом в том же порядке маршировал взвод бабуинов. Обезьяны шли молча, встревоженно посматривая на трактор. Я рассказал Джеку о первой встрече.

— Кому нужна эта рухлядь? Ее даже нельзя сдать в металлолом. Зачем его тащат? — закончил я.

Джек расхохотался:

– А такое вам в голову не приходило? – спросил он. – Я уверен, что это крестьяне наняли трактор. Они оттащат автобус так далеко, чтобы этой банде не захотелось посещать их огороды-шамбы. Крестьяне таки придумали, что делать!

Тогда расхохотался я. Обезьяны упрямо шли за трактором. Они решили до конца быть верными этому странному, приютившему их железному чудовищу. Решили ни за что не оставлять его.

ПОД БАОБАБОМ

Эту удивительную сценку я подсмотрел, сидя у окна в домике Джека Оуэна, смотрителя национального парка Мката. Джек ушел за машиной – мы должны были ехать на опознание слона, убитого браконьерами. Джек полагал, что это чужой слон, из стада, недавно перекочевавшего в парк с юга от границ Мозамбика.

Итак, я сидел у окна, а за окном под старым бутылкообразным баобабом затеяли драку собакоголовые обезьяны – бабуины. Внимание стаи привлекла свежая рана на стволе баобаба. Утром на моих глазах слон, которому было лень идти на водопой, отвалил бивнем от ствола большую, величиной с доску щепу. Обнажилась влажная, белая, древесная мякоть. Слон тогда зачерпнул хоботом несколько кусков, положил в рот и принялся сосать.

Бабуинам, видно, был знаком этот секрет. Но прежде, чем заняться деревом, они устроили потасовку. Каждый хотел быть первым. Молодой самец сунулся было впереди громадного гривастого вожака, но тотчас получил затрещину и покатился. Вожак поймал его за ногу и укусил. Избитый с визгом вскочил на ноги и, хромая, побежал прочь.

А надо сказать, что невдалеке от нашего с Джеком дома стояла старая, полуразвалившаяся туземная хижина. В свое время ее построил для себя один из сторожей. Типичная туземная хижина — стены из составленных в круг, нарубленных в лесу шестов, крыша — из вязок соломы. Никаких окон. Дверь — из двух половинок, разрезана пополам на высоте человеческой груди, для того чтобы можно было, закрыв нижнюю половинку, верхнюю держать открытой.

И вот, изгнанный из стаи бабуин, содрогаясь от обиды и скуля, добрел до хижины и уселся под дверью. Посидев и успокоившись, он решил исследовать, что это за штука — дверь. Замок был сломан, верхняя половинка давно упала и лежала на земле, нижняя еще держалась на петлях. Обезьяна, ухватившись за ручку, потянула. Дверь скрипнула. Это что такое? Молодой бабуин повел дверь от себя. Снова скрип! Стая под баобабом насторожилась. Как занятно! Даже вожак повернул голову в сторону певучего звука.

Под завистливыми взглядами стаи и настороженным взором предводителя изгнанник начал

качать дверь. Скрип, скрип!.. Получилась отличная песня!

Один из молодых самцов поднялся и, заинтересованный, сделал несколько шагов в сторону музыканта. Рычание вожака пригвоздило его к месту. Но песня продолжалась, и вся стая слушала ее.

Вернулся, не достав машины, Джек. Я рассказал ему то, чему был свидетелем.

– Видите ли, в стае бабуинов очень строгий порядок, – объяснил он. – Каждый знает свое место: кто старше, кто младше, кого надо слушать, с кем можно не считаться. Даже в походе каждому определено, где идти. Первым или в центре, например, идет вожак. Нужно совершить очень важный поступок, чтобы что-то изменилось. Что ж, у вашего бабуина, может быть, сегодня был великий день. Ну-ка, покажите мне его!

Мы прильнули к окну. Обезьяны уже покидали нас. Выстроившись треугольником, собакоголовые солдаты шли прочь от баобаба. Вторым после вожака шел музыкант. Это было его новое место в стае.

СЛОНЕНОК САБА

Последними на водопой, как это и положено великанам, приходили слоны. Антилопы и жирафы, уступая им место на берегу, отходили в сторону, и тембо – так африканцы называют слонов – входили по брюхо в реку, чтобы обливать себя, заливая заодно и берег.

В тот день к реке подошло стадо из пяти животных. Его возглавляла старая слониха, следом за ней шли две ее дочери и два слоненка-подростка. Старая мать первой вошла в воду, и, пока ее семейство принимало ванны, зорко наблюдала за ним.

— Как ее зовут? — спросил я у своего спутника, африканца — смотрителя заповедника.

— Никак, — подумав, ответил он. — У нас живет больше двухсот слонов, если каждому давать имя, не хватит никакой памяти. Имя надо заслужить. Может быть, слышали — в Кении в заповеднике Марсабит жил слон, у которого были самые большие и тяжелые бивни во всей Африке? Слона звали Ахмед. А в заповеднике Маньяра жила, пока ее не пристрелили, слониха, сверепее которой не помнит никто. Ее звали Торон. Да, да, имя надо заслужить... Смотрите-ка, стадо стало больше!

Действительно, к реке неторопливо шла, гоня перед собой крошечного слоненка, еще одна молодая слониха. Судя по тому, как охотно приняли ее остальные, она была третьей дочерью предводительницы. Теперь слонов стало больше. Оставив на берегу сына, — слоненку было от роду не больше недели, прибывшая вошла в воду и, шумно вздохнув, улеглась, болтая ногами. Малышу очень хотелось присоединиться к матери, он несколько раз подходил к берегу, но каждый раз, боясь воды, отступал.

Наконец, мать встала и, обвив малыша хоботом, попыталась затащить его в воду. Он вырвался и бросился вверх по откосу.

Повторяю: обливая друг друга, слоны не жалели воды, и поэтому откос был весь покрыт жидкой грязью. Слоненок неосторожно наступил на скользкую красную глину и стремительно покатился вниз. Он с размаху въехал в воду и замер там, стоя по колено в воде, вздрагивая и пытаясь понять, что случилось.

Заметив, что слоны не обращают на него внимания, малыш набрался храбрости и снова полез на гору. Он взобрался на нее, снова встал на край откоса и... снова покатился вниз!

Пара обезьян-бабуинов, сидевших внизу, с визгом бросилась прочь.

Вероятно, малыш еще не раз проделал бы этот фокус, но тут семья вышла на берег. Старая слониха подошла к новичку, стала над ним и, отдуваясь, начала внимательно разглядывать его, словно прикидывая: что еще можно ожидать от него? Отойдя от реки, стадо скрылось в зарослях зонтичных акаций.

Когда на следующий день я вместе с тем же смотрителем прослеживал путь слонов по редколесью, африканец сказал:

— Помните вчерашнего маленького тембо? Я рассказал про него своим друзьям, и они решили назвать его Саба, что значит «седьмой». Ни один еще слон не додумался съезжать на ногах в реку. Пусть у него будет свое имя.

ОРАНЖЕВАЯ ЗЕБРА

Это удивительное животное я увидел, когда, получив на целый день в свое распоряжение машину, заехал в самый отдаленный северо-западный угол заповедника. Здесь, в саванне, разделившись на маленькие отрядики, паслись, пощипывая полузасохшую траву (приближался сухой сезон), белочерные лошадки. Машина подъехала к нам поближе, одна из таких групп рассыпалась, и моим глазам представилась, закрытая до того времени товарками, яркая, как вспышка огня, оранжевая зебра.

Это было настолько неожиданно, что я даже ущипнул себя за руку. Не почудилось ли это мне? Нет, огненная лошадка постояла, а затем бросилась вслед за подругами. Пламенной стрелой промелькнула на фоне невысокого холма и скрылась в низине. Обмана зрения быть не могло — животное промчалось невдалеке от машины, какая уж тут ошибка! Но ведь оранжевые зебры не рождаются, откуда могла появиться такая?

Всю ночь я раздумывал над этой загадкой. Спросить было не у кого — мой друг, инспектор заповедника Джек Оуэн, улетел в Арушу на какое-то совещание. Ничего не придумав, на следующее утро я распорядился ехать опять на старое место. Мы вновь прокатились по ухабистой грунтовке, съехали на целину и наконец очутились там, где накануне видели оранжевую. Живой огонек был

на месте. Необычная лошадка паслась отдельно от других. Мы осторожно подъехали. Зебра на этот раз подпустила нас близко. Чудеса да и только!

Мой шофер, темнокожий паренек из племени ньям-вензи, как и я, с недоумением рассматривал животное и даже что-то бормотал по-своему...

В последующие дни чудеса в саванне продолжились. В степи что-то готовилось. Копытные были чем-то встревожены. Черные гну, полосатые зебры, коричневые импала то собирались большими группами, то снова разбредались. Предчувствие каких-то перемен повисло над равниной.

Наконец наступил день, когда животные, словно по команде, сбились в стада и двинулись с места. Многотысячное войско замаршировало на запад. Высокое пылевое облако поднялось над саванной.

И тут над облаком появилась черная точка. Она приблизилась, превратилась в серебристую стрекозу. Белокрылый самолетик сделал круг над штабом заповедника, резко снизился и, подпрыгивая, побежал по посадочной полосе. Дверь кабины распахнулась, появился Джек. Я поспешил к нему. Несколько ничего не значащих вопросов: как прошло совещание, что привез?

— Неловко говорить, — признался я наконец, — ты будешь смеяться тому, что я видел, — и я рассказал про оранжевую зебру, — но ведь таких зебр в природе не бывает?

— Не бывает, — согласился он.

— Как же она появилась?

— Ее покрасили мы.

— Как вы? Зачем? В шутку?

— Конечно, нет. Видишь пыльное облако, — он показал рукой на небо, — знаешь, что это такое? Антилопы уходят на время засухи. Они бросают саванну и уходят к устьям непересыхающих рек Нгуаби и Мбаланкета. Там они будут пастись до начала сезона дождей. А выкрашенная зебра нужна нам для того, чтобы с воздуха — вот с этого самолета — наблюдать за движением стада. Именно нашего стада, и не путать его с другими. Когда зебры вернутся, в штабе будет лежать карта — движение наших зебр. Что ты стучишь себя по лбу?

Русская манера! Я дурак. Как я не смог догадаться, что зебра покрашена? Она ведь теперь, как флаг корабля, сигнал — это идем мы!

ЗЕЛЕНАЯ ДОРОГА

Джошуа Мбонде — инженер на строительстве автомобильной дороги Морогоро — Иринга — стоял на обочине только что законченного участка трассы и сокрушенно качал головой. Было раннее утро, но на черных щеках и лбу инженера блестели черные капли пота.

— Вам что-то не нравится? — спросил я его. Вместо ответа он хмыкнул и показал на дорогу. Только что, прошлым вечером, уложенный асфальт был весь завален зелеными ветками. По обеим сторонам дороги росли низкие зонтичные акации и

тамаринды, кто-то принес оттуда и аккуратно закрыл полотно их листьями.

Я не понял недовольство инженера: завалить дорогу могли только сами строители, раз закрыли, значит так и надо. Но тут послышалось урчание мотора, со стороны города подкатил открытый грузовик, из его кузова высыпала добрая полусотня темнокожих рабочих. Не дожидаясь приказа, они споро убрали ветки и, притащив из грузовика лопаты и ломы, начали расчищать новый участок трассы. Подъехали еще машины, заревели моторы стоящих в отдалении бульдозеров и асфальтоукладчиков, работа закипела.

Эту, не очень понятную мне и малоинтересную сценку, я бы, вероятно, вскоре забыл, если бы не случилось так, что на следующее утро, следуя в саванну, не очутился снова на этом месте. Солнце только что встало, рабочих еще не было. Мой шофер резко затормозил: там, где стояли брошенные на ночь дорожные машины, двигались коричневые и серые горбатые тени. Десяток слонов неторопливо расхаживал взад-вперед, то и дело сходя с дороги, направляясь в заросли и возвращаясь обратно.

Я ахнул: возвращаясь, каждый великан нес охапку свеженаломанных веток. Взойдя на трассу, слон бережно укладывал их и отправлялся за новыми. Весь асфальт, тщательно уложенный накануне Мбонде и его рабочими, был завален зеленью.

Зачем это делают слоны? Что они хотят этим сказать?

Когда вечером, встретив Мбонде у гостиницы, я рассказал ему про то, что видел утром, инженер усмехнулся:

— Разве вы не понимаете? Это протест. Протест против вторжения в их жизнь, — сказал он. — Слоны говорят: оставьте нас в покое. Ничего не изменяйте в саванне. Должен признаться, — добавил он, — подобное я наблюдал не раз. Слоны выдергивают только что врытые телеграфные столбы. Однажды на моих глазах они разобрали по бревнышку только что построенный мост. Те, кто строили его, считали, что им будут пользоваться и люди, и звери, но слоны рассудили по-своему. Они хотят переходить речку вброд. Они знают, что всякие перемены ведут к худшему... Впрочем, кто знает, что они думают?

Я кивнул. Что думают слоны, я тоже не знал.

СТРАУС ДИК

Я познакомился с ним, когда жил в танзанийском селении в доме у крестьянина по имени Джошуа. У того было свое маленькое хозяйство — куры, козы и... Дик.

— Вы Дика уже видели? — спросил меня Джошуа в первый же день. — Смотрите, будьте с этим разбойником поосторожнее. Может сорвать с головы шапку или утащить ботинок. И еще — не оставляйте на видном месте блестящие предметы — ключи или монеты. Поняли?

Я понял и стал жить. Живу, присматриваюсь. Скоро я заметил, что за страусом водятся и другие странности. Так, например, ему было скучно одному разгуливать по деревне, и он повадился ходить вместе со стадом коз. Утром козы — со двора, и он с ними. В полдень они домой — и он. Катится желтое косматое козье облачко, а над ним, как мачта, возвышается длинная птичья шея. Умора!

Как-то я сидел у окна и что-то писал. Устал, решил размять ноги, встал и отошел в глубину комнаты. А очки оставил на подоконнике. Возвращаюсь — что такое? — нет очков. Куда они делись? Вижу — перед окном стоит Дик и хитро, как бы ухмыляясь, смотрит на меня. Что делать?

Мы с Джошуа выбежали во двор.

— Не иначе, как он стащил, — говорит хозяин. — Ай,ай, ай! Вдруг он их проглотил? Бегу за врачом.

Приводит врача, мы с Джошуа ловим и держим птицу, врач щупает у нее горло.

— Тут они, ваши очки, — говорит, — тут. Птица может погибнуть. Надо их доставать.

А надо сказать, что пока он осматривал Дика, тот отчаянно вырывался и бил его ногой.

— Ну и характер, — жалуется доктор. — не птица, а боксер. Тут надо придумать что-то особенное... У вас жена есть?

— Есть, — удивляется Джошуа. — При чем тут жена? Она сейчас в городе у матери.

— А чулки она носит?

— Очень редко, раз в год.

— Тащите их сюда!

Мы продолжаем удивляться, Джошуа приносит чулки, доктор командует:

— Держите птицу покрепче!

И ловко, как фокусник, — раз, два! — натягивает на голову Дику женский чулок.

И надо же! Сильная, сердитая птица тотчас перестала биться. Она застыла на месте и стояла так спокойно, что мы с Джошуа даже отпустили ее. А доктор, достав из чемоданчика острый нож и бутылочку с йодом, оттянув чулок и прощупав горло, быстро сделал разрез. Потом двумя пальцами что-то достал. Блеснули стекла.

— Вот вам ваши очки, — говорит доктор. — Ты очень хорошо стоял, милый! Спокойно, осталось чуть-чуть.

Стянул зажимами-скрепками разрез, забинтовал горло и снова ловким движением снял чулок.

Ошеломленный Дик, увидев свет, завертел головой, посмотрел на доктора, на меня, на Джошуа, клюнул, проглотил пробку от бутылочки с йодом и вдруг со всех ног принялся бежать.

Со двора через жиденькие, связанные из жердей воротца, выходило козье стадо. Дик догнал его, пристроился сзади и зашагал вместе с козами. Стадо, повторяю, текло, как желтое облачко, и над ним снова качалась, как мачта, длинная шея птицы. На шее белела повязка. Козы шли, поглядывали на Дика и удивлялись тряпочке, а он нес ее важно, как флаг.

Больше очки в доме я нигде не оставлял.

СТАРИНА-БОЛЬШЕНОГ

– Странно, очень странно, – сказал Мходжа хозяину, у которого я поселился на время своего пребывания в Мката. – Из курятника стали пропадать яйца. Такого еще никогда не было.

Он замолчал, ожидая, когда я спрошу, что он сам думает по этому поводу.

– У нас в России главные воры – лисы, – осторожно сказал я. – Лисиц у вас нет. Не кажется ли тебе, что в сарай просто залезли крысы?

Мходжа покачал головой. Он очень гордился своим курятником. Он построил для него прочный сарай с толстым деревянным полом и привез петуха и несушек из города. Курятник был большим событием в жизни.

– Это все большая хохлатая птица, – убежденно сказал он. – С тех пор, как появились куры, она все время бродит около дома. Я думаю, она высматривает, как бы ей утащить яйца или цыпленка.

– Хохлатая? Это птица-секретарь, – я уже и сам заметил странного, похожего на журавля пришельца с большими тяжелыми ногами и пучком перьев на голове. – Он не питается яйцами, он ловит ящериц и насекомых.

Я сказал это и схитрил: мне нравился большеногий гость, который, тяжело ступая, то и дело опуская голову к самой земле, бродил около дома. Я знал, что птицы-секретари питаются также и теплокровными животными, а значит, незваный сосед мог польститься и на цыпленка.

– Я буду смотреть за ним, и если увижу, что он нападает на кур, я убью его, – убежденно закончил мой хозяин.

Вечером, когда я вернулся домой, Мходжа сидел на перевернутом ведре около дома и мрачно наблюдал, как то появляется в высокой траве, то исчезает голова с пучком черных и белых перьев на затылке. Старик секретарь был тут как тут.

Прошмыгнув через дыру в заборе, на поле вышла куриная стая.

– Ага! Как он заволновался, – встав с ведра, выкрикнул хозяин кур. – Сейчас я возьму палку...

Он замолчал, птица-секретарь, выйдя на свободный от травы участок земли, неожиданно остановилась и как-то странно, высоко поднимая ноги, замаршировала по кругу.

– Идем лучше посмотрим, что он там делает, – миролюбиво предложил я.

Мы подошли поближе. В центре круга, описываемого птицей, свернувшись кольцом, лежала, часто поднимая голову и шипя, песочного цвета с пятнами на боках змея. Птица-секретарь описала еще один круг возле нее и с неожиданным проворством подскочила и ударила змею ногой. Голова змеи стремительно метнулась навстречу – промах! Птица даже не пыталась пустить в ход свой массивный клюв. Она подскакивала к змее, наносила удар тяжелой ногой и отбегала. Решив удрать, змея развернулась и помчалась к зарослям травы. И тогда хохлатый воин с разбега вспрыгнул на нее. Высоко поднимая ноги, он начал быстро ее

топтать. Один из ударов пришелся по голове, змея забилась, свернулась в петлю и замерла. Заметив нас, птица-секретарь ухватила поверженного врага клювом поперек тела и потащила прочь. Скоро она скрылась с добычей в зеленом разливе.

– Видел? Ты видел, Мходжа? Это была яичная змея! – радостно воскликнул я. – Ну, как же мы с тобой не сообразили – это яичная змея повадилась залезать в твой курятник. Старина-большеног убил ее. Теперь тебе нечего бояться за кур.

– Яичная? Мне это не пришло в голову, – согласился хозяин. – Я знал, что эти змеи грабят птичьи гнезда, но чтобы залезть в запертый на ночь курятник...

– Он будет защищать тебя и от крыс, – поторопился добавить я. – С тех пор как ты завел кур, обязательно жди нашествия крыс. Пусть большеног живет поблизости и питается ими.

Вот что сказал я в тот вечер своему чернокожему хозяину. И Мходжа, владелец самого лучшего в деревне курятника, кивнул. Он был согласен: если около дома поселилось существо, способное убивать змей и крыс, это совсем уж не так плохо.

СТАРИК И СЛОН

Мы сидели во дворе гостиницы около бассейна, и пожилой африканец Абу неторопливо рассказывал мне о своем житье-бытье. Абу был уборщиком, но у его ног, кроме метлы и совка, лежал еще и са-

чок. Небольшой сачок, вроде тех, какими у нас, в России, ловят бабочек.

— Каждое утро я должен вылавливать из бассейна лягушек, — объяснял мне Абу. — За лягушек меня ругают больше всего. Гости очень не любят, когда в воде кроме них плавают лягушки... Вы спрашиваете, много ли в нашем заповеднике слонов? Много. И еще спрашиваете, можно ли отличить одного слона от другого? Конечно, можно. Нет ничего проще. Вот, видите у меня на лице шрам? — Он потрогал щеку, на которой краснел рубец,— я получил его, когда мальчишкой открывал ножом первый раз в жизни консервную банку. Я держал ее у самого рта. Меня можно отличить по шраму. Так вот, у всех слонов разные уши и бивни. Я расскажу о бивнях. Они бывают белые, желтые, коричневые. Бывают короткие и длинные, прямые и загнутые. Два одинаковых бивня всегда растут по-разному: прямо, вверх, вниз, даже в стороны. Иногда перекрещиваются. Надо только уметь смотреть. Вот так.

Я сказал:

— Тебе повезло, ты часто видишь слонов.

Абу пожал плечами:

— Как сказать. Ведь я не езжу в автомобиле по заповеднику, как будете ездить вы, — он смутился — не обидел ли меня — и замолчал.

Я посмотрел за проволочную ограду, которой была обнесена гостиница. Через ограду был пропущен электрический ток. Вокруг гостиницы расстилалась африканская степь — саванна с островка-

ми зеленых рощиц. Над одной из рощиц, ближней у дороги к гостинице, появился странный дымок. Это был не костер — дымок двигался. Он двигался к дороге. Вот он сместился поближе к ней, вот распался на отдельные точки, снова свился жгутом... Я прикрыл ладонью от солнца глаза. Из леска на дорогу вышел слон. Черные точки оказались птицами. Они взлетали, опускались на спину животного и что-то там клевали. Я понял — это стая черных скворцов путешествует с великаном, питаясь на ходу насекомыми и личинками, выклевывая их из его шкуры.

Выйдя на дорогу, слон не повернул назад, а направился в сторону гостиницы. Он обошел ее и остановился за проволокой, как раз напротив двери из кухни. Я повернулся к Абу. Уборщика на месте не было, — волоча за собой метлу, он торопливо бежал к слону. Разделенные проволокой, человек и слон остановились друг против друга. У слона был только один бивень. Видно, в молодые годы он сломал его в драке или когда обдирал кору с дерева. Абу начал что-то горячо говорить слону. Не знаю, понял его слон или нет, но он повернулся и, помахивая хоботом, нехотя побрел прочь. Едва он подошел к рощице, с деревьев слетели и снова уселись ему на спину скворцы.

Абу вернулся.

— Зачем он приходил сюда, что ты сказал ему? — спросил я.

— Он приходил, потому что наш повар всегда вываливает в этом месте за ограду кожуру от ба-

нанов, листья капусты и обрезки овощей. Тембо очень любят свежую зелень (тембо на языке суахили значит «слон»). Я сказал ему, что он пришел рано. Что ему лучше прийти вечером.

— Он что, часто приходит?

— Приходит, — нехотя отозвался Абу. Ему не хотелось выдавать великана, признать, что толстокожий тембо повадился кормиться у кухни.

— А ты отличаешь его по бивню?

— Ага...

Днем, когда я вместе с другими пассажирами маленького автобуса ехал по саванне, разглядывая и фотографируя животных, я снова увидел над одной из рощиц несколько черных дымков. Через рощицу шло стадо слонов. Однозубого великана среди слонов не было.

«Должно быть, — подумал я, — он где-то остановился и ждет. Ждет вечера, чтобы прийти к гостиничной кухне. Там его опять встретит Абу, уборщик мусора, африканец, у которого так много забот и даже есть одна такая странная работа — ловить в бассейне лягушек».

КИБОКО

Мое знакомство с африканскими бегемотами началось с беды. Передвигаясь по Танзании, наша маленькая группа остановилась на отдых в селении Мзваду на берегу озера Виктория. Жители селения, темнокожие африканцы из племени

джолуо, объединившись, засеяли здесь свои поля кукурузой. В день когда мы приехали, все они собрались у единственного магазинчика, который заменял им клуб. Но они спорили не об урожае, а горячо обсуждали какое-то происшествие.

– Она не уступила ему дорогу. Но он сам должен был остановиться, – начал пересказывать мне содержание разговоров наш переводчик Ахмад. – Вчера вечером через кукурузное поле шла молодая женщина. Позади нее шли еще люди. Они пели и громко разговаривали. А надо сказать, что бегемоты-кибоко очень любят кукурузные початки. Как раз в этом месте они проложили тропинку в глубь поля. Женщина шла по этой тропинке, она торопилась домой к ребенку. Бегемот услышал голоса людей, испугался и бросился к воде. Она не догадалась отскочить, не уступила ему дорогу, а он не остановился, сбил ее и помчался дальше. Крестьяне говорят, что она в больнице и ей очень плохо. Она может погибнуть. Так бывает всегда, – закончил Ахмад, – когда нам, людям, и бегемотам-кибоко становится тесно жить рядом.

– И что теперь делать? – спросил я. – Ведь надо что-то предпринять. Это может повториться. Может быть, перенести поле подальше от воды?

Переводчик покачал головой:

– Крестьяне не захотят. Хотя кибоко и жили в озере задолго до того, как люди пришли сюда. Теперь люди не уступят. Они застрелят несколько кибоко, чтобы остальные поняли – нельзя нападать на человека. Народ очень обозлен, такого давно

не было. Весь берег уже знает, что едва не погибла женщина. И знаете, что будет, когда в кибоко начнут стрелять? Они покинут поля и войдут в озеро. И тогда вода в озере поднимется. Всегда, когда вода в озере поднимается, мы, джолуо, говорим: «Это бегемоты-кибоко вошли в воду». Так будет...

На следующее утро мы уехали из деревни.

Та осень в Танзании была на редкость дождливой. Сезон дождей запоздал, а затем с Индийского океана пришли особенно плотные тучи, и они тянулись нескончаемой синей чередой. В это время я уже жил в заповеднике Микуми. Там мне снова довелось встретиться с бегемотами. Здесь не было ни реки, ни озера, и кибоко жили в больших лужах. В каждой — по семейству. Наш автомобиль неторопливо переезжал от одной лужи к другой, и мы без помех могли наблюдать жизнь водных лошадей, как называли когда-то древние греки бегемотов. В каждой луже с родителями сидело по малышу. Из воды торчали красновато-коричневые головы и спины. Если отпрыск семейства был совсем маленький, ему разрешалось проводить дни, сидя на голове у матери. Если побольше и потяжелее — на шее. И, наконец, если сынок был большой и тяжелый, располагаться ему разрешалось только на спине. Пастись в саванну все семейства выходили дружно, ночью, а люди по заповеднику ездили на машинах, и поэтому никаких конфликтов с бегемотами не возникало...

Последний раз я вспомнил о кибоко, когда мы уже покинули страну и летели над берегом великого озера Виктория.

– Смотрите, как поднялась в озере вода! – сказал мой сосед, указывая на коричневые заливы, глубоко врезавшиеся в зеленую саванну. – Что значит сезон. Говорят, таких дождей давно не было.

Он замолчал, а я подумал, что он не знает настоящей причины, почему поднялась вода. Это гонимые людьми кибоко все разом вошли в озеро. И так будет до тех пор, пока люди и бегемоты не научатся жить вместе.

ПОЕДИНОК

Некоторое время я жил в университетском городке танзанийского города Дар-эс-Салама. Жил в домике на окраине парка, в котором студентами было поселено немало причудливых существ, которыми так богат африканский лес.

В дупле дерева, как раз напротив моего окна, жил зеленый хамелеон, странное существо, голову которого украшали два острых рога. Каждое утро он выбирался на ветку перед дуплом и, сидя на ней, наблюдал за всем, что происходило вокруг. Наблюдать ему было очень удобно: каждый его глаз, шариком пристроенный сбоку головы и закрытый, как колпачком, кожистым веком, двигался сам по себе. Так, например, он мог одним глазом наблюдать за мной, а вторым – смотреть вверх, где порхали красно-желтые бабочки.

Каждый раз, когда я садился за письменный стол, хамелеон (я прозвал его ндугу, что значит

«друг») поворачивал один глаз в мою сторону. Ему нравилось смотреть, как мелькают вставляемые в пишущую машинку белые листы бумаги.

Но на ветке мой сосед сидел не зря. Он охотился.

Дождавшись, когда рядом сядет муха или бабочка, ндугу неторопливо открывал рот — все движения его всегда были плавные, как в замедленном кино, — и вдруг выбрасывал в сторону жертвы длинный тонкий язык.

Щелк! Муха приклеена к кончику языка, язык втянут, маленькое страшилище ждет очередную жертву.

Но однажды на дереве появился еще один хамелеон. Он, видно, знал законы охоты и знал, что для того чтобы остаться на дереве, надо изгнать с него хозяина. Пришелец был светло-коричневого цвета, раза в полтора больше моего ндугу. Вот он поднялся по стволу, вот ступил на ветку, вот начал по ней ползти. Шаг, второй. Глаза ндугу повернулись в сторону чужака. Оба рогатых воина замерли друг против друга.

Я представил себе, что сейчас увижу, как столкнутся их похожие на рыцарские шлемы головы, как острый рог вопьется в бок соперника, как сплетутся хвосты и пойдут в ход когти.

Но то, что я увидел, поразило меня. Враги застыли нос к носу, глаз к глазу и... начали менять свой цвет. Ндугу первый перестал быть зеленым, травяные пятна на его коже распались, возникли желтые и черные полосы. Хозяин ветки стал полосатым, как маленькая зебра. Пришелец не задержался с от-

ветом: коричневая кожа его сперва налилась розовым, а затем стала темнеть. Он весь пошел бурыми пятнами. Не шевелясь, соперники в упор рассматривали друг друга. И тогда ндугу еще раз изменил цвет: полосы на его боках поблекли, исчезли, вместо них заалели крупные красные кольца. Враг не нашел ответа. Посрамленный, он сделался черным и слез с ветки. Он повис под ней вниз головой, освобождая дорогу победителю. Но ндугу остался на месте. Он отвернулся от врага и продолжил охоту на мух. А побежденный отправился в обратный путь, добрел до ствола, спустился по нему и пропал.

Солнце набирало высоту. Ндугу, заметив пролетающую стрекозу, ловким плевком поймал ее на лету и проглотил. Стало жарко, маленький шлемоносец побрел по ветке к своему дуплу. Он мог гордиться: он отстоял свой охотничий участок, свою ветку, свое дерево. Он лучше менял цвет, значит, он лучше сражался. Победа его была заслуженна.

БРАТЬЯ РИККИ

Кто не помнит историю отважного Рикки-Тикки-Тави! Историю о том, как смелый мангуст убил змею и спас семью человека, приютившего его в своем доме.

С африканскими мангустами я познакомился во время своего путешествия по Танзании.

Однажды, проснувшись утром, я заметил из окна, что около трактора, который стоял на краю

поля, собралась стайка каких-то рыжих полосатых зверьков, похожих то ли на кошек, то ли на вытянутых в длину собачек. Став столбиками, они вертели головами и что-то высматривали. Трактор стоял холодный и неподвижный — тракторист повредил себе руку и уехал в соседний город, в больницу. Зверьки (а это были африканские полосатые мангусты) сидели на бугорке и поэтому отовсюду были хорошо видны. Это привело к беде. Зашуршали крылья, и с неба камнем упала большая белохвостая птица с загнутым, как крючок, клювом. Орел! Хищник закогтил самого большого мангуста и, неторопливо махая крыльями, понес его к расположенным неподалеку холмам, где у него, очевидно, было гнездо.

Я думал, что мангусты бросятся врассыпную, но вместо этого они поднялись, как один, и кинулись в погоню. Орел с добычей летел, медленно двигая крыльями, и поэтому рыжая стая не отставала. Устав, птица, не выпуская добычу из когтей, села на вершину сухого, разбитого грозой дерева. Полосатые преследователи окружили его. Мангусты верещали, подпрыгивали и выли от гнева.

Не было никакого сомнения: они ругали и проклинали хищника, похитившего их собрата.

Не знаю, испугался ли орел или ему просто надоели шумные преследователи, но он выпустил добычу из когтей. Спасенный мангуст упал прямо на головы своих собратьев, а орел высоко поднял крылья, загреб ими воздух, взмыл вверх и, набрав высоту, двинулся к родным холмам. Стая, как по

команде, прекратила визг и, окружив спасенного, тоже повернула назад.

Что делали остаток этого дня мангусты, я не знаю – я ушел и вернулся поздно вечером.

Проснувшись на следующее утро, я с удивлением увидел, что они снова сидят около трактора. Упорство, с которым зверьки чего-то ждали, заинтересовало меня, я расположился у окна и стал наблюдать.

Вскоре я заметил, что от домов идет человек с белой повязкой на руке. Это был тракторист, который вернулся из больницы и теперь решил отработать пропущенный день. Человек забрался на машину, включил мотор – рыжая стая поднялась и начала строиться. Мангусты строились, как солдаты, в шеренгу, строились молча и деловито, то и дело поглядывая на рычащего железного зверя. Трактор двинулся с места. К нему был прицеплен плуг, и блестящие стальные лемехи вонзились в землю. Шеренга мангустов в полном молчании заняла место позади.

Это было удивительное зрелище: тяжелая колесная машина, фырча, выплевывая синие куски дыма и выворачивая комья земли, двигалась по полю, а следом шла компания рыжих зверьков, то и дело наклоняя головы и разгребая лапками землю. Я понял, что делает эта шайка: полосатые хитрецы шли за трактором, выбирая из перевороченной земли червей и личинки жуков. Вот чего терпеливо они ждали целых два дня!

Заурчал еще один мотор — это приехала за мной крытая машина из заповедника, но полосатые старатели не обратили на нее никакого внимания.

Уезжая, я посмотрел назад. Рыжая компания продолжала следовать за плугом. Высоко сидевший тракторист то и дело оглядывался и смотрел на мангустов. Мне показалось, что я разглядел на его черном лице веселую, добрую улыбку.

ЗВЕРИ МИКУМИ

ГОСТИНИЦА

Вогнутое в виде подковы здание гостиницы на вершине холма. Внизу, прямо под окнами, небольшое озеро.

Здание обнесено оградой. Столбы, проволока. На проволоке — металлические пластинки. Ветер шевелит их, пластинки ударяются о проволоку и звенят.

Я подошел и тронул пальцем пластинку. Сторож, подметавший асфальт, крикнул:

— Осторожно, бвана!

Я отдернул руку.

— Нельзя! — сказал сторож и обвел рукой пространство вокруг дома. — Звери — там, мы, люди, — здесь!

Он был стар, этот служащий африканского заповедника, и весь блестел. Блестела узкая бритая голова. Сверкали чистые крепкие зубы. Мигали медные пуговицы на форменной куртке. Морщинистое черное лицо светилось весельем. Он стоял, опираясь на метлу, у его ног тихонько наигрывал перевязанный веревочкой транзисторный приемник, который он то и дело переносил на новое ме-

сто. Он шел, размахивая метлой, — музыка брела следом.

Перед гостиницей на бетонной площадке стоял укрепленный на тумбе большой бинокль. Рядом табличка: «Три минуты — шиллинг». В тумбе щель. Я бросил туда монету. В тумбе что-то щелкнуло, открылись стекла бинокля. Строгий часовой механизм начал отстукивать секунды.

Я припал к окулярам. На поверхности желтого озера чернели две точки. Коряги? Берег был пуст. Я повернул бинокль — ни в лесу, ни на равнине никого не было. Никого.

НОЧЬ

Наступил вечер, мой первый вечер в Микуми. Солнце упало за горизонт. Небо как-то вмиг потемнело, в нем вспыхнули огромные, как фонари, звезды. Они залили землю голубым светом. Снова стала видна белая, словно облитая молоком, дорога, черные холмы с редкими, похожими на зонтики деревьями, стеклянное блестящее озеро.

С озера грянул лягушачий хор.

В ответ ему в кустах заскрипели цикады, пронзительно вскрикнула птица.

Звезды светили вниз и скользили к закату — небо, неторопливо поворачиваясь, сваливало их за горизонт.

На востоке разгоралось желтое зарево — всходила луна.

Я стоял на дороге.

Кто-то невидимый, маленький прошлепал по асфальту. Должно быть, лягушка. А вот еще одна...

И вдруг я услышал, что неподалеку от меня кто-то дышит. Громко и неторопливо: «Пф-фф-фф! Пф-фф-фф!»

Дышало какое-то крупное животное. Может быть, корова или бык?

Мне даже показалось, что дышат не за оградой, а в ограде.

На всякий случай — кто их знает, этих африканских животных? — я ушел в гостиницу, в номер. Мало ли что...

ДЖОН ПАНТАЛЕОН

Когда я поднялся, раннее утро гасило в лиловом небе последние звезды. У небольшого, открытого, выложенного кафелем бассейна перед гостиницей стоял сторож. В руках у него вместо метлы теперь был сачок.

Сторож опускал сачок в воду и доставал оттуда лягушек.

— Доброе утро, — сказал я. — Как работа?

Сторож кивнул. Оранжевые лягушки шлепались на асфальт и уползали в траву.

Из травы грянула музыка — приемник стоял теперь там.

Я присел на борт бассейна.

— Джон Панталеон, — сказал старик и постучал себя пальцем по груди. — Меня зовут Джон Панталеон. Я работаю здесь уже семь лет.

— Долго. А из каких вы мест?

— С севера.

Старик улыбнулся.

Еще одна лягушка сорвалась с сачка, ударилась об асфальт и заковыляла прочь. Я понял: когда проснутся люди и придут купаться — бассейн должен быть чист.

У дороги росло дерево, на нем висел зеленый, похожий на зеленую дыню плод.

— Папайя! — сказал Джон Панталеон. — Осталась всего одна папайя. Ее показывают приезжим. Будет большой скандал, если дыню сорвут. Джон не допустит этого!

Кончив ловить лягушек, сторож перенес приемник под дынное дерево и, примостившись под ним, задремал. Он сидел, привалясь к тонкому стволу, а из маленькой пластмассовой коробочки у его ног неслись барабанная дробь и выкрики певца.

Приехала машина — она привезла на кухню мешки с мороженым мясом. Джон Панталеон приоткрыл один глаз.

— Будет большой скандал, если дыню сорвут, — повторил он и снова заснул.

СТРАННАЯ МАШИНА

В дверь постучали.

— Начинается посадка!

Около дома стояла машина странного вида. Она была похожа на большую серую коробку, в

крыше — люки. Тихо, с перебоями работал мотор. Шофер — полный африканец, — приподняв капот, с недовольным видом слушал, как захлебывается двигатель.

Рядом стоял Джон Панталеон.

— Ну, как, — спросил я старика, — дыню еще не украли?

Он засмеялся.

— Нет, бвана, нет. Джона не проведешь!

Я вспомнил, что ночью кто-то дышал у ограды, и вдруг увидел в канаве, рядом с дорогой, большой, круглый, похожий на отпечаток кастрюли, след.

— Что это?

Джон Панталеон смутился. Он побледнел. Лицо его из черного сделалось серым. Он быстро-быстро проговорил:

— Ничего, ничего!

Около машины уже собрались пассажиры.

Садясь в нее, я заметил, что сторож, сойдя в канаву, торопливо заметает след.

«Подозрительно!» Мы уселись. Толстый шофер запер нас снаружи (наверное, чтобы мы не вздумали выскакивать и попадать в когти диким зверям), со скрипом включилась передача, машина затряслась, загрохотала люками и двинулась в путь.

СТАДА

Огромная равнина. На ней — стада. Мы катим среди них по мягкой грунтовой дороге. В густой

высокой траве разгуливают светло-коричневые антилопы-импала.

Вместе с импала пасутся иссиня-черные горбатые гну.

В канавах у дороги лежат голубые буйволы. Завидя нас, они нехотя поднимаются и, уставясь на машину выпуклыми, налитыми кровью глазами, ждут. Огромные, тяжелые рога оттягивают головы. Буйволы смотрят исподлобья. Дождавшись, когда мы проедем, они снова валятся в грязь.

Тысячи диких животных.

Так вот какой он — заповедник. Заповедник в центре Африки!

СЛОНЫ

У дороги знак: в белом треугольнике черный ушастый слон.

— Тембо! — сказал наш шофер и зевнул. Ему, видно, надоели все дикие звери на свете. Он вел машину и прислушивался: когда остановится мотор.

«Тембо — это, должно быть, слон!»

Только я так подумал — шофер затормозил.

Дорогу переходил слон. Он был очень большой, неторопливо ступал по асфальту и помахивал мягкими, как одеяло, ушами.

Поодаль, в густой зеленой траве, справа и слева бродили его товарищи.

Слон сошел с асфальта, а мы тихо-тихо поползли вперед.

Слоны обрывали с кустов ветки и щипали траву. Нащиплет, подвернет хобот — и в рот!

В стаде были малыши. Около одной слонихи вертелся черный слоненок Он все норовил залезть маме под брюхо, а та тихонько отталкивала его. Когда мы подъехали совсем близко, слониха помотала хоботом, хрюкнула и пошла прочь. Она шла через густую высокую траву и толкала впереди себя слоненка.

САВАННА

Машина то неторопливо катит по дороге, таща за собой хвост тяжелой пыли, то карабкается с бугра на бугор, пересекая саванну, то стоит, спрятанная в кустах. Люки откинуты, мы наблюдаем.

Вот невдалеке, касаясь головой верхушки зонтичной акации, стоит жираф. Он неторопливо обкусывает листья. Рот приоткрыт, виден тонкий верткий язык. Жираф трогает языком ветку, делает трубочкой губы, втягивает веточку в рот. Обглодал все ветки, перешел к другому дереву.

Поодаль парочка — два жирафа прижались друг к другу, шеи перекрестились, получилась буква «Х».

Автомобиль заурчал, колеса дернули, вверх полетели комья земли. Парочка повернула головы в нашу сторону. Жираф, что стоял под акацией, вышел из тени, сделал шаг, второй. Затрусил прочь.

Бежит жираф, выбрасывает попеременно то правые, то левые ноги. Раскачивается, как мачта корабля, длинная пятнистая шея.

Мы катим следом. А справа и слева уже пришли в движение стада. Как стрекозы, запорхали над травой антилопы-импала: бегут, потряхивая короткими рожками самки, несется, высоко подняв длинные тонкие рога, самец.

Следом мчится тройка гну. Горбатые лошадки, с уродливыми большими головами, скачут, ударяя себя тонкими, с коровьими кисточками на концах хвостами.

Отбежав, все начинают оглядываться. Автомобиль — здесь дело привычное. И останавливаются гну, шагом направляется к новой акации жираф. Импала сбиваются в кучку и начинают щипать траву. Самец взбирается на бугор и замирает там, гордо подняв маленькую головку с длинными рогами. Он вожак стада и он — сторож.

Мы ныряем в канаву, выбираемся из нее и по дороге — следом желтый шлейф пыли — катим дальше.

Дорогу переходит стая собакоголовых бабуинов. Обезьяны идут походным строем: впереди — огромный самец с львиной гривой, за ним самки с детенышами. По сторонам — охрана — молодые самцы.

Детеныши постарше едут верхом. Самые маленькие висят на груди у мам.

Шерсть у бабуинов зеленовато-бурого цвета. Сошло стадо с дороги и исчезло, словно растворилось в зеленом, желтом, буром разливе трав.

СИМБА

Мы долго искали львов. Наконец наш шофер, попетляв по мягким пыльным дорогам, решился: перевалил через канаву и повел машину напрямик степью к группе деревьев, едва видных на горизонте.

«Лендровер» шел, поскрипывая, раскачиваясь, бросая нас из стороны в сторону.

Деревья поднимались, росли.

Мало-помалу я начал различать под ними какие-то точки. Подъехали ближе — точки превратились в больших бурых кошек.

Львы! Шесть львиц и трое львят лежали в тени. При нашем приближении львицы подняли головы и стали рассматривать машину. Львята, не обращая на нас внимания, играли. Они кусали и норовили опрокинуть один другого.

Машина остановилась шагах в двадцати. Мы стали фотографировать.

Одна из львиц, увидев направленные на нее блестящие трубы, зевнула.

— Ближе! Пожалуйста, ближе! — умоляли мы шофера.

— Нет!..

Когда мы вернулись в гостиницу, я спросил его:

— Скажите, были случаи: львы нападали на людей?

— Никогда.

— А вы давно работаете?

— Восемь лет. Симба умный, — добавил шофер, — зачем ему нападать на человека? Человек сильнее.

— Почему же вы не подъехали ближе?

И он рассказал такую историю.

Это было два года назад. В машине, из которой туристы смотрели на львов, сидел корреспондент одной богатой газеты. А шофер был молодой парень, который только начал работать в заповеднике.

Корреспондент стал уговаривать шофера подъехать поближе. Уговорил. Потом еще поближе... Потом еще.

Один из львов удивленно понюхал воздух, не уловил в запахе автомобиля ничего нового, встал, сделал несколько шагов и очутился рядом с машиной. Корреспондент захлопнул люк.

В машине стояла мертвая тишина.

Лев обнюхал замки, тронул лапой дверь и вдруг вскочил на капот. Передние рессоры, охнув, просели.

Пассажиры с ужасом видели через переднее стекло, как перед самым их носом переминаются огромные желтые лапы.

Льва заинтересовали люки. Он лизнул один, поскреб когтями другой. Брезент с хрустом лопнул.

И тогда — изучать так изучать! — лев вспрыгнул на люк. Старая деревянная крыша рухнула. Люди завопили, лев, как оранжевый метеор, метнулся в сторону, автомобильный мотор включился сам собой. Полуразрушенный «лендровер», прыгая по кочкам, понесся прочь...

— Нет, нет, подъезжать нельзя! — закончил свой рассказ шофер.

НОЧНОЙ ГОСТЬ

Шли дни. Как-то утром я увидел на дороге Джона с ведром. Сторож тщательно замывал чьи-то следы.

«Вот так раз! Снова?»

Увидев меня, он смутился.

И я решил подсмотреть: в чем дело?

Лег пораньше, проснулся чуть забрезжило и вышел из гостиницы.

Около кухни что-то постукивало и позвякивало.

Обогнул угол дома и ахнул: за проволокой около кухни стоял огромный коричневый слон. Он стоял, пригнув голову, и катал хоботом пустые консервные банки.

Напротив слона, по эту сторону ограды, сидел на камне Джон Панталеон и, размахивая руками, что-то говорил слону.

Я подошел к ним.

Прощадка у кухни была вся в СВЕЖИХ слоновьих следах. Значит, недавно слон был по ЭТУ СТОРОНУ ограды!

Увидев меня, Джон вскочил и быстро-быстро заговорил. Он говорил и все время вскидывал руки вверх, словно призывал небо в свидетели.

— Друг тембо, уходи! Прошу тебя! — повторял он и махал рукой, чтобы слон поторапливался прочь.

ТАК ВОТ В ЧЕМ ДЕЛО

Мало-помалу я понял все.

В гостиницу повадился ходить слон. Сперва он просто подходил к ограде и шарил среди кухонных отбросов: доедал очистки бананов, хлеб, капустные листья. Потом однажды, открыв хоботом ворота, проник внутрь. Около кухни, как назло, в ту ночь поставили бочонок с остатками сладкого. И торты, и компот слону очень понравились.

Тембо стал приходить каждую ночь.

Тогда Джон решил поговорить с ним. Он подстерег слона и целый час втолковывал ему, что дикие звери не должны ходить в гостиницу, где живут люди.

Тембо кивнул головой и на следующий день пришел снова...

— В гостинице много приезжих. Если они узнают, что по ночам сюда ходит слон, они могут испугаться и уехать! А меня тогда уволят, — сказал сторож и тяжело вздохнул. — Разве мне поверят, что ты добрый?.. Тембо, я не виноват, что ты любишь вкусные вещи... Уже солнце встало, поди прочь! Кыш, кыш!

Мы с Джоном замахали руками. Тембо перестал греметь банками, зевнул и, помахивая из стороны в сторону хоботом, двинулся в лес.

Он уходил, и желтые пятна света вспыхивали на его боках.

Джон умоляюще посмотрел на меня.

— Не бойся! — сказал я старику. — Я никому не расскажу про слона... Пусть Тембо приходит сюда. В гостинице встают поздно.

ЕЩЕ О СЛОНАХ

Теперь Джон часто рассказывал мне о слонах. Я приходил, садился на траву, старик ставил рядом свой приемник и неторопливо, мешая английские слова с непонятными мне гортанными и резкими суахили, начинал рассказывать.

Он совершенно серьезно утверждал, что все живое в саванне и в миомбо (редком, или, как говорят охотники, «светлом» лесу) обязано своим существованием тембо.

Тембо протаптывают дороги, и люди начинают пользоваться ими.

В засуху, когда все живое в мертвой пыльной саванне в ужасе сбивается около последних луж, только слоны сохраняют спокойствие. Они ждут своего часа и, когда этот час настает — дно последней лужи превращается в каменную чашу, — отправляются на поиски. Они идут к руслам пересохших рек, и стада антилоп, гиеновые собаки и даже носороги молча следуют за ними.

Первыми спускаются в русло реки старые, опытные слоны. Они вытягивают хоботы и, жадно принюхиваясь, шарят ими по сухому песку. Они втягивают в себя воздух, и все звери, стоя поодаль, терпеливо ждут. Но вот слон вместе с запахом пыли и

раскаленной на солнце гальки чувствует еще что-то — прохладное и сладкое. Он дышит все чаще и, наконец поверив, начинает хоботом вычерпывать песок. Горсть за горстью. Выдувает осыпающуюся в яму пыль, черпает до тех пор, пока песок не становится прохладным, а затем влажным. Добравшись до слоя, где он уже перемешан с водой, слон медленно втягивает в хобот воду и осторожно, порциями отправляет ее в рот. Он пьет, и все звери стоят неподвижно, чтобы не мешать великану.

Гну стоят рядом с гиенами, а собаки и шакалы бок о бок с маленькими импала.

И только тогда, когда каждый слон выроет себе ямку, напьется и уйдет, с высокого берега спускаются в пересохшее русло остальные звери. Жадно высасывая из мокрого песка капли воды, пьют носороги, затем собаки и наконец антилопы.

А слоны, отойдя в сторону, дремлют в тени потерявших листья деревьев.

Они дремлют, подергивая толстой кожей и почесываясь о стволы и друг о друга, потому что в засуху страдают не только от жажды, но и от болезней кожи.

Вот почему, еще рассказывал Джон, когда слону удается найти лужу, он ложится в нее и катается, как собака, а после купания посыпает влажную кожу пылью, чтобы она не высыхала так скоро...

— Джон, значит, слоны копают землю хоботом, а не бивнями?

— Они все делают хоботом. Хобот очень нужен слону.

Однажды Джон видел, как тембо дерутся. Прежде чем напасть на противника, слон свернул хобот и спрятал его под бивни...

Из разбитого приемника доносились звуки непонятной речи. Пестрые, как осколки цветного стекла, бабочки лежали в траве. Мы молчали. Джон Панталеон задумался и, покачивая головой, начал беззвучно шевелить губами. Он продолжал разговор, но говорил уже сам с собой.

СЛОНЫ И БАБУИНЫ

Самое интересное в Микуми — это слоны. Когда попадались покладистые спутники, я просил шофера:

— Давайте поедем к тембо!

Мы находили стадо, съезжали с дороги и, остановив машину, начинали наблюдать. Скоро слоны переставали обращать на нас внимание, и мы, кто в бинокль, кто через сильный объектив фотоаппарата, смотрели на них.

Незатейливые истории из слоновьей жизни проходили перед нашими глазами...

Маленькое стадо — три слонихи и два слоненка — прячутся от солнца под баобабом. Листва баобаба дает мало тени, и слоны всегда стараются стать так, чтобы от солнечных лучей их защищал толстый, похожий на бутылку ствол дерева. Слонихи стоят, положив хоботы друг на дружку и пытаясь дремать; слонята, которых еще не свалила

жара, носятся кругами. Время от времени то одна, то другая слониха дает сыну тумака и, обхватив хоботом, заталкивает под себя.

Слонята кого-то преследовали. Кого? Наконец я заметил — в траве шныряли серо-зеленые с собачьими мордами павианы-бабуины. Они копались в земле, переворачивали камни, что-то собирали.

Заметив обезьяну, слоненок подкрадывался к ней и, вытянув шпагой тоненький хоботок, угрожающе хрипя, кидался на нее. Обезьяна с воплем взлетала на дерево и начинала швырять оттуда ветки.

Наконец одной из слоних эта возня и крики надоели. Она повернулась, уперлась в ствол бивнем. Дерево хрустнуло. Слониха поднажала. Бабуины на дереве притихли. Треск — отвалилась целая доска. Обезьяны в панике взлетели на макушку баобаба.

Отвалив еще несколько щеп, слониха расковыряла бивнем светлую мякоть и принялась хоботом извлекать ее, засовывая кусками в рот и неторопливо жуя. Бабуины, склонив головы, внимательно наблюдали. Насытившись, слониха вернулась к подругам, втиснулась между ними и замерла.

Дерево стояло одиноко посреди саванны, и его хорошо было видно из нашей машины. Время шло. Угомонились слонята, забрались к мамам под животы, улеглись, вытянув короткие ножки и вздрагивая во сне.

На верхушке дерева задремали обезьяны.

Саванну сморил полуденный сон.

О БИВНЯХ

Про слоновий хобот известно всем: это и рука, и водопроводный шланг, и кран, и пылесос, и лопата.

Африканцы рассказали, что и бивни пригодны на многое.

Бивнями мать подталкивает непослушного детеныша. Желая полакомиться сердцевиной баобаба, слон откалывает ими от ствола твердые наружные слои. Разъяренный самец пускает бивни в ход как последнее и самое страшное оружие.

Но самое интересное, что именно по бивням легче всего различать животных.

Бивни бывают белые, желтые, почти коричневые. Бывают чистые, бывают с отметинами и щербинками. Есть бивни короткие, а есть до двух метров длиной.

Бывают слоны без бивней. Попадаются такие, что потеряли один клык или откололи большую его часть. Есть бивни прямые и есть загнутые. И наконец, два одинаковых по длине и одинакового цвета клыка никогда не растут на один лад. Они идут или вместе, или врозь, или перекрещиваясь. Есть слоны, у которых один бивень смотрит вперед, а другой вбок или даже вниз...

Африканцы так и говорят: «беззубый», «с расколотым клыком», «тот, что волочит клыки по земле».

Бивни для слона все равно что масть для коня.

КАКОГО ЦВЕТА СЛОНЫ?

Все ли слоны серы? Оказалось, не все.

Большинство слонов в заповеднике были коричневые. Я долго не мог понять — почему? — пока не увидел, как после купания слон набирает полный хобот песку и пыли и посыпает себя с головы до ног.

Однажды навстречу нашей машине вышли из-за поворота два красных слона. Они важно прошествовали мимо и скрылись в рощице. Машина проехала метров двести, и мы увидели поляну, посреди которой краснело огромное земляное пятно — старый термитник из красной глины был растоптан, посреди виднелись отпечатки слоновьих ног и торчали рыжие волоски. Вот где ухитрились измазаться красной краской наши тембо!

И еще: когда слон выкупается, он черный, как школьная доска, черный и блестящий.

БЕГЕМОТОВЫ ЛУЖИ

В заповеднике Микуми бегемоты живут в маленьких озерцах, почти лужах.

Как-то мы решили их объехать. Подъезжали к луже и останавливались около самой воды. В каждой луже сидела семья: папа-бегемот, мама-бегемотиха и детеныш.

При нашем приближении папа-бегемот в первой луже зевнул и отвернулся, а мама-бегемотиха, тронув детеныша ртом, опустила голову под воду

и подхватила сына лбом, как лопатой. Теперь он сидел у нее на голове, подвернув ножки и полуприкрыв глаза. Мама медленно поплыла от нас прочь.

В следующем озерце тоже трое. Но здесь сын сидел у мамы не на лбу, а на загривке.

Пассажиры в машине откровенно скучали. «Лендровер» проехал мимо третьей лужи, тут юный бегемотик сидел у мамы на спине.

В машине со мной были три шведа и итальянка. Шведы демонстративно спрятали фотоаппараты, итальянка что-то недовольно пробурчала. И тут я захохотал, я заливался радостным смехом, на меня смотрели как на сумасшедшего. А я понял! Я понял, чем отличались семьи, — маленькие гиппопотамы были все разного возраста. Ну конечно! В первой луже жил самый маленький, он легкий, и матери ничего не стоит носить его на голове. Во второй — постарше, этот, чтобы маме было легче, перебрался ей на загривок. И наконец, в последней луже — самый взрослый и тяжелый, мать позволяет ему сидеть только на спине. Все семьи в мире разные, и жизнь каждой бегемотовой семьи тоже течет по-своему.

Эх, жаль, нельзя построить на берегу у лужи засидку, посидеть, понаблюдать. Какие еще загадки скрывают мутные бегемотовы лужи?

СНОВА ПАПАЙЯ

Это был несчастный для Джона день.

Выйдя в полдень из гостиницы, я заметил в кустах за оградой какое-то движение. Кусты шевели-

лись. Вот качнулась ветка, вот двинулось с места и понеслось вприпрыжку черное пятно. За ним — второе.

Обезьяны! Зеленые мартышки.

Черные пятна были их физиономиями, а самих обезьян на фоне листвы и веток не было видно.

Я стал наблюдать. Обезьяны были чем-то увлечены. Они то и дело подбегали к ограде, просовывали лапы между проволокой. Хотели что-то достать.

Они увидели папайю! Последнюю дыню!

Я не успел сообразить — отгонять мне животных или звать сторожа? — а обезьяны уже решили.

Одна из них взобралась на дерево — ветки его нависали над дорогой — и побежала по суку. Под тяжестью обезьяны он прогнулся. К ней присоединилась вторая. Третья. Сук сгибался все ниже. Тогда крайняя обезьяна свесилась с ветки и протянула лапу...

Плод сорван! Повизгивая от восторга, мартышка кинулась назад. Но тут на нее набросились подруги. Визг — и новый владелец папайи уже стремительно удирает через кусты.

Послышались испуганные звуки музыки. Размахивая транзистором, ко мне бежал Джон. Он причитал. На покривившихся серых губах застыл ужас.

Сторож — он прозевал свою папайю.

ПОЧЕМУ ПОДНИМАЕТСЯ ВОДА В УКЕРЕВЕ

Мы сидели у кухни на камнях, около груды разноцветных банок.

Джон Панталеон стонал. Он раскачивался и призывал на голову обезьян тысячу бед. Чтоб их съели блохи! Чтоб высохли деревья, с которых они крадут плоды! Чтоб их всех переловил леопард!..

— Так, значит, ты приехал сюда с севера, Джон? — спросил я, чтобы отвлечь мысли старика от пропажи.

— Из Мусома... Проклятые зеленые воры!

Он еще покачался, постонал и, немного успокоившись, начал рассказывать:

— Наш дом — на берегу озера. Виктория — так называете его вы, приезжие. А мы, люди с севера, говорим: «Мы с Укереве». Укереве — так говорит мой отец. Он старый человек. Я не видел его уже тридцать лет.

— Сколько же лет тебе, Джон?

— Сорок пять.

Я даже присвистнул. Он вовсе не был стариком, этот худой, горбящийся африканец с лицом, изборожденным морщинами.

Мы помолчали.

Птичья тень проползла у моих ног. Медлительный марабу сделал круг над домом и опустился на верхушку акации. Ветки затрещали. Втянув шею, марабу застыл. Лысая голова его блестела, как чайник.

— Его кто-то испугал, — сказал Джон. — Гиппо. Наверное, гиппо зашевелился в озере. Когда гиппо шевелятся в озере, вода выходит из берегов.

Я улыбнулся.

Сторож заметил мое недоверие.

— У нас на Укереве всегда бывает так. Дождя нет, ветра нет, а вода поднимается. Она поднимается и затапливает острова. Против нашего дома есть остров Лукуба. Он скрывается под водой. Это значит: в озеро вошло много гиппо.

— А может быть, просто где-то шли дожди?

— Нет, нет, это делают гиппо.

Марабу грузно слетел с дерева и стал у самых наших ног с грохотом клевать банки.

— Это не бегемот испугал марабу, — сказал я. — Марабу просто захотел есть. А вот и он — твой гиппо!

На дальнем берегу озера в высокой траве передвигалось что-то большое, коричневое и неуклюжее.

«ОСТОРОЖНО — ДИКИЕ ЗВЕРИ»

Лет сорок назад в Ленинграде показывали кинокартину «Чанг». Это был фильм о слоне.

Рассердившись за что-то на людей, слоны в этой картине разрушают деревню. Под напором серых туш качаются и падают дома, тонкие стены валятся, как игральные карты, летят соломенные крыши.

«Осторожно — дикие звери!» — говорит в конце фильма белому человеку смуглый охотник, показывая на лес, окружающий деревню...

Мы покидали Микуми.

К гостинице подъехала машина. Совсем новенький блестящий автомобиль. За рулем сидел толстый шофер и улыбался. Мотор работал тихо-тихо.

— Поздравляю! — сказал я шоферу. — Дали новую? У старой испортился мотор?

— Нет, — ответил шофер. — Я сказал начальнику, что пассажиров чуть не съел лев. Что он долго бежал за нами, а машина еле ехала. Начальник очень испугался.

Мы покидали Микуми.

Наша машина промчалась между холмов, миновала поросшую редкими деревьями саванну и затормозила около щита с надписью: «Осторожно! Пятьдесят километров — дикие звери!»

Это надо было понимать так: «Водители машин, соблюдайте осторожность — пятьдесят километров шоссе проходит по заповеднику. Не убейте случайно дикое животное».

Не надо бояться диких зверей, их надо оберегать.

Я обернулся. Позади нас шоссе переходили слоны. Они шли гуськом, бесшумно ступая по асфальту.

Огромные, величественные животные не торопились.

На дороге показался грузовик. Заметив слонов, водитель сбавил скорость, а потом остановился.

Слоны шли по асфальту. Они шли, опустив хоботы, пофыркивая и подталкивая малышей.

Когда последний слон сошел с дороги, грузовик включил скорость и с урчанием прополз мимо нас.

Дорогу перелетела стая черных сорок. Птицы торопились — они догоняли слонов. Настигнув животных, они расселись у них на спинах. Слоны вошли в траву. Черные гирлянды птиц качались на слоновьих боках. Сороки то и дело взлетали: они охотились. Тучи насекомых, вспугнутых слонами, поднялись в воздух.

Дальше от дороги — трава выше, слоны утонули в ней. Они исчезли из вида, и только черное облачко — стая сорок — отмечало их путь.

КУБА — ЗЕЛЕНАЯ ЯЩЕРИЦА

КУБА — ЗЕЛЕНАЯ ЯЩЕРИЦА

БАНКА

Эту банку я уронил, когда наш пароход стоял в порту Гавана на острове Куба. Нес, чтобы положить в шлюпку, и уронил за борт.

Большая такая жестяная банка из-под зеленого горошка. Веселая, в крапинку. В такой хорошо держать червей и другую наживку для рыбной ловли.

Уронил, пожалел, а когда на другой день пошел плавать в водолазной маске около корабля, вспомнил. «Дай, — думаю, — найду ее!»

Нырнул, плыву над самым дном, верчу головой: «Где тут моя потеря?»

А на дне, подо мной, полно всяких банок, бутылок. Видно, их с кораблей понакидали. Лежат они на желтом иле, растут между ними зеленые веточки, стоят столбики кораллов.

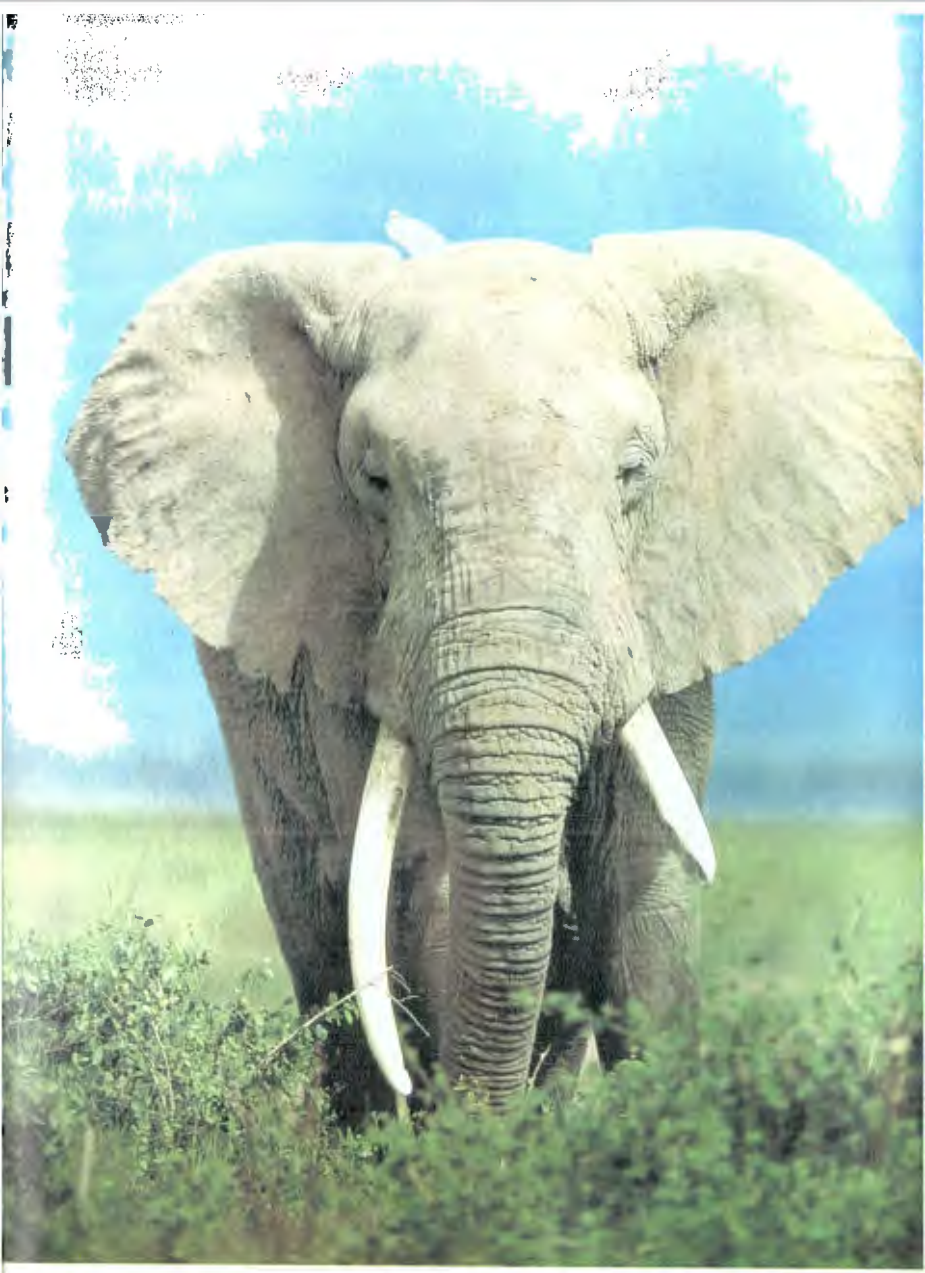
Присмотрелся я: вот так чудо, в каждой банке или бутылке свой жилец! В жестянке из-под кофе — десятиногий краб. Усы выставил, клешни поднял — не подходи! В бутылке из-под молока — рыбка, желтая, с голубой полоской. Таращит карие глаза-бусинки, вот-вот выскочит, метнется прочь. В медной кастрюле, выброшенной сто лет назад за

борт испанского парусника — хищный угорь, мурена. Свернулся в кольцо, скалит зубы: только тронь, как тяпну за палец!

А вот и моя банка. Лежит, чистая, веселая, новенькая. Хотел я было ее поднять да вдруг подумал: «А что если оставить, может и в ней поселится кто-нибудь?» Решил — и поплыл дальше.

Через неделю, когда мы обошли весь остров и снова вернулись в гавань, я снова опустился под воду. Банки, бутылки — все на месте. Вот и моя жестянка. Нагнулся я над ней, а на меня из банки — глаза. Зеленоватые, с черными квадратными зрачками. Смотрит на меня ими неведомый жилец, смотрит, не мигает. А в банке движение: шевелятся, передвигаются, ползут, похожие на маленьких серых змей, ножки с кольцами-присосками. Так вот кто занял банку — осьминожек! Многорукий обитатель теплых морей. Страшно ему — наклонилось над ним такое чудище в ластах и в маске, а покидать банку не хочется. Вцепился всеми ногами в стенки — не уйду!

И не уходи, не трону я тебя. Посмотрел и поплыл дальше. А когда на обратном пути, собравшись уходить, я снова заглянул к нему, маленький осьминожек уже спал. Он дремал, свернувшись в клубок, подобрав под себя семь ног и выставив наружу восьмую. Спит головоногий хитрец, семь ног спят, а восьмая не спит — караулит, покачивается, чутко ловит — не колышется ли вода, не плывет ли враг? Не стал я будить его и ушел...



С тех пор прошло немало лет, но я до сих пор помню, что где-то в далеком порту лежит на дне жестяная зеленая банка, а в ней живет существо, которому я помог найти свой дом. А раз так, значит и там, в далеком теплом море у меня есть друг.

КОРОЛЕВСКАЯ ПТИЦА АУРА

Мы с Томазо, моим провожатым и товарищем в поездке по Кубе, стояли в зоопарке Гаваны перед вольером, в котором сидела всего лишь одна птица. Большая, человеку по пояс, с тяжелыми черными крыльями, красной голой шеей и такой же голой, но голубой головой. Она была как-то пугающе красива.

— Знаете, почему у нее такая шея и такая голова? — спросил Томазо. — Вы никогда не видели, как грифы и кондоры расправляются с падалью? Пробив клювом шкуру, они забираются внутрь добычи по самые плечи. Перья бы намокали... И знаете, как зовут этого красавца?

— Из того, что вы сказали, понятно — гриф.

— Да. Королевская птица аура — так называем его мы, кубинцы. Испанцы почему-то называют его ястребом. Умнейшая птица! Говорят, что она может подражать голосам зверей, что не трогает павший от болезни скот, что, поймав черепаху, поднимается с ней и, бросив на камни, разбивает панцирь. Что с двух тысяч метров может увидеть, как блестит ствол ружья. А главное — говорят, аура

может видеть сквозь землю. Да, да, стоит закопать кусок мяса, как прилетит аура и украдет его. Так утверждают все крестьяне и все охотники...

Этот разговор я вспомнил, когда мы с Томазо уехали на побережье и разбили на берегу моря лагерь. Я целый день проводил на коралловом рифе, а Томазо с магнитофоном обходил дома в соседнем селенье и записывал старинные песни и легенды.

Однажды, бродя у моря, я наткнулся на павшую лошадь. Она явно лежала тут уже несколько дней. Решив закопать ее, Томазо сходил в селенье, принес лопату, и, работая по очереди, мы спрятали падаль в песок.

— Ну вот, если бы тут были грифы, мы смогли бы убедиться, видят они сквозь землю или нет, — пошутил я, когда работа была окончена. Томазо пожал плечами, ничего не ответил.

Но случилось так, что уже на следующий день, выйдя из палатки, он окликнул меня:

— Идите скорее, прилетел аура!

Я выбежал. Действительно, в небе, над нашими головами, кружила черная точка. То, что гриф появился здесь, было, конечно, случайностью. Присев на песок, мы стали наблюдать, что станет делать птица.

Черная точка то удалялась, то приближалась. И вдруг стала стремительно увеличиваться — птица падала. Прошумев крыльями, аура опустилась прямо на то место, где была зарыта лошадь. Вытянув шею и оглянувшись, гриф начал разгребать когтистой лапой песок.

– Он увидел, Томазо! – воскликнул я. – Но как, как он мог?

Мы кинулись к птице. При виде нас аура подпрыгнул, шумно загреб крыльями воздух, поднялся и, тяжело набирая высоту, полетел прочь.

Я осмотрел место, где сидела птица. Ничего. Чистый песок. Как можно было догадаться, что скрыто под ним?

Ошеломленные, мы вернулись в палатку.

Через день мы покидали лагерь. Дорожка вела мимо того места, где была закопана лошадь. По разглаженному, прогретому солнцем песку сновали черные точки. Мухи! Я ахнул. Так вот что увидел с высоты тысячи метров наш аура – мух! Увидел и догадался о причине их появления.

Прежде чем догнать ушедшего вперед Томазо и рассказать ему о своем открытии, я поднял голову. В небесной синеве снова плавала точка. Это вернулся аура. Рассказы о его зрении и уме оказались правдой.

ХОЗЯИН КАМЕННОЙ НОРЫ

Плавая на рифе, я однажды сложил в кучку пять раковин. Даже не помню — зачем. Сложил и поплыл работать — фотографировать рыб.

Проплываю немного погодя — четыре. Одна пропала.

Каменная плита ровная, раковина не могла упасть. Не могла ее и утащить какая-нибудь рыбина, ни одной большой рыбы поблизости. А своим ходом моллюск далеко уйти не мог.

Странно!

Плыву мимо кучки опять — а в ней уже три раковины!

Тогда я стал караулить. Раковины лежали около щели в камне. Вижу — оттуда высунулась черная ниточка, вертится, тянется к раковине. Высунулась побольше, превратилась в веревочку, веревочка — в жгут, коричневый, с нижней стороны белые колечки — присоски.

Осьминожья нога. Вот кто вор!

И глаза-бугорки показались. Поднялась голова над краем каменной норы, зырк вправо, зырк влево. Второе щупальце выпросталось, протянулось

к раковинам – хвать еще одну! Потекли щупальца назад, волокут раковину, до норы доволокли и пропали.

Остались в куче две раковины.

Вечером я рассказал об этом происшествии Родольфо.

– Их теперь на рифе стало меньше, – он понимающе кивнул. – Это как у многих животных: то они кишат, лезут из каждой щели, то вдруг пропали, словно вымерли. А еще бывает – уходят. Это я сам видел...

И он рассказал об одной удивительной встрече.

НАШЕСТВИЕ ОСЬМИНОГОВ

Это случилось июньским днем, когда Родольфо погрузился с ластами и маской в холодные воды у восточного берега острова.

В руках у него был новый бокс для подводных фотосъемок, и ему не терпелось испытать его.

У скал, где он нырнул, в камнях всегда можно было встретить черную ангел-рыбу, или пятнистого морского окуня, или, на худой конец, безобразного губастого ерша.

Держа бокс перед собой и неторопливо работая ластами, Родольфо плыл вдоль берега.

Дно было странно пустынным. Даже крабы, которые всегда водились здесь в изобилии, в этот раз не сидели на поросших редкими водорослями песчаных полянках.

И ни одной рыбы!

Ничего не понимая, он повернул в море, отплыл метров двадцать и, когда на фоне сине-зеленого дна перестали различаться отдельные камни и дно превратилось в темную равнину, набрал в легкие воздуха и нырнул.

Дно стремительно приблизилось, на нем снова стал различим каждый камень.

Но что это? Родольфо вздрогнул, опрометью бросился наверх и вылетел на поверхность. Там он вырвал изо рта загубник, судорожно глотнул воздуха и, колотя изо всех сил ластами по воде, помчался к берегу.

Он готов был поклясться под присягой, что камни смотрели на него тысячами глаз и... шевелились!

Только достигнув берега, Родольфо пришел в себя. Но он был и тогда не робкого десятка. Кликнув на помощь какого-то купальщика, осторожно поплыл к тому месту, где видел живое дно.

То, что он разглядел на этот раз, было поразительным: все камни, все промежутки между камнями покрывали осьминоги. Животные ползали взад-вперед, свивали и развивали щупальца. Увидев приближающегося человека, они беспокойно завозились, но ни один не бросился наутек.

Плавая над этим живым ковром, Родольфо заметил, что в хаотическом, на первый взгляд, движении животных была какая-то цель. Вся шевелящаяся масса медленно смещалась вдоль берега.

Замерзнув, Родольфо вернулся на камни, где его ждал купальщик.

— Понимаете, — сказал ему Родольфо, — самое удивительное, что они все одного размера. Вот такие, с футбольный мяч. Видно, чуть-чуть подросли и пришли сюда. Но откуда? И что им надо?

Купальщик равнодушно пожал плечами. Он видел осьминогов только на блюде, разрезанных на аккуратные дольки, и рассказ не взволновал его.

Домой Родольфо отправился не обычной дорогой, а вдоль берега. Он шел, обгоняя скрытое водой полчище головоногих. Его догадка оказалась правильной. Скоро он достиг мест, где осьминогов еще не было, но на дне уже царило беспокойство. Сотни крабов, пощелкивая и царапая крючковатыми ногами скользкую поверхность камней, отступали вдоль берега. Они бежали, предупрежденные неслышным, недоступным человеку голосом. «Бегите», — говорил он им.

В море послышался шумный плеск.

Стаи крупных рыб шли навстречу отступающим крабам. Они торопились: огромные голубоватые тела то там, то здесь выбрасывались из воды — голос, который предупредил крабов об опасности, звал их на пир.

ПОЛ-ОСЬМИНОГА

Над ровной поверхностью дна возвышался какой-то холмик. Он не отличался по цвету от окружающего песка, но чем-то привлек мое внимание.

Я долго не мог понять — чем. И наконец понял: холмик шевелился! Он едва заметно поднимался и опускался. Словно внутри него кто-то дышал.

Оставив на большом коралле-мозговике бокс с фотоаппаратом, я поплыл к холмику.

Подо мной песок — вперемешку черные и желтые точки. Вот и холмик, на нем — два бугорка.

Неожиданно один бугорок дрогнул, и посреди него блеснуло черное пятнышко, раздвинулось веко — показался глаз.

«Э-э, да это мой старый знакомый — осьминожек. Ишь, куда его занесло! И как он угадал своим цветом под цвет песка!»

Блеснул второй глаз, дрогнули и выпростались из-под тела щупальца, осьминожек приподнялся и покатился в сторону рифа. Блеснули створки большой разгрызенной раковины. Вот что он тут делал!

Катится по песку, как клуб серого дыма, словно ветер гонит по пустыне песчаный вихрь.

Впереди — риф, коричневый камень, припорошенный темным илом.

Интересно, что осьминог будет там делать? Его, светлого, на камне ох как хорошо будет видно!

Но, докатившись до основания рифа, осьминожек перестал торопиться. Поглядывая вверх на меня, он брел по границе песка и камня, что-то выжидая.

Что?

И вдруг я заметил, что половины осьминога нет. Четыре щупальца есть, четырех нет. Один глазной

бугорок тут, второго след простыл. Половина живота есть, вторая пропала.

Пол-осьминога!

Куда же девалась вторая половина?

Присмотрелся и ахнул: тут она, никуда не делась. Просто пока осьминог по кромке рифа шел, половина его успела в другой цвет перекраситься: стала коричневой с черными пятнышками.

Пока я ахал, осьминожек весь покоричневел и подался на камень. Снова пропал: коричневый на коричневом – его и не видно. Торопится, щупальца-змеи то вперед выпускает, то подбирает.

Течет, к своей норе тянется.

ЛИСТ ЖЕЛЕЗА

Я решил сфотографировать как осьминог меняет цвет. Для этого пришлось попросить у Родольфо катушку цветной пленки.

Давать ее Родольфо страшно не хотелось.

– Фин, конец, больше нет, – он вертел в пальцах баночку с пленкой. – Цветы хотел снять. И еще – очень рыбачки просили.

– Ничего! – уговаривал я. – Не пропадут ваши цветы и рыбачки. Еще их снимете. Вы ведь сюда приедете?

– Приеду.

– Ну вот!

Родольфо вздохнул и расстался с баночкой.

Я зарядил аппарат, засунул его в бокс, и мы отправились в лодке на риф к осьминогу.

Наш маленький знакомый был на месте. В каменной щели виднелась его бугорчатая зыбкая кожа.

В лодке у нас лежал лист железа, выкрашенный в три цвета. Один край я покрыл зеленой эмалью, второй — чернью, а третий разрисовал пятнами. Очень получился веселый край — как ситчик: желтое и красное.

Отодрав от скалы раковину и раздавив, мы бросили ее неподалеку от норы.

Желтое нежное мясо моллюска курилось, и животное сразу же почуяло его запах. В глубине щели замелькали темные точки — кожа осьминога пришла в движение, появились маленькие гибкие щупальца, за ними бугорки-глаза, осьминожек выбрался на поверхность камня и устремился к добыче. Дальнейшее мы разыграли как по нотам. Родольфо нырнул, занял место у покинутой животным щели, а я кинулся на осьминога сверху. Тот метнулся было назад — Родольфо накрыл его ладонью. Заплетая щупальца вокруг пальцев и тараща на нас глаза, животное затихло.

Я бросил на дно лист и приготовился снимать. Родольфо бережно посадил осьминога на зеленый край.

Однако вместо того, чтобы принять зеленую окраску, наш осьминожек покрылся бурыми пятнами. Потом съежился, прикидывая: куда бы удрать?

«Видно, ему трудно быть зеленым. Не его цвет!» – решил я и перетащил животное на черное.

Этот край листа ему понравился еще меньше. Число бурых пятен увеличилось, и осьминожек стал похож на шапку-ушанку из рыжего каракуля.

«Попробуем еще раз».

На третьем месте у осьминожка голова совсем пошла кругом. Он ничего не понял в мелькании ярких пятен и весь налился красным. Он сидел, раздувая и опуская бока, таращил глаза и пытался понять: что от него хотят?

«Пусть будет красный осьминог на пестром фоне. И вообще, пускай перекрашивается, как вздумает!» – решил я и стал, плавая вокруг листа, снимать.

Это, наверно, были очень хорошие снимки. Животное ярко выделялось на пестром фоне, и я потратил на него всю пленку. Потом осьминог перекатился через лист и, не спуская с меня глаз, поспешил домой, к своей щели.

Он двигался, принимая каждую секунду другую форму и ловко управляясь сразу со всеми ногами.

«Ладно получилось!» – подумал я и поплыл к лодке.

МУРЕНА И ОСЬМИНОГ

Но коралловый риф тут же отомстил нам за вторжение в жизнь его обитателей.

Не успел я всплыть, как Родольфо закричал, что на дне появилась мурена.

Я снова нырнул. Осьминог еще торопливо полз, клубясь и переливаясь, по неровной поверхности камня, а рядом из другой расселины уже поднималась зеленая голова рыбы-змеи. Потом в каменной щели завертелись, замелькали черные пятнышки, и, как брошенная ловкой рукой лента, рыба вылетела из своего убежища.

Она плыла, совершая быстрые колебания всем телом, вытянув вперед голову с открытой зубастой пастью.

Осьминог поздно заметил опасность.

Он заметался, привсплыл, но, поняв, что уйти не удастся, снова сел на риф.

Увы! Здесь укрытия не было. Маленькое зыбкое животное покрылось от страха бурыми пятнами, прижалось всем телом к камню и почти исчезло, стало частью рифа.

Но обмануть мурену не удалось: не останавливаясь, она промчалась над осьминогом, сделала поворот и бросилась в атаку.

Вспомнив, как мурена расправляется с головоногими — она рвет их на части, вцепляясь тонкими зубами в слабые студенистые тела и начиная вращаться как штопор, — я выпустил из рук фотоаппарат и нырнул. Место оказалось глубоким, резкая боль вошла в уши. Отчаянно болтая ногами, я продолжал погружаться.

Но хитрая тварь уже заметила меня. Нехотя, словно раздумывая, она повернулась и поплыла прочь.

Внизу, кувыркаясь, падала камера. Она ударилась о край коралловой плиты, соскользнула с нее,

очутилась на крутом рифовом склоне, и подпрыгивая, понеслась в лиловую темноту, в пропасть, унося — кто знает? — быть может, мои самые лучшие подводные снимки...

Когда я всплыл и отдышался, то снова посмотрел вниз. Осьминога не было, он удрал к себе в щель.

Через два дня Родольфо застрелил мурену.

ЧЕРНИЛЬНОЕ ПЯТНО

Мне нужно было посмотреть, как плавают осьминоги.

Улучив момент, когда наш знакомец вылез из норы, мы с Родольфо подкрались к нему. Рассерженный, он обвил щупальцами наши руки. Втроем мы поднялись на поверхность.

Здесь мы стали бережно избавляться от нашего спутника. Поняв, наконец, что его не держат, он отпустил наши пальцы, оттолкнулся и... Коричневое облако вспыхнуло в воде, скрыв от нас животное.

Осьминог кинулся куда-то в сторону.

На том месте, где выстрелил в нас чернильной бомбой, еще долго висело причудливое пятно, чем-то похожее на своего хозяина.

СОПЕРНИКИ

И все-таки плывущего осьминога увидеть мне довелось.

Шли последние дни нашего пребывания на побережье, мурена погибла, и наш восьминогий друг все чаще появлялся днем из своего убежища.

Я плавал около его норы, собирая асцидий — странные пустотелые существа, похожие на бутылки. Сетка, куда я их складывал, была уже наполовину набита, когда я заметил, что около норы происходит какое-то движение.

По каралловой плите ползал взад-вперед осьминог, но значительно крупнее и темнее нашего, а из норы за ним внимательно следил хозяин. Он смотрел на пришельца, выставив глазные бугорки и поворачивая их, как перископы.

Потом над краем расселины засновали кольчатые присоски, приподнялась пятнистая спина, и вот уже оба осьминога сидят друг против друга, возбужденно свивая и развивая щупальца.

«Быть драке! Драке за самое главное, самое святое для каждого обитателя морского дна — за охотничий участок, за свой дом».

Противники медленно покрывались бурыми пятнами. Что-то похожее на зелень вспыхнуло в коже пришельца и погасло. Потом начал бледнеть наш знакомый. Они так и сидели — глаз в глаз, нога в ногу, поочередно то наливаясь краской, то приобретая пепельно-серый цвет.

Но драки не произошло. Пришелец, видимо, понял, что насиженное место хозяин дешево не отдаст, вздрогнул, потемнел, приподнялся над камнем и поплыл прочь.

Он плыл, раздувая и сокращая тело, набирая в себя воду и с силой выталкивая ее. Два щупальца

он держал на отлете, как крылья, а шестью остальными, сложенными в плеть, размахивал, как хвостом.

Проплывая подо мной, он уменьшил частоту и силу толчков, еще шире развернул щупальца-крылья и, планируя, как птица, которая садится на землю, опустился на дно.

Он угодил прямо на кучу камней, не мешкая, направил в щели между ними щупальца и исчез, растаял, словно его увлек туда ток воды.

— Упрямая голова! — сказал я, обращаясь к его противнику. — Видел, как надо плавать? А ты?

Маленький осьминог не удостоил меня даже взглядом. Раскинув щупальца по плите, он сгребал камешки, собирал обломки раковин, подтаскивал их к норе — был занят сооружением оборонительного вала на случай новой опасности.

По коже его волнами пробегали розовые и зеленые искры — он с трудом успокаивался: ведь это очень страшно — потерять свой дом, уступить место, которое ты однажды занял на рифе.

ИЗ РАССКАЗОВ О КОРАЛЛОВОМ РИФЕ

ПРИМЕЧАЙ!

Под водой есть все, что есть на земле. Есть равнины — однообразные и унылые, есть горы — нагромождение скал и отвесных стен.

Есть пустыни — песок, песок, докуда хватает глаз.

Есть болота — вязкий, полужидкий ил, в котором утопает нога.

Наконец, есть леса — непроходимые заросли густых водорослей, обнаженные, как после пожара, стволы кораллов, медленное раскачивание похожих на веера горгонарий.

И как в пустыне, как на болоте, как в лесу — всюду следы.

Вот на верхушке голой, побелевшей от времени коралловой глыбы круглое ровное колечко.

Кто-то тщательно вырезал его и ушел.

Здесь сидела раковина-блюдечко, с одной створкой, похожая на формочку, какими дети лепят из песка куличики. Плотно притерся, присосался к известковой поверхности хозяин раковины, вертелся-вертелся, царапал острыми краями раковины камень — получилось колечко. Но чем-то не

понравилось ему место — ушел. А может, сглотнул его кто? Отковырял от камня, перевернул мягкой ногой кверху — и нет хозяина раковины.

На боку зеленоватого коралла — белые рубцы: кто-то обглодал бок. Еще курится голубоватый дымок — только что передо мной тут проплывали две рыбы-попугая. Один клюнул на ходу, второй — и уплыли. Остались на коралловом боку отметины.

На белом песке у подножия камня — тоже след. Будто прошел трактор. Только странный — с одной гусеницей и маленький — весь след шириной в два пальца. Никакой не трактор — был тут еще один обитатель песчаного дна. Проползал хозяин еще одной раковины — пестрой, свернутой в кулечек. Повертелся около каменной стены — не взобраться! Дай, думает, зароюсь! Забрался в песок, утонул, от всех врагов спрятался. Ползет вместе с раковиной под землей, ищет в песке добычу, чмокает, а над ним горбится песок, ломается на кирпичики. Укладываются кирпичики в ряд.

А вот еще след: яма в песке, посреди ямы крабья клешня.

Здесь подстерег раззяву скат. Зарылся хищник в песок, забросал себя по самые глаза, хвост-кнутик спрятал, притаился.

Ждал, ждал и дождался.

Бежал мимо краб, суставчатые ноги переставлял, не заметил, как взбежал на песчаный бугор. А бугор как лопнет! Фонтаном взметнулся песок — конец крабу.

Тут же на песчаной полянке еще один след. Ямка. Рядом — блестящая, словно вылизанная изнутри, двустворчатая раковина.

Видел я уже не раз такие ямки.

Шла здесь морская звезда. Шла, упиралась в податливое дно оранжевыми ножками.

Стоп! Почуяла под собой поживу. Остановилась, потрогала песок.

Так и есть, закопался кто-то.

Припала к песку всеми пятью лучами, давай ножками песок убирать. Хватают ножки песчинки одну за другой, друг дружке передают. Летят в сторону песок, мелкие камешки. Все глубже под звездой ямка, все ближе добыча.

А вот и она — моллюск. Спрятался в свою раковину, створки захлопнул. Зарылся, думает — от всех убежал.

Обняла звезда раковину, присосалась к ней, на все пять лучей приподнялась — вытащила беглеца. Раскрыла, принялась есть.

...Плыву над песком, над коралловой рощей плыву.

Повсюду на морском дне следы. Каждый след — случай, приключение, загадка. Только примечай да разгадывай.

У ПЕЩЕРЫ

Однажды в полдень, когда большинство рыб прячется в укрытия, мне довелось проплывать

мимо одной пещеры. Маленькие рыбки, которые сновали тут, были необычайно возбуждены. Они метались взад-вперед у входа в пещеру, словно ожидая чего-то.

Я остановился.

В глубине черного входа шевельнулась тень и показалась губастая рыбья морда. Огромный каменный окунь высунулся до половины из пещеры и замер.

Рыбешки совсем посходили с ума. Они то отплывали от окуня, то бросались к нему. Самые неосторожные ухитрялись прошмыгнуть у самых губ.

«Сейчас распахнет пасть, и все: провалитесь в глотку!» — подумал я.

Великан действительно разомкнул губы. Но сделал он это так осторожно и медленно, что ни одна рыбешка не была проглочена. Огромная рыбина стоит распахнув рот и топорща жабры, словно удивляясь!

И тогда произошло невероятное: ближайшая рыбка сама отправилась окуню в пасть.

Не успел я подумать: «Одна есть!» — как она выплыла и тотчас юркнула туда вновь. За ней в пасть к великану отправилась вторая. Рыбешки отважно заплывали в огромный рот, копошились там, расталкивая друг друга, и выскакивали, неся в зубах белые крошки...

Так вот оно что! У толстяка — полуденный туалет. Добровольные дантисты и санитары чистят его.

Окунь терпеливо ждал. Только когда последняя рыбешка покинула пасть, он осторожно свел губы,

опустил жаберные крышки и, не поворачиваясь, задним ходом забрался назад в пещеру.

Рыбья мелочь, не сговариваясь, поплыла прочь.

РЫБЬЕ ОБЛАКО

Я люблю наблюдать за рыбьими стаями: стая живет по своим законам и даже ведет себя порой, как одно большое живое существо.

Вот из-за большого плоского, похожего на стол коралла выплывают два серебристо-лиловых хирурга. Плоские, похожие на блюдечки, с желтыми кинжальчиками на хвостах рыбы плывут, строго выдерживая курс. За первой парой показывается вторая. Хирургов уже стайка. Все следуют в направлении, указанном первой парой. Стайка растет, из-за оранжевой коралловой глыбы показываются все новые и новые рыбы. Их уже десятки, сотни. Огромная стая тянется, как шлейф дыма, рыбы плывут, никуда не сворачивая, они приближаются ко мне все ближе... ближе.

Мое неосторожное движение — и по стае распространяется волна тревоги. Почти незаметная, она достигает противоположного конца стаи, и вдруг рыбы, плывущие здесь, — хотя они и не видят меня! — поворачивают, ускоряют ход. Словно листья, подхваченные ветром, несутся они прочь, возникает струя быстро плывущих рыб. Увлекаемые невидимым потоком, все хирурги изменили направление. Нет стаи...

А вот еще одно удивительное умение.

Прямо на меня плыла стая рыб. У каждой — желтые галунчики-плавники. Кубинцы называют этих рыб «кахи».

Кахи плыли не торопясь, каждая соизмеряя свое движение с движением стаи. Они тянулись нескончаемой процессией.

И вдруг среди ближайших ко мне рыб произошло движение — к стае приближалась большая зеленоватая морская щука-барракуда. Нижняя челюсть опущена, желтые торчащие вверх зубы обнажены... «Ну, конец, — подумал я, — сейчас полетит брызгами чешуя!»

И барракуда бросилась в атаку.

Но тут произошло неожиданное — щука промахнулась! Когда она врезалась в стаю, рыбы расступились. Хищница сделала бросок вправо, щелкнули зубы — промах. Жертв было слишком много, они суетились перед глазами, появлялись перед самым носом, сбивали прицел.

Барракуда выскочила из стаи, описала дугу и кинулась в повторную атаку. И снова промах!

Огромная стая, не торопясь, стала отступать, а обескураженная хищница, приподняв жаберные крышки и часто раскрывая рот, смотрела ей вслед. Кахи исчезали, поблескивая желтым и белым. И только тогда барракуда заметила меня, изогнулась, посмотрела бесцветными холодными глазами и пошла прочь. Она плыла, едва заметно двигая хвостом, постепенно приходя в себя и набирая скорость.

В море — у кого зубы больше, тот и прав. На этот раз зубы не помогли. Все случилось, как в лесу у того охотника, который погнался за двумя зайцами.

БЕСКОНЕЧНАЯ ЦЕПЬ

Через стекло маски видны беловатые точки. Они снуют взад-вперед, неподвижно парят, уносятся течением. Эти прозрачные существа — рачки. Некоторые из них подрастут, превратятся в ногатых, пучеглазых, с тяжелыми каменными клешнями крабов.

Снуют рачки, охотятся за чем-то невидимым. И вдруг — рыбка, маленькая, желто-синяя, как язычок пламени, метнулась, клюнула белую точку, пожевала губками, поплыла дальше. Нет одного рачка.

А из-за коралловой зеленой глыбы уже выплывает рыба-свинья. Морда пятачком, длинные кривые плавники загнуты назад. У каждого глаза — паутинки из оранжевых тонких линий. Подплыла, распахнула рот — провалилась в него рыбка.

Неподалеку от меня охотится подводный пловец. Вот блеснул его гарпун, ударила стрела рыбу-свинью, не пробила, отбросила на дно. Человек не увидел этого, подобрал шнур с гарпуном, уплыл.

А около раненой рыбы уже колышатся тени. Два колючих краба выползли из-под камней, размахивают клешнями, торопятся урвать по кусочку.

Я неподвижно сижу на плоской вершине коралла. Трубка над водой, лицо в маске опущено под

воду. Тянется перед моими глазами цепь жизни: сильный поедает слабого, быстрый догоняет неторопливого, каждый на коралловом рифе — ловец и каждый — добыча.

Курится рыбья кровь, вытекает из ранки, еще сильнее раззадоривает крабов. Только в ней и опасность.

Вот и новый участник драмы: почуяв рыбью кровь, мчит издалека скат, торопится, машет черными плавниками-крыльями. Летит над самым дном. Тенью прошел над рыбой, на лету схватил одного краба.

Только мелькнули белые крабьи ноги, только завертелась в воде, упала на дно откушенная скатом клешня.

Мчится скат, бьет изо всех сил крыльями. Глаза выпучил. Да и как тут не лететь, как не бежать сломя голову? Чуть дрогнула вода, а уж он слышит — беда! Круто вниз опускается на него тупоносая акула. Не уйти скату...

Акула небольшая. Акуленок. Поэтому я не кричу подводному пловцу, не предупреждаю его об опасности. Моя маска по-прежнему под водой.

Вот и еще одно звено в цепи жизни — все крупнее и крупнее хищник, — скоро ей оборваться.

А впрочем, нет. Не оборвется цепь. Вырастет акула, умрет, опустится на дно, столпятся около нее крабы, приползут морские звезды. Растащат, растерзают большое обмякшее тело. Растреплют. Желтым дымом рассеется акулья плоть, смешается с водой, с песком. Маленькие, не видимые глазом

существа поглотят то, что останется от хищника. За ними снова начнут гоняться похожие на белые точки рачки, вновь завертится колесо...

В бесконечную цепь связал все живое риф.

УБИВАЕТ И ДАЕТ ЖИЗНЬ...

Риф и сам похож на живое существо. Медленно, год за годом растет он, поднимается к поверхности моря, умирает, рушится. То вспыхивает яркими красками, то превращается в безжизненный, серый камень.

Риф всегда в движении. Между изогнутыми разноцветными телами его кораллов хороводят рыбы, ползают по дну ежи и звезды, копошатся крабы.

Он полон звуков. Стоит опуститься под воду — и сразу в ушах тихий, неназойливый шум. Плещут на выступающих из моря камнях волны, ровно стрекочут крабы, пощелкивают клешнями неутомимые рачки-алфеусы. Вот послышался еле слышный хруст — это принялись за еду клювастые рыбы-попугаи. Чу! — барабанная дробь. Плывут мимо горбыли. Развеваются черные хвосты, движется мимо рыбий полк, играет полковой оркестр.

Риф пуглив. Стоит потянуть шквалистому ветерку, нагнать туч, мрачнеют коралловые рощи. Исчезают рыбы, прячутся в щели крабы, забиваются в траву креветки. Прошла непогода стороной — и снова заблистал риф, заиграл красками, наполнился звуками.

Он умеет бодрствовать, умеет и отдыхать.

Вот закатилось солнце, синие сумерки наполнили его гроты и ущелья. Уплыли дневные рыбы, замерли в черной траве стаи рачков. Но это затишье обманчиво. Риф только задремал. Пройдет час — и на смену пестрым дневным обитателям выползут бесцветные и темные жители ночи. Покинут свои щели осьминоги, выберутся из пещер мурены. Из океана приплывут стаи кальмаров. Длинные и прозрачные, станут они носиться над коралловыми притихшими рощами, часто работая плавниками и устремив вперед сложенные щепотью, похожие на стрелы щупальца. Молча и угрюмо будут носиться до рассвета.

Днем и ночью бурлит риф. Изменяется и остается все таким же прекрасным.

АКУЛЫ

Свою первую акулу я увидел не в море, а в городе. Мы с Родольфо — моим спутником по кубинской поездке — поехали в Гавану, чтобы достать немного фотопленки, муки и консервов. Там-то он и отвел меня в бассейн.

Мы пришли неудачно — бассейн чистили. Трое рабочих спустили из него почти всю воду и теперь бродили по дну, шаркая по бетону щетками на длинных палках. Они терли позеленевшее дно, и на бетоне оставались светлые полосы.

На дне лежали какие-то розовые туши. Люди деловито перешагивали через длинные, как торпеды, тела и продолжали уборку.

— Мадре миа, матушка, да это же акулы! — сказал я.

Родольфо охотно подтвердил:

— Тибуронес!

Акулам было не до людей — они жадно разевали кривые рты, глотая мутную воду, которая даже не покрывала им спины.

— И как они не боятся? — сказал я про уборщиков.

Родольфо пожал плечами:

— Трабахо. Работа.

Мы не дождались, когда уборка кончится, и бассейн снова нальют водой до краев.

На обратном пути, трясясь в машине, я все время вспоминал огромных красноватых рыб, их жадно раскрытые пасти и людей, спокойно расхаживающих по скользкому дну.

Еще я вспоминал все, что читал про нападения акул.

ВОПРОС НОМЕР ОДИН

Когда я собирался в путешествие, друзья в Ленинграде наперебой спрашивали:

— Что ты думаешь делать с акулами? Акул ты учел?

Акулы превратились для меня в вопрос номер один.

— В общем-то, они на людей не нападают, — утверждали одни. — Вон в Калифорнии есть даже клуб «Верхом на акуле». Членом его может быть всякий, кто хоть раз проедет на хищнике.

— И много таких наездников?

— Несколько сотен!

— Зато в Австралии, чтобы спастись от акул, пришлось сетями огородить все пляжи, — напоминали другие. — Создана комиссия по акулам. Ею собрано полторы тысячи карточек — все случаи нападения акул на человека. Белая акула перекусывает человека пополам, как редиску.

Я не знал, что и подумать.

Кончилось тем, что я составил себе таблицу — опасные и неопасные акулы. Против названия каждой был нарисован квадратик. Квадратики я закрасил в красный или желтый цвет.

Красный — акула нападает, желтый — нет.

Нарисовав таблицу, я почувствовал себя спокойнее. В конце концов, встретив акулу, всегда можно вспомнить: как она относится к человеку?

— Интересная табличка, — сказали в один голос мои знакомые. — Что-то у тебя мало красных квадратиков.

— А это составлено для подводного пловца. Нам — подводным — легче. Акула видит большое существо с ластами, думает, уж не новый ли это хищник? — и чаще всего нападать воздерживается.

— Ну-ну...

Эту таблицу я привез с собой.

АКУЛА НА ПЕСКЕ

С утра стояла отличная погода. Штиль. Даже у внешней кромки рифа, где всегда толклись волны, на этот раз вода словно остекленела.

Мы с Родольфо плавали у внутренней кромки, где кораллы погибли и где песок чередовался с зарослями черепаховой травы.

В траве сидели коротконогие ежи. Кончики их иголок были выставлены, и поэтому казалось, что ежи поседели. На макушках у них шевелились

осколки раковин, листочки горгонарий, плоские камешки. Тонкими, нитевидными ножами ежи поддерживали свои украшения.

Редкие движения воды достигли меня. Я оглянулся. Ко мне плыл Родольфо. Подплыв, он повернулся и вытянул руку по направлению к большой песчаной осыпке. Там, почти касаясь брюхом песка, медленно плыла тупоголовая, с человека величиной, рыбина. Красноватая, с бесцветными глазами хищница неторопливо двигалась к нам.

Это была песчаная акула, точно такая, каких я видел в бассейне. Я начал судорожно вспоминать свою таблицу. Святое небо, что за квадратик стоит против нее? Кажется, желтый... Ну конечно, желтый! Я облегченно вздохнул и жестом показал: «Ерунда».

Акула плыла, то и дело тыча мордой в песок, что-то искала и не обращала внимания на то, что делается наверху.

Мохноногий краб не успел удрать, и акула, сделав едва заметное движение головой, сглотнула его.

Обогнув бугристый зеленый коралл, она очутилась под нами. Я еще раз жестом успокоил приятеля. Колебания воды, вызванные моей рукой, достигли акулы, она остановилась и, изогнув шершавое, складчатое тело, посмотрела на нас поросячьим глазом. Что-то шевельнулось у меня в желудке.

«Пустяки! Раз пишут — не нападает, значит, не нападает».

Акула продолжила свой путь. Когда она достигла песчаной поляны, со дна, подбросив облако пе-

ска, подскочила и пустилась наутек камбала. Акула заметила ее и стремительно кинулась вдогонку.

Они исчезли за нагромождением каменных глыб, а мы поспешили к берегу. Там я тотчас побежал в дом, торопливо достал таблицу из чемодана.

Против песчаной акулы стоял красный квадрат.

ХИТРЕЦЫ

Больших акул я видел на рифе всего раза два. Зато маленьких там было предостаточно.

Чаще всего встречались акулы-няньки. За что их так прозвали, я не понял. Разве что за привычку лежать парами на солнышке: большая и маленькая — как нянька с ребенком...

Однажды я разглядывал скользкую, лиловую, похожую на огурец голотурию, которую нашел на дне, когда заметил, что на меня из-под кораллового уступа смотрит, вытаращив большие глаза, рыба-белка.

Она выплыла было совсем из укрытия, как вдруг испуганно повернула и скрылась.

Я оглянулся — к нам приближалась небольшая песчаная акула. Она плыла, уставив глазки на пещеру, где скрылась рыба.

Пещерка была узкой, последовать за рыбой акуленок не решился и отплыл в сторону.

Рыба вновь показалась на пороге своего дома. Акуленок — к ней, рыба — в нору. Так повторилось

несколько раз. Маленький хищник понял: надо хитрить. Отплывет подальше и тотчас со всех плавников мчится к пещерке. Подлетит, а рыбы уже нет — спряталась.

Тогда акуленок решил изобразить, будто он совсем покинул место охоты. Быстро работая хвостом, исчез из виду.

Но красная рыбка оказалась не проста: стоило акуленку скрыться, как она стрелой вылетела из норы и бросилась к груде камней. Мгновение — она исчезла.

Не успел ее раздвоенный хвост пропасть в камнях, как снова появился акуленок. Стараясь застать рыбу врасплох, он мчался изо всех сил.

Вот и пещерка... А где же рыба?

Он остановился как вкопанный.

«Взять добычу измором? Ну конечно!» И все время, пока мы с Родольфо бродили по рифу, он стоял перед пустой норой, алчно поблескивая круглыми стеклянными глазами.

АКУЛЬЯ ОХОТА

Я все ждал, когда акулы удивят меня своей охотничьей сноровкой.

Всякий раз плыву, присматриваюсь.

Вот на песчаной полянке греется стайка — шесть штук, коричневые, с пестрыми спинами. Небольшие акулы-няньки. Лежат бок о бок. Одна шевельнется, столкнет с места соседку, та — следующую...

Повертятся и опять замрут. Дремлют голова к голове, только у каждой около рта шевелится песок — дышат.

Надоело одной акуле лодыря гонять, привсплыла, пошла прямо на меня. Свернула, идет по краю рифа — слева кораллы, справа песок.

На охоту. Куда же еще!

Вижу, выплывает из-под скалы стайка щетинозубов.

«Сейчас, — думаю, — акула им задаст. Только брызги полетят!»

Нет. Плывет акула дальше, щетинозубов словно не замечает.

«Ага, значит, они для нее мелочь! Ей подавай что крупнее».

Вот и покрупнее: три рыбы-ангела, черные, в золотую крапинку. Каждый с тарелку. Эти — пожива.

Но и на них акула ноль внимания.

«Неужели ищет с себя ростом?»

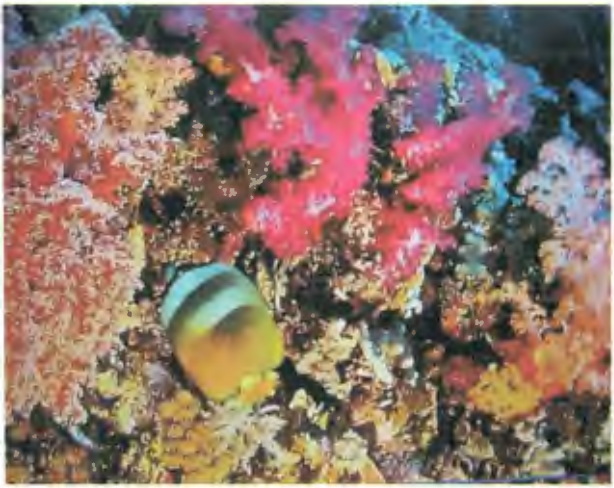
Дернула акула хвостом, изменила путь. Плывет теперь над песком. Мордой у самого дна водит. С нижней челюсти усики свешиваются. Эти усики она по песку и волочит.

Вдруг — раз! — копнула мордой песок. Вылетела из него раковина. Акула ее на лету раскусила — хрусь! Глотнула — нет раковины!

Плывет дальше.

На песке два бугорка — два ежа с короткими иглами. Прошла над ними акула — ежи исчезли.

Долго я за ней наблюдал. В песок, в траву, в камни — повсюду свой нос сунула.



Моллюски, крабы, ежи, креветки — все ей сошло, все в пищу сгодилось...

Так и не удалось мне увидеть акульей охоты — настоящей, с кровью, с отчаянными схватками, какую описывают в книгах и показывают в кино.

Оказывается, и акулы бывают разные.

АКУЛА НА КРЮЧКЕ

Отца Родольфо звали Франциско. Когда-то он ловил акул.

Все началось с перчатки. Он нашел ее в порту, куда ездил за новым движком для электростанции.

Перчатка была на правую руку, ладонь — из кожи толщиной в палец.

— Эта перчатка — ловить акул, — объяснили ему.

Франциско был молод, и глаза его загорелись. Он смастерил снасть и стал выходить в свободные часы в море. Ловил он по одной-две акулы и привык, что это дело нехитрое, требует только сноровки и осторожности.

В тот день он выехал с вечера, после захода солнца заглушил мотор и положил лодку в дрейф.

На корме у него валялась задняя нога овцы, а на крючки — Франциско ловил на нейлоновый трос с цепочкой и двумя крючками — была насажена овечья печень.

Не успел он забросить снасть, как лодку тряхнуло, и он очутился на досках. В нескольких метрах за кормой кто-то шумно бился о воду.

Франциско встал на четвереньки и подобрался к мотору. Овечья нога с кормы исчезла, а за кормой что-то большое и черное колотилось о воду.

«Эге! Вот куда делась нога, — подумал Франциско, разглядев белый бурун и плавник, который то показывался над водой, то скрывался. — Ну, берегись!»

Он подумал так и забросил приманку поближе к акуле.

Та уже покончила с овечьей ногой и кружила около лодки. Франциско водил приманку около акулы, но акула плавала взад-вперед и не торопилась хватать крючки.

Наконец она решилась. Короткий бросок — проглочены и наживка, и половина цепочки. Акула совершила прыжок и рухнула в воду, окатив Франциско с головы до ног. Он придержал снасть, и крючки намертво впились в акулью глотку.

«Теперь не плошать!» Правой, одетой в перчатку рукой Франциско половчее перехватил нейлоновый шнур и стал потихоньку стравливать его.

Леса, натянутая как струна, поползла по коже, все глубже врезаясь в перчатку. Франциско уперся ногой в борт лодки и, держа шнур двумя руками, сдавал акуле с боя каждый сантиметр.

Почувствовав, что леса ослабела, он начал понемногу подбирать ее.

Вода у борта качнулась, и при слабом свете звезд Франциско увидел около лодки длинную черную тень. Акула казалась неподвижной. Франциско вздохнул и на мгновение ослабил лесу. И тотчас

же тень исчезла, шнур врезался в ладонь. Рассекая кожу перчатки, он стремительно скользил — акула уходила на глубину.

Франциско вцепился в него обеими руками. На ладони горячей картофелиной вздулся и лопнул пузырь, перчатка наполнилась кровью. Ногу свела судорога. От напряжения мышц спина и шея стали деревянными.

Наконец леса стала дрожать, и Франциско понял: акула устала.

Зачерпнув левой рукой воды, он смочил лицо и принялся сматывать лесу. Теперь он вел акулу, и та покорно уступала его воле. Вот знакомая тень снова появилась под лодкой. Из воды показался косой плавник. Франциско нащупал рукой стальной болт — один из четырех, которыми мотор был прикреплен к днищу. Свернув шнур петлей, он набросил его на болт.

Когда из воды показался плавник, Франциско нагнулся, чтобы вытащить из-под скамейки веревку. Он решил привязать акулу к лодке за хвост. И тогда из воды вырвалось черно-белое тело, акула перевернулась в воздухе и стремительно пошла головой вниз... Франциско не успел сбросить петлю с болта, послышался звук, похожий на выстрел, — шнур лопнул. Освобожденная от тяжести, лодка свободно закачалась на воде.

Когда Франциско пришел в себя и смотал снасть, он недосчитался сорока метров — их унесла акула вместе с крючками и цепочкой. Замотав тряпкой кровоточащую ладонь, присел около мотора и

поднял лицо. Небо над ним было уже сероватo-розовым: он возился с рыбой около пяти часов. Потом он утверждал, что акула была не велика — метра три с половиной, не больше, — но у нее был характер, а это, говорил он, кое-что значит...

ИХ ВРЕМЯ

— С тех пор отец не выходил в море... — сказал Родольфо.

Над островом дул пассат. Он дул все время с востока на запад. Когда солнце поднималось в зенит и горячие струи воздуха сливались в один могучий поток, ветер усиливался. На воде появлялись мелкие, едва заметные глазом чешуйки. Ветер дул все сильнее, и полоски превращались в волны, волны — в медлительные тяжелые валы. На рифе вспыхивали белые буруны, возникал угрожающий низкий гул.

Наступало время акул. Среди пенных гребней появлялись черные плавники — рыбы шли к Матансасу, там был порт, и из него течение выносило в океан отбросы с мясных фабрик и городской мусор.

В ГОСТЯХ У КРОКОДИЛОВ

ОХОТНИКИ ЗА КРОКОДИЛАМИ

В детстве я много читал про охотников за крокодилами.

В Бразилии крокодилов-жакаре ловят сетью. Охотники окружают животное в воде, захватывают его неводом и волокут на сушу.

В Африке на крокодилов ставят петли. Находят тропу, по которой они ходят через болото, вбивают колышки, привязывают к ним ловушку из веревок. Стоит крокодилу попасть в петлю хотя бы одной ногой — песня его спета.

На островах Индонезии еще недавно на поимку крокодила выходили всей деревней. Строили в воде из кольев загородку и туда загоняли животное.

А во Флориде жил и такой охотник (фотографии его были напечатаны во всех журналах мира): он ловил крокодилов с вертолета. Заметит в болотной жиже зверя, прикажет пилоту снизиться и, когда до воды остается метра три, — прыг крокодилу на спину. Дальше — кто проворнее, кто раньше успеет: или человек сжать крокодилу челюсти, или крокодил цапнуть человека...

Я даже придумал вопрос, который задам охотнику, если когда-нибудь в жизни встречу такого:

«Правда ли, что ваша работа — самая опасная в мире?»

ОНИ В ГУАМЕ

И вот я на Кубе, в маленьком городке Тринидаде, где на каждом углу стоят врытые в землю дулами вниз пушки с захваченных много веков назад пиратских кораблей.

Я шел по узенькой кривой улочке, а навстречу мне шагал с длинным, только что срубленным стволом пальмы на плече молодой веселый негр.

— Скажите, — обратился я к нему через переводчика (негр мне сразу понравился), — здесь водятся крокодилы?

— Кокодрилос? — переспросил негр по-испански и заулыбался еще шире.

Переводчик повторил вопрос.

Негр, не опуская длинного бревна, начал ему что-то втолковывать.

— Он говорит, — сказал наконец переводчик, — что крокодилов здесь нет, но они есть в болотах Гуамы. Туда надо ехать несколько часов на машине, а потом плыть на лодке. Там есть деревня на сваях — Гуама. Там крокодилов много.

Поблагодарив веселого негра, мы отправились в путь.

Свежий ветер с моря свистел над островом, врывался в открытые окна автомобиля и напевал: «Гуама!»

ГУАМА

Пересев из машины в лодку, мы к концу дня попали на место.

Гуама оказалась удивительной деревней.

Она не стояла на месте, а плыла по озеру: дома — на маленьких зеленых островках. Между ними — синие озерные протоки.

Был вечер.

Оранжевое солнце садилось в воду.

По изогнутым, сплетенным из жердей мостикам нас отвели в одну из хижин.

Когда стемнело, я вышел на крыльцо. У самых ступенек журчала, плескала вода. Мимо проплыла, тараща на меня светящиеся зеленые глаза, огромная лягушка. Где-то вдалеке прокричало животное. Оно заревело, как бык, — натужно, низко.

Я вернулся в комнату, забрался под марлевый полог и уснул.

Ночь я спал беспокойно. Гудели под пологом москиты, под полом кто-то с уханьем плескался, неумолчно звенел лягушачий хор.

Рассвело, и я с удивлением обнаружил, что живу в хижине не один. Прямо против моей кровати прилепилась к стене, собранной из бамбуко-

вых стволов, нежно-зеленая лягушка-квакша. Она сидела неподвижно и, не моргая, смотрела на меня. Потом покосилась наверх. Там, уцепившись тоненькими коготками за потолок, висела спиной вниз изумрудная ящерица. Она вертела головой и с любопытством смотрела на меня и на лягушку. Мы с лягушкой не шевелились.

Ящерица не выдержала. Она пробежала по потолку, юркнула под крышу и, прошуршав сухими пальмовыми листьями, исчезла.

Вторым ушел я — надо было торопиться к крокодилам.

Квакша осталась дома.

В БОЛОТНЫХ ПРОТОКАХ

Мы плыли в крокодилий заповедник, лодка скользила вдоль ровной стены тростников. Бурые кустистые водоросли проходили под днищем. Ломкая вода, уступая движению весел, дробилась.

В протоках огромного озера можно было заблудиться. Зеленое море тростника со всех сторон. Лишь кое-где на редких островках одинокие верхушки деревьев да шапки кустарников.

Болотные птицы, заунывно крича, предупреждали о нашем приближении птенцов. Голубые панцирные щуки, завидя лодку, стремглав исчезли в путанице коричневых корней.

ЗАПОВЕДНИК

Лодка ударилась о причал. На берегу какие-то домики, у воды проволочные загородки. Кое-где, от протоки к протоке, от озерца к озерцу, — мостки.

Я подошел к одной загородке, перегнулся через нее и остолбенел... На берегу небольшого озера лежали, как бревна, сотни крокодилов! Их было так много, что, если бы кто вздумал пройти между ними, некуда поставить ногу.

Загородка вокруг озера низкая, мне по пояс. К ограде приставлены две лесенки. Одна с нашей стороны, другая со стороны крокодилов. Перебраться по ней сообразительному животному легче легкого.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

Не успели мы подойти, как один крокодил поднялся, посмотрел на нас, трусцой побежал к загородке, в полуметре остановился и щелкнул челюстями. По спине у меня побежали мурашки.

Ужасная тварь стояла за металлической сеткой и, выкатив стеклянные коричневые глаза, поскрипывала зубами.

— Как вы думаете... — осторожно спросил переводчик, — а может... такой... напасть на человека?

— Наверное, может.

Клыки у крокодила были желтые, каждый длиной с большой гвоздь.

НЕ ТЕ КРОКОДИЛЫ

Мы прожили в заповеднике трое суток. Бродили от загородки к загородке, от озера к озеру, часами просиживали у воды, пытаясь понять, как живут эти необычные существа.

Мы привыкли видеть в наших зоопарках крокодилов, которые похожи на причудливые немые камни.

Они сутками лежат без движения, прикрыв глаза и расставив лапы.

Электрические лампочки льют на них скудные струйки тепла.

Эти крокодилы в заповеднике были прогреты тропическим солнцем, подвижны и предприимчивы. Полежав на берегу, вскакивали и отправлялись на поиски добычи. Или плавали. Или гонялись друг за дружкой.

Если за маленьким крокодилом гнался большой, малыш то и дело оборачивался и огрызался.

И еще — они оказались шумным народом. Крокодилы поменьше крякали, побольше — лаяли. Однажды огромный, похожий на плывущее бревно крокодил причалил к берегу, вылез до половины, осмотрелся — что-то на берегу ему не понравилось — и, подняв высоко морду, заревел.

Я вспомнил ночь в Гуаме. Вот какой звук, возникнув в болоте, тогда долетел до нашей хижины: это ревел матерый крокодил!

ХРАБРЕЦЫ, ТРУСЫ, ЛЕЖЕБОКИ

У крокодилов оказались совершенно разные характеры.

Были крокодилы-лежебоки. Эти проводили время, греясь на низком, покрытом болотной грязью берегу. Они ленились сползти в воду, даже когда становилось очень жарко, — лишь открывали, как собаки, огромные пасти и шумно дышали.

Были шустрые. Они носились взад-вперед среди лежащих как колоды собратьев, разыскивая обглоданные кости. Стоило на другом конце озера плеснуть рыбе или проквакать лягушке — такой неуемный крокодил тотчас бросался в воду и устремлялся за добычей.

Были храбрецы и были трусы. Однажды у меня упал за ограду фотоаппарат. Крокодилы это заметили. Штук шесть тотчас подбежало к нему. Мы принесли шест и стали их отгонять. Огрызаясь, они отступали. Но два крокодила оказались храбрыми. Эти дружно вцепились в палку.

Крак! — крепкий, в руку толщиной, шест переломился, как спичка...

Аппарат надо было спасать.

Обломками шеста мы стали отталкивать крокодилов.

Они ворчали, скалили зубы, но не отступали.

Тогда переводчик сбегал на кухню и принес оттуда ящик рыбьих хвостов.

Мы вынесли его за ограду. Хрипя и толкая друг друга, крокодилы бросились за рыбой.

Я, как пушинка, перемахнул через забор, схватил аппарат и снова взлетел на ограду.

Занятые рыбьими хвостами, два храбреца не обратили на мои маневры никакого внимания. Зато под самой лестницей, уставясь на меня, уже сидел другой — один из тех, кого мы прогнали палкой.

Я замахнулся на него аппаратом. Крокодил испуганно отвернул голову и пополз назад.

ДРАЧУНЫ

Были среди них настоящие забияки.

Лежит по грудь в воде большое сильное животное. В пасти здоровенная кость с обрывками коричневого мяса. Крокодил ее грызет. Погрызет, подбросит вверх — клац! — поймал на лету и снова грызет.

Вдруг, откуда ни возьмись, — второй, поменьше. Он долго лежал в стороне и наблюдал, как уплетает добычу здоровяк. Наблюдал, наблюдал — и решился. Осторожно подкрался, высунулся из воды, уставился на кость. Лежат крокодилы морда к морде, смотрят друг на друга.

Большой, вероятно, думает: «Ну, куда ты, пигалица, лезешь? Захочу, хвостом, как плетью, перешибу!»

А маленький уставился на кость и прикидывает — как бы ее стянуть половчее.

Выбрал момент, рванулся вперед. И полетели во все стороны грязь, вода, куски тины! Хрипят крокодилы, ворчат, тянут кость каждый к себе. Большому бы отпустить ее да тяпнуть обидчика зубами — кость жалко! Меньшему бы тоже отпустить да убираться восвояси, пока не попало, — характер не позволяет.

Пока дрались, сползли с мелководья на глубокое место. Поплыли, кость то у одного, то у другого. Рвут ее каждый к себе, торопятся. До берега доплыли, вылезли, улеглись в грязи. Опять морда к морде, один за один конец кость держит, второй — за другой.

Уж до того устали — лежат бок о бок, похрюкивают, грызут кость. Тот, что побольше, видно, смирился: кость большая, хватит на двоих. А забияка доволен: не уступил силачу!

МАХУАРИ

Однажды, когда я сидел па перевернутом ящике около хижины, мимо меня к озеру пробежала ящерица. Сперва я принял ее за кролика — коричневое проворное существо бежало на задних лапах. Не останавливаясь, ящерица влетела в озеро и помчалась, изо всех сил работая хвостом и колотя по воде задними лапами. Она добежала до маленького, поросшего тростником островка и скрылась.

Это была ящерица-василиск. Я сел в лодку и отправился за ней следом. Мне очень хотелось рассмотреть эту удивительную ящерицу. Однако сколько я ни искал — на островке ее уже не оказалось. Тогда я вернулся в лодку, поручил ее слабому течению и стал всматриваться в воду.

Терпение обычно вознаграждается. Я увидел панцирных щук-махуари. Голубая, одетая в кольчугу из костяной брони рыбина стояла около затопленного коричневого дерева. Когда тень от лодки упала на нее, она шевельнула хвостом и нехотя поплыла прочь. Она двигалась, как облако, — доисторическая рыба, чудом сохранившаяся до наших дней.

Не успела она скрыться, как я заметил вторую, третью. Щуки плавали у самой поверхности, прямые лучи солнца освещали их, костяная голубоватая броня с желтыми желобками светилась.

Щуки плыли, вытянув узкие, плоские морды, слегка изгибая хвосты.

ЯМА

В стороне от болотных проток, где жили крокодилы, был небольшой прудик, почти яма. Я бы ни за что не подумал, что в таком маленьком водоеме может кто-нибудь прятаться. Но однажды, проходя мимо, заметил на берегу кучу гнилых корней и тины.

«Видно, понадобилась зачем-то яма, — подумал я. — Сторожа чистят, хотят пустить туда рыб или черепах».

И вдруг куча шевельнулась. Она двигалась, кто-то невидимый толкал ее.

Я осторожно обошел яму кругом. Упираясь кривыми ногами в грязь, около кучи возился крокодил. Видно, это он выбросил мусор из воды и теперь старался отодвинуть его подальше.

Получалось это у него плохо. Раздосадованный, он ударил по куче хвостом. Куски корней и лепешки грязи полетели во все стороны.

«Ага, приводит в порядок свой дом, — решил я. — Яма — не озеро, за ней следить надо».

Крокодил меня не заметил: он был занят делом.

СКРЮЧЕННЫЙ КРОКОДИЛ

Около лесенки, которая вела внутрь загородки, все время лежал согнутый, как буква «С», крокодил. У него, как видно, болела спина, и ему трудно было двигаться. В воду он сходил редко и плавал там, тоже не разгибаясь. Мы долго не могли понять, откуда у этого крокодила такая привязанность к месту у лесенки?

Однажды, когда он был в воде, привезли еду. Ее привезли на лошади, запряженной в телегу. У телеги были дутые резиновые шины, и она смогла подъехать по грязи к самой загородке.

Еда — тухлое мясо с костями — была упакована в кое-как сбитые ящики. Возница брал ящик, отдирал крышку и, поднявшись на лесенку, вываливал мясо через забор.

Едва на дороге появилась лошадь, среди крокодилов произошло движение. Все повернулись мордами к забору и стали прислушиваться. Даже самые сонные и вялые насторожились. Шины зашуршали по траве — поток крокодилов хлынул к забору. Когда первые куски мяса полетели через ограду, внизу все смешалось. Крокодилы урчали, крякали, вырывали друг у друга куски. Самые проворные, схватив кость, выбирались из кучи, отбегали в сторону и там начинали глодать добычу.

Возница открывал ящик за ящиком и швырял мясо в разные стороны так, чтобы досталось всем.

В это время я заметил скрюченного крокодила. Он выбрался из воды и, волоча свое неуклюжее тело, спешил к месту свалки. Увидев его, возница швырнул кость. Она упала, не долетев шага два. Быстрый молодой крокодил схватил кость и рысью побежал прочь.

Опустошив положенное число ящиков, возница взобрался на телегу, дернул вожжи, и повозка бесшумно покатилась. Лошадь шла вдоль самой ограды, не обращая внимания на дерущихся животных, осторожно ставя ноги в лужи и прядая ушами.

В этот день, наблюдая жестокую схватку возле лесенки, я понял, почему так упорно держался около нее больной крокодил — в борьбе за кусок он должен быть первым.

И еще я подумал: может быть, тот крокодил, что бросился ко мне в первый день, был вовсе не самым хищным и вовсе не собирался нападать на меня? Может, он был просто голоден и решил, что я пришел его покормить?

И вообще, подумал я, может быть, крокодилы не так уж и страшны?

КАК ЛОВЯТ КРОКОДИЛОВ

Я сидел около ограды и размышлял над этим, когда увидел, что ко мне бежит переводчик.

— Идите скорее! — закричал он. — Я такого человека встретил, такого!.. Да бросьте вы своих крокодилов, идемте, пока он не ушел.

Мы побежали к причалу.

Там стоял смуглый молодой парень в сапогах, в огромной соломенной шляпе. За голенищем у него торчал здоровенный нож.

— Знакомьтесь, — сказал переводчик. — Эрнандо — охотник за крокодилами.

«Вот так раз!»

— Спросите, — выпалил я, — правда, что его профессия самая опасная в мире?

Переводчик спросил. Эрнандо так и вытаращил на меня глаза.

Он стоял, широко расставив ноги, и вертел в пальцах шнурок от ножа.

— Он не понимает вашего вопроса, — объяснил переводчик. — Он говорит, что самая опасная в мире профессия — это врач. Его брат работает в заразных бараках.

Я вздохнул.

— Ну, пускай тогда он расскажет, как ловят крокодилов.

Эрнандо быстро заговорил. Переводчик едва за ним поспевал.

— Их в заповеднике несколько человек. Он говорит, что они по очереди отправляются в болота и ищут места, где самки крокодилов кладут яйца. Прежде чем отложить яйца, крокодилиха роет ямку, а потом забрасывает ее прелыми листьями и ветвями. От того, что листья гниют, в ямке всегда тепло. Найдя такую кучу, Эрнандо разрывает ее, собирает яйца в сумку и приносит сюда, в заповедник. Здесь крокодильи яйца помещают в инкубатор, и из них вылупляются крокодилята. Крокодилят выращивают и выпускают в загоны к большим животным. У крокодилов очень дорогая кожа. Ради нее их и разводят.

— А как же ловля сетями? Как же петли? Как вертолет? — растерянно спросил я.

— Не нужны. Проще всего крокодилов ловить именно так.

— А нож? Зачем ему нож?

— Нож ему нужен, чтобы прорубать дорогу в тростнике.

ЛАМПА ДЛЯ КРОКОДИЛОВ

Эту удивительную сценку я подсмотрел в заповеднике Гуама. Заповедник был необычный — огороженные забором несколько озер, в которых тут и там чернели носы и покрытые щитками спины сотен крокодилов. Проводником моим по заповеднику был молодой веселый кубинец Эрнандо.

— Ну, вот на больших взрослых крокодилов вы насмотрелись, — сказал он. — Теперь не хотите ли посмотреть на самых маленьких? Это мои подопечные. Я сам хожу в местные болота, собираю яйца, которые откладывают там матери-крокодилихи; и сам помещаю яйца в инкубатор. И вот кто из этих яиц вылупляется.

Он подвел меня к небольшому загону-вольеру, в котором, как разбросанные по полу карандаши, лежали крошечные с пуговичными глазами юные крокодилята.

— А почему они живут отдельно от взрослых? — спросил я.

Эрнандо засмеялся:

— У их пап и мам чересчур грубый нрав и чересчур большой аппетит,— ответил он. — Всякому, кто попадется им на глаза, не позавидуешь.

— А что едят твои воспитанники?

— Мелко рубленное мясо и еще у них есть лакомые...

Он не закончил, потому что я перебил его. Я заметил, что все крокодилята лежат, приподняв мордочки, и смотрят куда-то вверх.

— Куда они уставились? — спросил я. — Такое впечатление, что они чем-то недовольны или что они что-то ждут.

— Они недовольны тем, что электрик снял лампу над их вольером. И ждут, когда он снова ее повесит.

«А ты шутник!» — подумал я про Эрнандо.

У вольера с малышами я снова оказался уже под вечер. Солнце садилось и по озерам среди черных крокодильих спин уже побежали алые закатные полосы.

Около вольера заканчивал работу электрик. Он повесил над загоном новенькую электрическую лампу с металлическим абажуром, пощелкал выключателем и, убедившись, что лампа исправна, ушел.

— Вы вовремя оказались тут, — раздался голос Эрнандо, молодой кубинец проходил мимо. — Потерпите полчаса, поймете зачем крокодилам нужен свет.

Сказал и отправился по своим делам.

В тропиках темнеет быстро. Солнце, как камень, упало за горизонт и наступила темнота.

И тогда вспыхнула электрическая лампа. Не прошло и минуты, как к ней слетелись со всех сторон тучи ночных мотыльков и москитов. Они с размаху ударялись о раскаленное стекло, обжигали себе крылья и падали. Целый дождь из насекомых сыпался вниз. Вольер ожил, маленькие остромордые хищники подпрыгивали, толкали друг друга, щелкали крохотными челюстями, на лету хватали падающую с неба еду.

Так вот о каком лакомстве не договорил мне Эрнандо!

Я рассмеялся, постоял еще немного и пошел искать его. — Теперь я знаю, зачем им нужна электрическая лампа! — скажу я.

КРОКОДИЛЯТА

Длинные, закрытые частой сеткой вольеры.

Эрнандо подвел нас к одному, снял замок и распахнул дверь. Внутри узкого, с проточной водой посередине вольера произошло какое-то движение. Сперва я даже не понял, что случилось. Просто шевельнулся и подвинулся в сторону воды черный волнистый пол.

Затем я присмотрелся и даже присвистнул от удивления. Пол был покрыт сплошной шевелящейся массой маленьких крокодильчиков. Каждый длиной чуть больше авторучки. При виде нас они дружно кинулись к воде. Самые проворные успели прыгнуть и притаиться на дне.

Один крокодиленок отстал. Он замер, прижавшись пузечком к песку, подняв вверх острую мордочку и настороженно глядя на нас. Губы бантиком... Выпуклые бисерные глазки... Крокодиленок с минуту смотрел на Эрнандо, который возился с дверью, потом перевел взгляд на мои ботинки. Должно быть, он принял их за живые существа (я переминался с ноги на ногу). Крокодиленок вздрогнул и стремглав бросился догонять товарищей. Не рассчитав, он промчался по их спинам и — шлеп! — плюхнулся в воду.

Мы вышли из вольера, Эрнандо запер его.

В соседних сидели крокодилята побольше.

— Здесь — двухмесячные... Здесь — четырехмесячные... — объяснял он. — Больших нельзя держать вместе с маленькими — маленькие останутся голодными. И в озеро пускать нельзя — съедят.

Я вспомнил, как зубастые папаши этих крокодилят рвут на куски жилистое мясо.

Конечно, пускай подрастут, пускай сперва сами станут зубастыми.

ПРОЩАЙ, ЭРНАНДО!

В день отъезда мы в последний раз отправились побродить по заповеднику.

Около озера стояла знакомая повозка. Лошадь, опустив морду, щипала хрусткую траву. Возница перетаскивал к загородке ящики. В стороне над забором качалась шляпа Эрнандо.

Охотник сидел внутри загородки на стволе упавшего дерева. Это было когда-то большое, могучее дерево. Теперь оно лежало, подняв кверху короткие черные корни. Ствол измазан болотной грязью.

Я подошел к Эрнандо. Он пел. В руке у него была палка, распевая, он то и дело ударял ею по стволу.

— А-ра-ра-раа!.. — пел Эрнандо.

Стук! Стук! Стук! — стучала палка.

И тут болотная жижа у ног Эрнандо шевельнулась, большой скрюченный крокодил неуклюже, боком вылез на берег и уставился на человека.

Эрнандо слез с дерева, подошел к загородке, вытащил из травы припрятанную бычью кость. Он бросил ее крокодилу, и тот стал жадно кусать, как собака, приподнимаясь на передних лапах и ударяя костью о землю.

— Эрнандо, не уходи, подожди минутку! — попросил я и бросился за переводчиком.

Вот какую историю рассказал нам охотник.

Это был самый быстрый и самый ловкий из всех крокодилов Гуамы. Ему ничего не стоило переплыть четыре раза в день лагуну, если на другом берегу кричали цапли или плескалась рыба. Когда привозили кости, он успевал захватить самый большой кусок. В драке ему не было равных.

Но однажды крокодил заболел. Надо сказать, что крокодилы болеют так же, как люди. У них бывает воспаление легких, резь в желудке и даже больное сердце. У этого крокодила болезнь поразила позвоночник. Она изогнула его кости. Животное не могло теперь быстро плавать и драться. Маленькие крокодилы стали вырывать у него изо рта мясо. Он превратился в пожирателя слизняков и дохлых рыб.

И вот тогда-то Эрнандо впервые принес ему еду. Чтобы другие крокодилы не могли отнять ее, он приучил больного приплывать на стук.

— Бедный кокодрило! Порой ему кажется, что он по-прежнему ловок и силен, он вступает в драку и каждый раз получает затрещины. Если ему еще сломают и челюсть, он погибнет, — закончил Эрнандо свой рассказ.

С дороги уже доносились гудки автомобиля.

— Прощай, Эрнандо! — сказал я.

Мы протянули друг другу руки. Эрнандо стоял по ту сторону загородки, я по эту. Около его ног замер, опустив морду и полузакрыв глаза, больной крокодил.

Рука охотника была жесткая, с узловатыми пальцами.

— Про-чай-те! — сказал он и засмеялся. Он первый раз в жизни говорил не по-испански. У него были веселые, добрые глаза — у этого охотника за крокодилами.

НОЧНЫЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

Я прощался с Кубой.

Перед отъездом плохо спал.

Ночью кто-то ходил по дороге.

Сначала слышалось осторожное шуршание в кустах. Раздавался негромкий плеск, таинственный незнакомец вступал в воду — сотни маленьких лужиц сохранялись после дождя в лесу.

Затем еле слышно поскрипывал песок — гость преодолевал последние метры, которые оставались ему до дороги. И наконец, слышалось приглушенное царапанье и пощелкивание — он крался по асфальту.

Вот покатился задетый им камешек. Вот чавкнуло в канаве.

Ночной посетитель перешел дорогу. Снова зашуршали сухие листья — шаги удалились в сторону моря...

Лежа в постели, я слушал эти звуки и в конце концов однажды не выдержал: встал, оделся и крадучись вышел на дорогу.

Небо было затянуто облаками. Ни луны, ни звезд. Чернильная тьма. Я сделал наугад несколь-

ко шагов, почувствовал босой ногой теплый неровный асфальт, присел на корточки и стал слушать.

Ночь была полна звуков. Ровно, как метроном, отбивало удары о берег море. Звук медленно нарастал, превращался в рокот и обрывался.

В кронах деревьев мерно тенькали цикады. Они не заводили, как наши, долгой песни, а коротко притрагивались каждый к своему колокольчику — тень! Крикнул и замолчал. С другого дерева ответное — тень!

Подала голос птица. Она вскрикнула жалобно, отрывисто.

На дороге послышалось осторожное постукивание. Кто-то в деревянных башмачках торопливо перебежал ее.

Я сделал несколько шагов, посмотрел, послушал... Никого.

Снова прислушался. Тихо.

Тогда я отправился по асфальту прочь из деревни, на ощупь находя ногой продолжение дороги, спотыкаясь и едва не срываясь в канаву.

То и дело я останавливался и слушал. Невидимые путешественники не дали себя перехитрить. Они тоже притаились в кустах.

Сбив ноги и поняв бесполезность своих попыток, я повернул обратно.

На повороте дороги лежал ствол сейбы. Я присел на него.

Облачная пелена редела. Пассат растягивал ее и рвал на части.

В разрывах появлялись звезды. Слабый, неверный свет упал на дорогу. Она возникла из темноты, как река, покрытая островами: черные провалы ям и светлое течение асфальта...

За моей спиной послышалось осторожное шуршание. Кто-то пробирался через кусты. Шорох дошел до канавы, опустился в нее, превратился в поскрипывание и шум песчинок.

Я осторожно повернул голову.

На сером асфальтовом островке появилась тень. Покачиваясь и постукивая, тень пересекла дорогу и неслышно скрылась в лесу.

Я сидел неподвижно.

И тогда шорохи стали возникать со всех сторон. Они приближались, на дороге появлялись призрачные тени. С легким стуком они перебегали асфальтовую реку и скрывались все в том же направлении — к морю.

Я видел тени, но не видел тел, которые отбрасывают их!

Чудеса!

У самых моих ног послышалось пощелкивание и возникла очередная тень. В слабом звездном свете я с трудом разглядел ее хозяина. Зеленовато-серый, под цвет асфальта, большой краб крался, осторожно переставляя ноги. Приседая, он выбрасывал вперед очередную пару, и при этом панцирь его задевал асфальт. Ритмично постукивая, краб плыл по асфальтовой реке

Я вскочил, в два прыжка догнал животное и накрыл его ладонью.

Дома я разглядел добычу. Краб был бледного молочно-желтого цвета. Серым или зеленым он казался только при свете звезд. У него был массивный толстый панцирь и длинные, приспособленные для пешего хождения ноги.

Я перевернул животное на спину и присвистнул. Так вот оно что! На брюшке, прижатая подвернутым хвостом, чернела гроздь влажной икры. Это была самка, которая направлялась к морю, чтобы оставить там свою ношу — тысячи икринок, которые должны дать продолжение ее роду.

Вот в чем разгадка упорного движения крабов через дорогу.

Я поднял крабиху, отнес ее к тому месту, где поймал, и, положив на асфальт, отнял руку.

Животное приподнялось на суставчатых ногах и, не останавливаясь, не пытаясь скрыться, продолжило путь, прерванный полчаса назад.

Один краб... второй... третий... Постукивая панцирями и волоча за собой тени, животные, которые когда-то покинули океан и стали жить в лесу, вновь, повинуясь могучему инстинкту продолжения рода, торопились к воде.

ОСТРОВ ОСЬМИНОГОВ

ОСТРОВ ОДИНОЧЕСТВА

ОСТРОВ ОСЬМИНОГОВ

Приключенческая повесть

ПРОЛОГ

— Что с нами будет?

— Не знаю. Помолчи!

Под крылом самолета вместо вспененного час назад океана теперь расстилалась спокойная бескрайняя синь. Тропический ураган ушел так же стремительно, как начался. Небольшой одномоторный самолет, купленный отцом год назад, казалось, повис в небе без движения.

— Мы летим обратно?

— Не отвлекай меня.

Отец протянул руку к приборной доске и постучал пальцем по стеклу. Уровень горючего в баках? Стрелка дрожала около нуля. Это значило, что еще десяток минут, и мотор заглохнет. А под ними вода.

— Сейчас же надень спасательный пояс!

Димка послушно вытащил из-под сиденья оранжевый надувной жилет. Но отец уже что-то заметил впереди.

Самолет клюнул носом и пошел на снижение. Мотор чихнул пару раз и замолчал, потом зара-

ботал снова. От горизонта к машине, вздрагивая, словно торопясь, приближалось зеленое пятно — остров. Мотор с перебоями тянул из последних сил. Остров стремительно несся навстречу. На нем не было никакой площадки, ни одного открытого места, сплошные заросли, даже нет песчаного широкого пляжа, лесная зелень обрывалась прямо в океан.

Мотор выстрелил последний раз и заглох. Самолет наклонил нос и, приближая встречу с зеленой полосой, продолжал нестись вперед. Удар... Еще удар...

Димка потерял сознание.

Он очнулся оттого, что рядом стонал отец.

ПОД КРЫЛОМ ОКЕАН

Мысль совершить перелет из Владивостока, города, в котором он родился и где прожил почти всю жизнь, в далекую Австралию, пришла отцу в голову неожиданно. Когда его дела — а он владел фирмой по изготовлению спортивной символики и одежды — пошли особенно хорошо, он исполнил свою давнюю мечту, купил небольшой спортивный самолет чешского производства. Тотчас же встал вопрос — куда летать? Первые и самые простые и недалекие маршруты в Комсомольск-на-Амуре и в Хабаровск были освоены в первый же год. Затем Советская гавань. Полеты на побережье Охотского моря таили в себе много опасностей — горы,

тайга, нет промежуточных аэродромов и даже просто посадочных площадок. Стал манить юг. После долгого изучения карт отпали Сингапур и Джакарта, отец остановился на зеленом материке Австралии.

— Вот, — говорил он Димке, водя по карте острием измерительного циркуля, каким штурманы кораблей отмеряют пройденные расстояния, — полетим через Корею, Китай, обязательно остановимся в Шанхае, там у меня дела. Дальше Гонконг и перелет на Филиппины. После Манилы самый трудный участок — над океаном; Новая Гвинея, порт Морсби, а там уже и рукой подать — австралийское побережье.

— А если спрямить? — Димка провел пальцем от Филиппин к порту Дарвин на самом севере зеленого континента.

— Если лететь так, то дальше пустыня. Над побережьем интереснее и безопаснее. А потом в Новой Гвинее у меня тоже есть партнер.

— Тебе виднее... Маме сообщил?

— Ее мобильник молчит.

Мама... Ее фотографии стояли на рабочем столе отца, на столе, за которым делал уроки Димка...

С отцом они познакомились на «Станции предупреждения о цунами» на одном из островов Южно-Курильской гряды. Отец приехал на остров продать партию спортивных костюмов — дело только развивалось, и все, включая продажу, приходилось делать самому. Зашел на станцию и увидел склонившуюся над прибором девушку. Прибор пред-

ставлял собой вращающийся цилиндр с намотанной на него бумажной лентой. Рычажок с пером на конце вычерчивал на ленте спокойную прямую линию. Неожиданно он дернулся, чернильный след запрыгал, на ленте появились острые пики.

— Это землетрясение, — сказала девушка, — надо дать предупреждение, волна докатится до нас через сорок минут.

Они с отцом посмотрели друг на друга.

Вечером он опять пришел на станцию.

— Будьте моей женой, — сказал он.

— А как же прибор? Как цунами?— рассмеялась она. — Так замуж не предлагают.

— Не знаю, мне все равно. Вот мой адрес на Большой земле.

Через полгода она прилетела к нему во Владивосток...

О том, что он хочет купить самолет, отец не говорил никому. Несколько раз уезжал в Москву, оттуда летал в Прагу и, наконец, сообщил эсэмэской: «Приобрел одномоторный. После окончания летных курсов вылечу Владивосток ждите».

Встречали его прямо на аэродроме. Когда диспетчер объявил по трансляции о приближении самолета, они с матерью вышли к краю посадочной полосы. В небе появилась точка, она приближалась, росла и превратилась в стрекозу. Стрекоза сделала круг и оказалась белым однокрылым самолетиком.

К самолету привыкли. Отец каждый месяц хотя бы раз поднимался в воздух.

Неожиданно встал вопрос: «Как назвать аппарат?»

— У каждой машины должно быть имя, — сказала мать. — Даже подводным лодкам дают имена: «Дениза», или «Наяда», или «Скат». Имя должно быть связано с чем-то хорошим. Что, если «Микуми»?

Микуми назывался заповедник в Восточной Африке. Когда-то они с отцом съездили туда отдохнуть. Это был первый год их совместной жизни. Гостиница, в которой они там жили, была расположена прямо посреди заповедника. Из окна было видно, как бродят по степи антилопы и как лежат под деревьями семейки львов.

— «Микуми»? Прекрасно! Как я сам не догадался, — согласился отец.

Заранее начали составлять список того, что надо захватить с собой в полет. Отец включил в него палатку, спальные мешки и даже противомоскитные сетки. Когда он записал и охотничье ружье, Димка не выдержал:

— Ты что, собираешься охотиться в воздухе?

— Никогда не знаешь, чем обернется путешествие.

Тогда Димка включил в список водолазную маску и ласты для подводного плавания.

— Будет перегруз, выброшу в первую очередь! — предупредил отец.

Купили фотоаппарат.

— Старую мыльницу выброси, — сказал отец. — Посмотри, этот какое чудо: сам устанавливает резкость, выдержку, только наводи. Будешь снимать видеофильмы. Осторожнее со звуком. Попробуй, у тебя есть несколько дней.

В школе о предстоящем полете Димка никому не говорил. Пошел в магазин и купил атлас «Тихий океан». Вечерами, с отвращением изучив химические формулы — химичка-придира больше тройки никогда ему не ставила, — открывал его и шептал названия городов, над которыми предстояло лететь: Чхонджин... Синган... Кернс...

Из Владивостока вылетели на рассвете. Когда делали круг над Амурским заливом, Димка бросил последний взгляд на Гнилой угол, окраину города, где в старом одноэтажном доме они когда-то жили, и где он родился. Город отошел, скрылся в дымке, под крылом проплыли остров Фуругельма и гористый мыс Гамова.

— Вот она — граница! — сказал отец, указывая на какую-то речку.

Остановки в корейских городах были недолгими. Когда посадка приходилась на ночь, спали, не вылезая из самолета. Крошечная кабина, две узких койки, столик, закрепленные, сложенные на полу вещи...

В Шанхае отец занялся своими делами, а для Димки нанял переводчика-гида. Вдвоем они объехали весь город, Шанхай не понравился: небоскребы, нескончаемый поток автомобилей, и когда переводчик отвел его в старый квартал, Димка обрадовался. Домики в один этаж, узкие кривые улочки, лавочка громоздится на лавочке. На прилавках выставлены божки, драконочки, глиняные и медные кувшины и блюда, старинное оружие и альбомы с марками. Димка бродил между лотками,

трогал руками диковинки и решил, что за них небоскребы и автомобили Шанхаю можно простить.

Перелет на Филиппины, первый над морем, прошел удачно.

— Ты только прислушайся, как работает мотор, — с гордостью говорил отец. — Под нами вода, дно черт знает на какой глубине, а мы спокойны. С таким мотором не пропадешь!

После зеленого, поросшего душным тропическим лесом, Минданао, взяли курс на Новую Гвинею. И только теперь Димка смог понять, насколько опасным был их маршрут. Четыре часа полета над глубочайшей водной бездной, над великим Тихим океаном!

Прогноз погоды, который приняли по радио, не обещал ничего дурного, но уже через час Димка заметил, что отец то и дело поглядывает в небо. Там в вышине появились и стремительно неслись тонкие, похожие на перья, редкие облака.

«Что если задует изо всех сил?» — подумал Димка. Про тропические ураганы он много читал.

И, действительно, вскоре подуло. Завыл, срываясь с крыльев, воздух, на востоке поднялась и заняла половину горизонта черная туча. Ветер то и дело менял направление и, наконец, превратился в ураган.

— Держись, — сказал отец. — Теперь держись, сынок!

То проваливаясь, то снова набирая высоту, крошечная машина неслась, как щепка, которую влечет водный поток.

— Нас относит далеко на восток, — преодолевая шум ветра и гул мотора, прокричал отец. — Плохо. Бензина, чтобы вернуться, только в обрез.

«Неужели мы можем погибнуть?» — впервые с испугом подумал Димка.

И вдруг ветер ослабел. В облачном разрыве показалось солнце. Рев бури стал еле слышен и, наконец, стих. Ураган уходил на север.

НА ОСТРОВЕ

— Что с нами? — не понимая, что произошло, прошептал мальчик.

Отец продолжал стонать.

Димка приподнял голову и огляделся. Он лежал на полу самолетной кабины рядом с отцом. Над головой через пролом в потолке светило яркое небо. Встав на колени, наклонился над отцом. Тот открыл глаза.

— Ноги, мои ноги, — с трудом проговорил он. — Высунь голову, посмотри, где мы.

Через разбитые окна кабины была видна стена зелени. Димка залез на сиденье кресла и высунулся по пояс. Полуразрушенная машина лежала погребенная под грудой срезанных ею при падении ветвей. Ветки принадлежали странным, тонкостволь-ным, изогнутым в беспорядке деревьям. Толстые мясистые листья, путаница отходящих от ветвей и падающих вниз воздушных корней. Это они, да ветки диковинного леса, спасли их. Крылья маши-

ны лежали отдельно от самолета. Под ними блестели многочисленные лужи. Вместо земли — ил.

Он рассказал, что видит, отцу.

— Мангры, — проговорил тот. — Мангровый лес. В прилив его зальет водой. Надо уходить. — Он попробовал пошевелить ногами и вскрикнул.

— Выберись наружу, погляди, как нам будет идти... Колени в порядке, а вот ступни...

Дверь выбита. Димка вылез из самолета и, с трудом переставляя вязнущие в иле ноги и отгибая ветки, пошел через лес. Скоро ил и лужи кончились, начался подъем, он вышел на высокий берег. Перед ним была опушка густого леса с высокими, раскидистыми, обросшими лианами деревьями. Здесь можно было разбить лагерь.

Он вернулся.

— Теперь посмотри, что с радиостанцией, — превозмогая боль, сказал отец.— И на ДжиПиэС посмотри наше место. Куда нас занесло? Где мы?

Димка сел на место пилота и начал включать приборы. Радиостанция молчала. У ДжиПиэС — прибора, который показывает место самолета с точностью до десятков метров — экран был разбит.

— Конечно, они не работают, такой был удар, — прошептал отец. — Ладно, давай перебираться. Я тебе не помощник, вещи перенесешь сам. Я как-нибудь доберусь ползком.

Он вывалился через дверь, опираясь на руки и волоча ноги, пополз. С помощью сына кое-как взобрался на берег, обессиленный лег.

Димка начал переносить вещи. За полдня была поставлена палатка, расстелены спальные мешки.

Не разжигая огня, поели консервов. Едва повесили противомоскитные сетки, как наступила ночь. Солнце отвесно опустилось к верхушкам деревьев и упало на них, словно камень. Лагерь накрыла тьма.

Возбужденные, они спали плохо. Отец скрипел зубами и стонал. Димка забывался на минуту и, вскрикнув, просыпался. Сон пришел только под самое утро.

Поднялись поздно.

— Ну, как твои ноги? — это были первые слова, с которыми Димка обратился к отцу.

— Хуже. Болят. Ладно — переломы закрытые. Если выберемся, придется кости сращивать. Выроешь яму, она будет у нас как погреб. Спички принес?

— Один коробок. Но большой, целый короб. Мало?

— Ничего, в самолете есть бинокль, подзорная труба, вывинтим линзы, будем зажигать от солнца. Не вижу аптечку.

— Вот она.

«Как здорово, что он набрал полный самолет вещей. Как будто знал, что возможна вынужденная посадка».

В канистре, которую Димка тоже принес из «Микуми», оказалось литра два воды. Отец смочил губы, покачал головой и сказал:

— А вот с этим тянуть нельзя. Сегодня же надо найти воду. Сходишь?

— Угу.

Опорожнив канистру, из палатки мальчик шагнул в лес. После чистого морского воздуха задохнулся — душно, влажно, ни ветерка, под ногами трава, ломкие папоротники, гнилая листва. Деревья огромные, их кроны сходясь загораживают солнце. Сумрак. Сначала лес показался безжизненным, но стоило поднять голову, как заметил в ветвях движение. Пролетела птица с ярким оранжевым хвостом, за ней вторая. Пробежала вверх по стволу зеленая, с зубчатым гребнем на спине, ящерица.

Открылась широкая светлая поляна. Пока шел через нее, обратил внимание, что она вся покрыта похожими на кротовины земляными буграми. Пролетела, тяжело двигая большими, с ладонь, крыльями, горящая синим огнем бабочка.

«Что за бугры? Откуда тут быть кротам?»

Едва Димка снова вошел в лес, как наткнулся на мелкий, узкий овражек, на дне которого струился ручеек. Зачерпнул ладонью — вода пресная, омыл лицо и набрал полную канистру воды.

— Быстро сходил, и вода хорошая, — сказал отец, когда он вернулся в лагерь. — Что видел в лесу?

Рассказал о хвостатых птицах, ящерице, гигантской бабочке. Про загадочные кротовины не рассказал, решил — пустяк!

— Я вот думаю: придет ли к нам помощь? Искать нас должны обязательно, о перелете знают диспетчеры трех стран. Сверху должны увидеть наш «Микуми», как ты думаешь?

— Должны, — неуверенно сказал Димка.

— Не кисни. Вернемся. В жизни все бывает. И мы по-разному жили.

Однажды отец решил показать Димке дом, в котором тот родился.

Проехали вдоль бухты Золотой рог, в самый ее конец, и там, на застроенной улочке с одноэтажными, покосившимися, похожими на сараи, домами-бараками, он указал сыну на один, последний.

— Вот это и есть наш дом, — сказал отец. — Мы, я с твоим дедом и бабкой, прожили здесь десять лет. Там за домами играли в футбол. Школы не было, когда пошел в первый класс, пришлось ездить на трамвае.

Они вошли в барак. Длинный, темный, едва освещенный тусклой лампочкой коридор, по обе его стороны — двери. За каждой одна комната. Прошли в самый конец. В большой стены покрашены зеленой масляной краской, в последней комнате вдоль стены выстроились газовые плиты. Шесть, насчитал Димка.

— Почему так много?— спросил он.

— Мало. В доме живут двенадцать семей. Одна плита на двоих. Стол общий, поэтому он такой длинный. На полках, не сосчитаешь, кастрюли. Тогда их было не меньше. Сейчас тут живут гастарбайтеры. — За стеной прошумела вода.

— Там туалет. Утром около него выстраивался хвост. Если я опаздывал в школу, то просил: «Пустите без очереди».

— Но так нельзя жить, — пробормотал Димка. Ему представилась их нынешняя квартира: четы-

ре комнаты, кухня, заставленная электроникой, ванна — кафель, никелированные краны.

— Имей совесть. Так, как ты живешь, живут далеко не все, — отец помрачнел. — Мы жили вот за этой дверью. Видишь замок? Его можно открыть простым гвоздем. На двери, за которой ты теперь живешь, замков три. Думай.

«Он хочет сказать, что в стране все изменилось, — понял Димка, — и непонятно, рад он этому или нет».

— А почему это место называется Гнилой угол? Ведь на доме табличка «Веселая улица».

— Гнилой, потому что каждое утро весной, летом и осенью над Золотым рогом поднимается туман. Повсюду с восходом солнца он рассеивается, а здесь, в дальнем конце бухты, держится до полудня, а то и весь день. И это запомни.

Когда они вышли на улицу, Димка посмотрел на стену дома. «Веселая улица» продолжала утверждать табличка...

Жизнь отца сложилась необычно.

«Хорошо?» — спрашивали его, он отмалчивался. После школы и вуза попал в научный морской институт, занимался рыбами, крабами, всем что плавает, ползает по дну и идет на стол человеку. Наверное, стал бы ученым, защитил бы диссертацию, но получилось иначе: в стране начались реформы, перестали платить деньги, родители — пенсионеры, семья стала жить впроголодь.

Что затем случилось, отец рассказывал:

— Понимаешь, Димка, время было гнусное и приходилось совершать гнусные поступки. Из

института, мы — сотрудники, тащили все что плохо лежало. Тащили и продавали на базаре. Я унес швейную машинку. Отчего она там оказалась, кажется, стояла в каморке у уборщицы, не знаю, не помню.

Твоя бабка из куска цветной материи сшила рубаху. Отнес ее на рынок, рубаху купили. За первой рубахой — вторая, третья. Появились первые деньги. Теперь шили мы все трое — бабка, дед и я. Рубахи шили яркие, на базаре они шли хорошо. За первой машинкой появилась вторая, третья, наняли женщин-помощниц.

— Но ведь первую машинку ты украл?

— Украл. Вся страна тогда воровала.

Димка удивился, как спокойно отец это сказал. «Видно, я чего-то не понимаю».

— Ну, а дальше?..

Что было дальше, он уже и сам знал. Когда жизнь в городе наладилась, отец надумал заняться спортивной формой, флажками и шарфиками. Теперь, когда по телеку показывают футбол или баскетбол и на трибунах сидят фанаты — шарфы с надписью «Владивосток», работа отца — он гордится.

ЛЕС ПО КОЛЕНО В ВОДЕ

Потянуло навестить самолет. Димка рано проснулся, вылез из палатки и спустился к морю. Лес по-прежнему казался зеленой стеной. Луж стало еще больше.

Раздвигая руками ветки, он пробрался к «Микуми» и через выбитую дверь залез в кабину. Среди разбросанных по полу вещей сразу же бросилось в глаза ружье. Поднял и начал искать фотоаппарат. Он нашелся под сиденьем пилота. Повертел в руках — кажется с ним все в порядке — и заметил в дальнем углу свои ласты и маску. Забрав все найденное, собрался домой. Но когда вылез из кабины, то удивился: лес преобразился, пропали лужи, теперь все пространство между деревьями покрывала вода. «Начался прилив!» — подумал Димка и тут же заметил, что между стволами и у корней деревьев мелькают какие-то тени.

Рыбы! Всплыла и погрузилась камбала, прошмыгнула полосатая с плоским хвостом водяная змея. Прямо напротив выбитой двери на ветке сидела пучеглазая рыбка. Увидев человека, повертела головой, отпустила ветку и спрыгнула вниз.

Побрел прочь. Идти порой приходилось, утопая по пояс. Мангровые висящие корни били по лицу, цепляли висящее за спиной ружье. Наступил на что-то живое. Из-под ноги вырвалась и, оставляя за собой облако желтого ила, умчалась в сторону океана какая-то рыбина.

Уже выйдя на берег и подходя к лагерю, мальчик заметил около палатки небольшую, похожую на скворца птицу, которая суетливо бегала, то и дело опуская голову, словно отвешивая поклоны. В клюве у нее что-то блестело. Увидев Димку, она, как вор, застигнутый врасплох, бросилась прочь.

Отец уже не спал. Димка положил ему на постель принесенное из самолета ружье.

— Ствол чуть-чуть погнут, но этого ему достаточно, чтобы взорваться в руках, — с сожалением сказал отец, посмотрев в дуло. — Оружие бы нам надо иметь. Как фотоаппарат?

— Нашел.

Отец и его повертел в руках.

— Попробуем, — он навел объектив на ближайшее дерево. Экран не зажегся. — Испорчен. Конечно, после такого удара. — Он снова навел объектив и нажал спуск. Аппарат неожиданно забормотал. — Работает, это интересно. Попробуем что-нибудь записать. Раз... Два... Три... Проба голоса, проба голоса.

Аппарат четко повторил наговоренное.

— Ну, вот — запись на карту памяти идет. И то ладно... А как тебе мангры? Лес, который растет из океана. Каждые шесть часов прилив или отлив. Жители — рыбы и птицы. Ну?

— Что за рыбу я видел, которая сидела на дереве?

— Илистый прыгун. Пролетающую стрекозу ловит в прыжке... — Тут отец заметил, что фотоаппарат включен. Он нажал кнопку, аппарат послушно повторил его слова. — Знаешь что, бери его, будешь записывать все, что считаешь нужным. Как там «Микуми»? Жалко до слез: отличная была машина.

Микуми... С этим словом для отца и матери было связано так много. Они часто вспоминали, как это было.

Когда воздушный лайнер миновал Кению и подлетал к границе Танзании, летчик по трансляции объявил:

— Под нами Килиманджаро!

Под крылом проплывала заснеженная, плоская как тарелка, вершина вулкана. Снег на экваторе! И слово-то какое: «Ки-ли-манд-жаро»! Именно в эту минуту у отца появилась мысль: куплю себе маленький дешевый самолет и буду летать.

Потом была столица страны Дар-эс-Салам и жизнь в заповеднике. Когда они ехали туда на такси, по пути попалась деревня.

Водитель машины, молодой африканец, был явно чем-то озабочен. Черный лоб пересекала морщина. Въехали на деревенскую улицу, и он вздохнул.

— Что с вами? — спросил отец. — Знакомые места?

— Тут я родился. Здесь до сих пор живет мой дядя.

— Если хотите, можете остановиться около его дома, повидаетесь с родственником, — предложила мать.

Шофер благодарно кивнул. Остановились около стоящей у самой дороги небольшой хижины. Стены плетеные, обмазанные глиной, крыша из вязок сухих пальмовых листьев.

На крыльце лежала блестящая автомобильная шина. При приближении людей она зашевелилась, поднялась плоская с коричневыми глазками голова, и шина превратилась в огромную змею. На крыльцо вышел старик, перешагнул через змею и приветливо раскланялся.

— Ну и дела, — сказал отец. — Змею-то ведь надо прогнать.

— Нет, нет, она живет у дяди уже десять лет. У нее под домом нора. Дядя принес ее из леса, когда я еще был мальчиком, — объяснил шофер. — Питон ловит крыс и пугает воров. Дядя говорит, что если придется продавать дом, он будет продавать его только со змеей. Это и ее дом.

Они с дядей перешли с ломаного английского на местный язык суахили, поговорили, и машина поехала дальше. Когда выезжали из деревни, отец прочитал на придорожном столбе ее название «Микуми».

— Какое вкусное доброе имя! — сказала мать.

Деревню и заповедник они вспоминали часто. А еще однажды отец вышел из гостиничного номера рано утром, чтобы сделать пробежку, и обнаружил за проволочным заграждением около кухни громадного слона. У того был только один бивень. Тут же стоял чернокожий сторож и о чем-то говорил с животным. Увидев постояльца, сторож смутился, а на вопрос — о чем он говорит? — ответил, что этот слон приходит сюда каждый день полакомиться остатками овощей и фруктов.

— Я говорю ему, что он не должен приходить. Он может отпугнуть белых, которые живут в гостинице. И тогда будет большой скандал. У него сломан зуб и повреждена нога, ему не так просто добывать себе еду, — закончил свой рассказ сторож...

— Дикая природа — совершенно особый мир. В нем свои законы и свои отношения. Хорошо, если человек понимает это, — часто повторял отец.

ЭТИ ЛЮДИ СПАСУТ НАС

— Значит так, — отец присел на постели, поморщился — нога болела, помолчал и закончил, — пресная вода есть, теперь надо посмотреть, что можно найти в море. Далеко от берега не отплывай, к рифу не приближайся.

И Димка, захватив с собой сетку, чтобы складывать добычу, отправился к воде. Слабые пологие волны лизали песок. Риф выдавала белая пена, там на камнях опрокидывались пришедшие из океана тяжелые валы.

Нацепив ласты, маску, поплыл. Внизу, за стеклом желтоватый, почти белый, песок, редкие раковины, камни. Потом появились первые засыпанные песком мертвые, бесцветные коралловые кусты. Раковины решил собрать на обратном пути.

Наконец, глубина увеличилась, коралловые кусты ожили, налились красками, стали оранжевыми, красными, зелеными. Между кустами замелькали разноцветные рыбы. Дома во Владивостоке Димка без конца смотрел фильмы про тропические моря и теперь без труда узнавал обитателей коралловых рощ. Вот порхают, вьются полосатые желто-синие рыбы-бабочки, вот важничая проплыла рыба-носорог, вот пара темно-зеленых рыб приблизилась к круглому, как человеческая голова, камню-кораллу и начала клевать его. Это обедают рыбы-попугаи. Проследовала странная, словно закованная в каменный панцирь рыбка-кузовок, на

голове два острых шипа. Вот движется плоский с хвостом-кнутиком скат. Заметив человека, дернулся, отплыл в сторону, ударился о дно. Поднялась туча песка. Сел песок, как одеялом накрыл рыбу. Спряталась! Нет рыбины, одни глаза торчат.

Димка поплыл дальше. Здесь уже слышен рокот набегающих волн — невдалеке риф. Стаи мелких рыбешек как облако то приближаются к камням, то словно под дуновением ветра уносятся прочь. Мелькнуло коричневое пятнистое тельце. Многорукое существо выкатилось на открытое место, перекрасилось, сбросило пятна, из пятнистого стало однотонным желтым, как песок.

Осьминожек! Заметив Димку, выбросил сильную струю воды, как ракета метнулся к камням, сунулся в расселину, исчез, словно затянуло его туда спасительной силой.

Увлеченный наблюдением за осьминогом, Димка не сразу заметил, что вдалеке появились какие-то крупные, длинные тени. Мрачные, грозные, они прошли вдоль рифовой гряды и исчезли. Поняв, что чересчур увлекся, Димка поплыл назад. Напомнив о себе, по ногам ударила привязанная к поясу сетка. Набрав полную раковин, мальчик вылез на берег.

— Выкладывай, что принес, — встретил его отец.

Они разложили добычу на полу. Раковины лежали, поблескивая мокрыми створками, светя розовыми, желтыми телами спрятанных в них моллюсков.

— Итак, что мы имеем. Во-первых, гребешки, — отец взял в руки несколько плоских, покрытых

лучами-бороздками раковин. — Этих можно есть хоть каждый день, не надоедают. Устрицы — тоже неплохо. Мидии — вроде устриц, но похуже... А остальное — красивые безделушки: конусы, каури. Их вычистить и оставить на память... А что ты говорил про тени? В следующий раз к рифу не подплывай. Скорее всего — это акулы. Хороший день, с пользой. Не зря прошел, как говорила мать...

Мать не провожала их. Когда они вылетели из Владивостока, она уже снова была на Курилах, в доме на берегу океана, где стоит наготове прибор и на нем перо вычерчивает черную дрожащую линию.

— Рано или поздно она прыгнет изо всех сил, и я должна быть там. Поднятая нами тревога спасет тысячи жизней, — объясняла она. — Иначе, зачем я когда-то бросила все на свете и примчалась туда? Ничего с вами без меня не случится. Долетите и вернетесь. Я буду приезжать к вам в отпуск каждый год, и еще раз в год вы будете прилетать ко мне.

В школе, когда он рассказывал про мать, Димку никто не понимал.

— Странная она у тебя, — говорили ему одноклассники. — Бросила вас. Что за мать?

— Другой мне не надо, — отвечал он...

Этот день начался, как обычно. Димка развел костерок, вскипятил воду, сварил суп.

— Принеси вторую канистру, — сказал отец. — Одной мало, вода должна быть с запасом.

Канистру Димка нашел в хвостовой части самолета. Вокруг нее, волоча на себе крошечные рако-

вины, стайкой ползали рачки-отшельники. Унес и тем же утром с двумя канистрами отправился к ручью. Не доходя до него, мальчик наткнулся на лежащую под деревом кучу — сухие веточки, старые листья, щепочки. Все аккуратно собрано, сложено, словно кто-то выполнил очень важную для него работу. Ничего не поняв, пошел дальше. Когда пересекал уже знакомую ему поляну кротовин, обратил внимание, что часть земляных бугров совсем свежая. Кто-то здесь рыл.

Дойдя до ручья, Димка решил продолжить путь и не успел сделать сотню шагов, как деревья расступились, пахнул свежий соленый ветер, блеснула волна. Океан! Он снова на берегу. Перед ним небольшая, хорошо защищенная двумя мысами, далеко вдающимися в море, бухта. В пенной цепочке ограждающего ее рифа видны разрывы — проходы, через которые в бухту могут входить небольшие суда. Здесь могли высаживаться люди!

Не успел Димка сделать и десяток шагов по пляжу, как под ногами что-то блеснуло. Бутылка! А вот и почерневший песок — след от костра. Неподалеку в кустах нашлось еще несколько бутылок и вскрытых консервных банок. Люди были здесь не один раз. Около кострища валялись обломок ножа и ружейный патрон. Поднял.

Немедленно к отцу!

Осмотрев находки, отец сказал:

— Ну, вот, на душе легче. Остров посещают. Нам остается только ждать. Эти люди спасут нас. Они непременно вернутся. Можно не беспокоить-

ся. Зачем ты принес эту бутылку? Ножа и патрона было бы достаточно.

— А ты понюхай. Какой странный запах.

Отец понес бутылку к носу.

— Действительно. Здесь было не вино и не спирт. Какой-то химический запах, пахнет формалином. Кто приплывал сюда? Я думаю — рыбаки. Кого еще могло занести в такую даль? Но зачем им формалин?

— Буду ходить, встречать их, каждый день.

— Конечно.

«Как обрадовался отец. Впервые у него веселое лицо. Теперь все должно пойти хорошо», —подумал Димка.

РАЗГАДКА КРОТОВИН

Утром Димка проснулся от ровного шума, а, когда выглянул из палатки, то увидел, что перед глазами стоит серая стена воды. Шел неторопливый частый дождь. К стуку капель, барабанивших по верху палатки, добавлялся тонкий звон ручейков, сбегавших с кроны деревьев.

Пошевелился и приподнялся в спальном мешке отец.

— Вот и началось, — сказал он. — Похоже это на неделю. Посиди, поговорим.

— Я осмотрюсь.

Мальчик выбрался из палатки — дождь теплый — походил вокруг лагеря, спустился к мангрaм. Теперь это было прямое продолжение моря.

Вода рябила, между стволами то и дело показывались и скрывались черные плавники.

Вернулся в палатку — костер не разведешь — открыл банку сгущенки и распечатал пачку галет.

— Подсохнет, устроишь навес, разводить огонь, и запасешь сушняка. — Посиди. Что ты все время ходишь? — заметил отец.

— Насидимся.

Выставив под водные струи все пустые банки и бутылки — умываться, мыть посуду — Димка решил все-таки сходить посмотреть бухту.

Дождь ослабел, превратился в морось, идти через мокрый лес было трудно: ноги вязли в грязи, стоило задеть ветку или удариться о ствол, как на тебя сверху обрушивался настоящий водопад.

Дойдя до поляны кротовин, мальчик остановился, пораженный: земляные бугры пропитались водой, почернели, комья земли на некоторых буграх двигались.

Димка смотрел, затаив дыхание. Ближайшая к нему кротовина приподнялась, вспучилась, земля раздалась и из нее показалась чья-то блестящая спина. Затем освободилось что-то похожее на голову. Блеснули глаза, выпростались похожие на змей щупальца. Одно, второе. Покрытые присосками, они двигались, ощупывали все вокруг. Животное, очень похожее на осьминога, взлезло, сгорбилось, подобрало щупальца и замерло.

Теперь двигались все кротовины, из каждой выбирался хозяин. Осьминоги выползали наружу, отряхивались, сбрасывали с себя комья земли, раз-

дували, сдували тела. Они дышали! Дышали воздухом. Это было удивительно. Морские животные, жители океанского дна!

Головоногие обитатели нор ползали по мокрой траве, сближались и расходились. Одна пара остановилась невдалеке от Димки. Каждый протянул щупальце и потрогал другого. Что это — знак внимания, способ узнать после долгой разлуки, после дней проведенных под землей — кто ты, сосед?

Постояв, Димка сходил на бухту — океан чист — и вернулся в лагерь.

— А ты не путаешь? — спросил отец. — Откуда тут могут быть осьминоги?

Подробно описал их еще раз.

— Поразительно. Ну-ка нарисуй на песке... Действительно, осьминоги. Но тогда совершенно необычные. И недаром они появились тогда, когда земля намокла. Дождь разбудил их.

— Но нам ведь они не опасны?

— Наверное, нет.

— А помнишь, как мы видели на острове Попова большого осьминога?

На остров отец взял с собой Димку, когда поехал туда, чтобы договориться о продаже партии рубашек.

— Знаю, что тамошние водолазы скажут: рубашки нужны без надписей, поскромнее, без цветов и артистов.

На Попова отец часто бывал, когда служил в институте.

— Занятный остров, — рассказывал он. — Там ловят рыбу и добывают все что живет на дне: морских ежей, трепангов, гребешки, трубачей — есть такой моллюск. Прихватывают осьминогов.

Остров оказался зеленым, посередине сопка с башенкой для маячного огня. У причалов покачивались рыболовецкие и водолазные суденышки — боты.

Переговорив с кем надо, отец повел Димку в цех, где обрабатывали улов. Длинные столы, заваленные раковинами, залитые кровью и слизью. У столов женщины в запачканных фартуках, с ножами в руках. С моря пришел бот, и в цех принесли бочки с уловом. На столы выкатилась река шаров, с короткими иглами, — морские ежи. Работницы начали сноровисто разделывать их, вынимая икру.

— А это кто такой? — шепотом спросил Димка.

На отдельном столе лежало что-то непонятное, серое, угадывались свернутые в узел щупальца и, в щелочках, потухшие, стеклянные глаза.

— Осьминог, — сказал отец, — и довольно большой. Водолаз, наверное, поймал.

В этот день он впервые увидел, как работают водолазы.

— Пошли с нами в море, — предложил отцу старшина бота. — Покажите сыну почем трепанги. У нас теперь костюмы новые, японские. Пошли?

И вот они в море. Миновали входной буй, прошли одинокую скалу, у подножья которой лежал десяток тюленей — нерп. Животные поднимали уса-

тые морды, рассматривали бот и, убедившись, что он проходит мимо, успокаивались.

Придя в точку лова, старшина поставил катер на якорь. Подготовили водолаза. На него надели необычно простой, легкий костюм, без медного тяжелого шлема, со стеклянными очками, сшитый из яркой оранжевой материи. Заработала, качая воздух, помпа. Волоча за собой дыхательный шланг, оранжевый человек двинулся к корме. Опустился по лесенке за борт, отпустил руки, оставляя за собой тучу пузырей, пошел на дно.

— Что он там будет делать?— спросил Димка.

— Собирать трепангов. К поясу его — видел? — привязан сетчатый мешок — его называют питомза, — ответил отец. — В руке — багорок, палка с крючком. Будет идти, накалывать на крючок трепангов, складывать. Работа вроде сбора грибов.

Пузыри, всплывавшие со дна, описали около катера круг и остановились около борта. Веревка, которая соединяла водолаза с ботом, дернулась.

— Это сигнал — питомза полная.

Сменили мешок: водолазу опустили новый, пустой. Полную питомзу вытащили, вывернули на палубу. На доски пролился поток шишковатых, коричневых и черных, каждый величиной с крупный огурец, морских червей-трепангов.

— Какие славные, — с удовольствием, прищелкнув языком, сказал отец.

Димка поморщился.

На остров вернулись под вечер. Багровое солнце медленно опускалось к горизонту. Там высилась

синяя цепочка сопок. Солнце коснулось одной из вершин, раскололось, выбросило на поверхность моря длинные красные блики и скрылось.

На той же неделе отец купил Димке ласты и водолазную маску.

УДИВИТЕЛЬНЫЕ СОСЕДИ

— А я ведь брал с собой чистую записную книжку. Принеси ее. Попробую описывать каждый наш день.

— Конечно, тебе же лежать скучно.

— Заодно посмотри колпачок от вечного пера. Он ведь золотой, жалко. Где-то я его потерял.

Но поиски в кабине «Микуми» ничего не дали. Ни книжки, ни золотого колпачка нигде не было. Димка обыскал все углы. В одном из них, где стояла вода, ему показалось, что-то движется. Он отошел, вода раздалась и на поверхности появились сначала два маленьких глаза, а потом щупальца. Каждый глаз был перечеркнут черной щелкой — зрачком. Осьминог! Это было небольшое животное — подросток. Одно из щупалец короче других, видно обкусил враг.

Осьминожек выбрался из угла.

— Что ты тут делаешь? — Димка забрался в кресло пилота и стал наблюдать за юным гостем. Тот проковылял по полу и остановился около одного из картонных ящиков, в которых везли продукты. Опираясь на пару задних ног, осьминожек приподд-

нялся и запустил передние руки-щупальца в ящик. Колечками-присосками потрогал стенки, обшарил дно и, ничего не найдя, щупальца выскользнули наружу.

Димка пошевелился. Движение человека испугало молодое животное. Осьминожек вернулся в свой угол, опустил щупальца в воду и, соскользнув по краю пробоины, исчез.

— Чем дышал твой осьминог? Воздухом. Значит, он тоже необычный, — сказал отец. — А колпачка и ручки нет? Очевидно, книжку я оставил дома, а колпачок должен быть где-то здесь в палатке... Про осьминога это занятно. Если он появится в самолете снова, понаблюдай. Ведь некоторые считают осьминогов разумными существами. Про них...

— Погоди рассказывать, я запишу.

Димка достал фотоаппарат и нажал кнопку.

Рассказ отца, записанный на карту памяти

Осьминогов изучают во всех морских институтах. Про них написано больше книг, чем про любое другое морское животное. Кроме дельфинов.

Итак, что они такое? Осьминоги — моллюски, родственники нашей садовой улитки. У них нет позвоночника и костей, а поскольку тело мягкое, мягче резины, то не удивительна их способность плющиться, растягиваться, проползать в самые узкие щели. У них есть крошечный мозг, и способности его удивили всех, кто работал с ними. Оказалось, что осьминоги умеют считать до шести, различать и запоминать предметы и нарисован-

ные фигуры. Запоминают места хорошей охоты и отдыха. Отлично дрессируются. Когда осьминогу предлагали его любимую пищу — краба и одновременно показывали рисунок — треугольник или квадрат, — осьминог запоминал: вижу треугольник — краба можно есть, квадрат — получу удар электрическим током, есть нельзя.

Осьминоги умеют менять цвет. На песчаном дне они становятся желтыми, среди водорослей — зелеными, на камнях — пятнистыми. Кроме того их цвет зависит от настроения: испуганный или рассерженный осьминог краснеет, утомленный или сонный — делается серым. Восемь ног, которые так и хочется назвать руками, помогают животному быстро передвигаться по морскому дну, ощупывать и захватывать любые предметы.

Дышит осьминог, прокачивая через тело воду, а при необходимости выталкивает ее с такой силой, что движется наподобие ракеты.

Зрение хорошее, отлично видит ночью. О вкусе и обонянии осьминогов известно мало.

— Другими словами, это удивительные существа, — закончил отец. — Но ведь все, что я говорил, относится к морским головоногим. Что такое те, с которыми ты столкнулся, — непонятно. Если это все-таки осьминоги, то как они попали на сушу? Как научились дышать воздухом? Чем питаются и зачем зарываются в землю?

Когда Димка вышел из палатки, мимо него снова прошмыгнула похожая на скворца птица.

— Что ты тут шаришь? — спросил он. — Что тебе надо, что высматриваешь?

Мысль сходить, посмотреть, что собой представляет северная часть острова, принадлежала отцу.

— Наш лагерь на юго-востоке, западная часть это бухта, куда ты ходишь. Может на севере есть еще одно удобное место для высадки! Может и туда приходят рыбаки? Сходи, обследуй.

И Димка пошел. Первое, что бросилось ему в глаза, как только он углубился в лес, это то, что он, этот новый лес, светлый. Белоствольные деревья, в которых он узнал эвкалипты, стояли поодаль друг от друга. Листья светло-зеленые, матовые, будто покрытые пылью.

Странная тишина — не слышно птичьих голосов, под ногами никто не пробегает. Значит, и тут не водятся мелкие животные, вроде белок или крыс. Вышел к руслу небольшого ручья и попробовал воду. Пресная. Нашел место поуже и перепрыгнул. Деревья еще больше раздвинулись, в низких местах поднялась высокая трава. Впереди, в одном месте она шевелилась. Димка остановился и стал смотреть. Неизвестное существо двигалось в его сторону. Там, где трава оказалась пониже, мелькнула длинная черная спина. Затем трава распалась, и показалось само животное. На открытое место вышел, словно срисованный с книги о древних, живших когда-то на планете существах, трехметровый ящер. Он опирался на землю четырьмя кривыми,

с острыми когтями, лапами и нес высоко поднятую плоскую змеиную голову. В приоткрытой пасти мелькал красный раздвоенный язык. За собой он волочил длинный покрытый чешуей, хвост.

«Неужели ящерица, варан? Почему такая большая?» — Димка судорожно глотнул воздух. Увиденный зверь был не чета безобидным осьминогам.

Но варан не заметил человека. Пробуя языком воздух, он кого-то выслеживал, повернулся, примял хвостом траву и скрылся в зеленом разливе.

Не рискнув идти дальше, мальчик повернул назад.

— Конечно, варан, — сказал отец, когда Димка захлебываясь, рассказал ему про встречу в эвкалиптовом лесу. — Будет минута, я расскажу тебе про них. Их недаром называют драконами. Итак, у нас еще есть одни необычные соседи.

Отправляясь в очередной раз за водой, Димка не мог не заглянуть на поляну кротовин. То, что он там увидел, показалось занятным. Десяток осьминогов собрался в центре поляны. Они были обращены головами друг к другу и, казалось, о чем-то договаривались. Кончив совещаться, и, растянувшись на ходу в небольшую колонну, покинули поляну.

«Куда идут и зачем?»

Чтобы определить хотя бы общее направление их движения, Димка последовал за ними. Заметив, что он идет следом, осьминоги остановились.

«Не надо их пугать», — Димка повернул назад.

Не попав снова на оставленную поляну, он понял, что заблудился. Определив по солнцу, в каком направлении должна находиться бухта, пошел туда.

Шел, шел, пока дорогу не преградило лежащее на боку поваленное ветром дерево. Оно лежало давно — листьев и веток на нем не осталось, и Димка прошел бы мимо, не обратив на него внимания, если бы в глаза не бросились покрывающие ствол многочисленные зарубки.

Кора со ствола на значительном протяжении была содрана, и кто-то часто нанес на потемневшую от времени древесину аккуратные черточки. И оставшаяся кора, и древесина, и сами черточки под влиянием дождей и воздуха изменили цвет и форму, пожухли, стерлись. Не было сомнения, загадочный рисунок на дерево был нанесен давно.

«Отец удивится и обрадуется — еще одно свидетельство тому, что наш остров посещаем. А дерево-то было отличное, высоченное, как живое, что с ним рядом», — подумал мальчик.

Еще раз, чтобы хорошенько запомнить, Димка осмотрел ряды зарубок, продолжил путь и скоро услышал плеск волн, и оказался на берегу.

На пляже не было никаких новых следов. Горизонт был чист.

— Ты говоришь зарубки? — обрадовался отец, когда Димка принес воду. — Это очень важно. Расскажи подробнее: какие они, сколько их? Нет, это так оставлять нельзя, сходишь и перерисуешь их. Ах, если бы я мог ходить!

Он горько вздохнул.

ИСКАТЬ НАС БУДЕТ ЛЕГЧЕ

Каждый раз, когда Димка забирался в кабину «Микуми» и усаживался в кресло пилота, ему казалось, что время повернулось назад, что они с отцом снова в воздухе, что мерно гудит мотор и под крылом неторопливо течет океан. Только теперь он понимал, каким замечательным был перелет и каким он был опасным. Тогда все казалось простым: береговая линия, повторяющая карту, аэродромы гостеприимно расстилающие перед ними прямоугольники взлетных полос, города — шумные, полные людей и автомобилей...

Вспоминался их самый первый полет.

— Увидишь Императорскую гавань, — сказал отец и ткнул карандашом в точку на карте.

— Но здесь написано Советская гавань.

— Прилетим, поймешь.

Чтобы пересечь Сихотэ-Алиньские горы полетели сначала на север. В Хабаровске отдохнули и заправились. Когда под крылом проползли одна за другой две горные речки, отец назвал их:

— Хор... Коппи...

После Коппи на горизонте вспыхнула синяя полоса — Японское море. Зашли на посадку. Порт оказался на берегу длинного, глубоко вдающегося в сушу залива. Уже на аэродроме отец повернул Димку лицом к возвышающейся над городом поросшей лесом зеленой горе и спросил:

— Что видишь?

— Ничего.

— А ты присмотрись: гора, и на ее склоне, высоко под самой верхушкой, что?

— Пятно.

— Сам ты — пятно. Орел. И вот как он появился. В 1911 году наследник русского престола, цесаревич, совершал путешествие — Дальний Восток, Япония. Ждали его и в этой гавани. Желая поразить его, местные купцы наняли рабочих, и те вырубили на склоне горы огромную поляну в виде двуглавого орла.

— Точно орел! — разглядел Димка.

— Цесаревич сюда не добрался, а поляна со временем заросла. Но молодой лес по цвету стал сильно отличаться от старого. Гавань назвали Императорской, а уже при новой власти — Советской. С орлом никакие начальники ничего сделать не смогли. Когда жителей Советской гавани спрашивают, что это за пятно на горе, никто не знает. Люди забыли, а природа помнит. Память хранит лес.

А еще, сидя в пилотском кресле, Димка вспоминал школу. Перед глазами вставали: дома Владивостока, Суйфунская улица, здание вокзала с памятником в честь погибших в гражданскую войну, по крутому уличному спуску катит трамвай. Но в школу он всегда ходил пешком. И всегда раньше всех. Приходишь, в классе тишина, кажется, звенят стены. Это течет Время.

Он навсегда запомнил один урок геометрии. Математичка начала его не так, как обычно. Видно тема поразила ее саму. Она подошла к доске и начертила на ней сферу, а в сфере выделила сектора.

— Кто мне скажет, в каких случаях нам приходится складывать вот эти углы, — спросила учительница, показав на острые треугольнички в центре.

— Когда решаем задачу, — робко ответила какая-то девочка.

— Если рисуешь план, — выкрикнул ее сосед.

Учительница покачала головой:

— Если ждешь, — сказала она. — Представьте себе людей, которые чего-то ждут. Ждут люди на железнодорожной станции, ждут в кабинете врача, ждет капитан на мостике корабля. Они ждут, складывая часы и минуты. Проще всего сказать, что они смотрят на часы и прибавляют одно их показание к другому. Но у меня вопрос ко всему классу: кто знает, что такое Время?

Класс зашептал. Наконец за последним столом руку поднял главный умник. Поднял и тотчас убрал.

— Ты знаешь? — спросила учительница. — Ах, ты забыл! Знал, но забыл. Тогда ты государственный преступник. Никто во всем мире не знает, что такое Время, а он знал, но забыл. Философы тысячи лет спорят, что оно такое. Существуют десятки определений. Так вот, они спорят, а мы, математики, говорим просто: Время, — это угол, на который повернулся земной шар после полуночи. Ожидая, мы складываем углы.

Математичка постучала мелом по доске и густо забелила треугольнички...

Зеленый полог за окном кабины распался. Какая-то птица свалилась с дерева. Ломая ветки

и срывая с них листья, она вырвалась из зеленого круга и умчалась.

Школа исчезла, Димка очнулся. Сколько раз повернулся земной шар и сколько сделал оборотов с того момента, когда «Микуми» рухнул на берег? «Время идет, и сколько нам с отцом предстоит еще ждать? — с горечью подумал он. — Дни сложатся в недели, недели в месяцы. Неужели так долго?»

Он скрипнул зубами.

На разведку в бухту на этот раз Димка собрался раньше обычного. Не дожидаясь, когда проснется отец, он выбрался из палатки и зашагал лесом. Попалась знакомая куча мусора. Едва подошел к ней, как с кучи спрыгнула пара больших, величиной с курицу, рябых птиц. Тревожно квохча, отбежали в сторону. Вершина кучи оказалась разрытой.

Димка влез на нее и потрогал ладонью. Листья и мусор были теплыми. Под одним листом оказалось яйцо. Так вот зачем устроена куча! Это инкубатор: то разгребая листья, то укладывая их снова, птицы поддерживают в куче-гнезде постоянную температуру.

Показав птичьей семейке большой палец — молодцы! — Димка отправился дальше. От гнезда сорных кур до поляны кротовин было недалеко. Пересек поляну, но не успел он углубиться снова в лес, как заметил, что за ним следуют несколько покинувших свои кротовины осьминогов. Они двигались в отдалении и приближались только тогда, когда человек скрывался из вида, и его нужно было догнать.

Выйдя на берег, Димка осмотрел бухту: океан чист, никаких новых следов пребывания людей. Оглянулся, — осьминоги остались в кустах. Прошел к месту кострища. На глаза попался торчащий из песка гвоздь. С трудом вытащил его. То, что казалось гвоздем, оказалось обломком тонкого кинжала или шпаги; у основания — рукоять, черная, со щербинами кость. Находкой можно протыкать, копать песок. После непродолжительных поисков в руках осталась еще медная монета и золотой крестик с цепочкой.

Находки понес домой. По пути обогнал возвращавшихся на поляну осьминогов. Зачем они сопровождали его?

— А вот это что-то совсем новое, — сказал отец. — Тут наши рыбаки ни при чем. Рукоятка от старинной шпаги. Крестик — владелец его был европейцем и христианином.

— А монета? Ведь по ней можно узнать чья она.

— Да, но только я в монетах ничего не понимаю. Потри-ка ее.

Однако, как Димка ни тер медный кружок, с него сошла зеленая патина, но разобрать, что написано, не смогли.

— Все равно хорошие находки, — сказал отец. — Получается, что у нашего острова большая история, его посещали еще в средние века. А раз так, значит, он был нанесен на карты. Искать нас будет легче. Хорошо, что ты догадался копать. Земля как книга, страницы ее только листай.

Один мой знакомый...

Рассказ отца, записанный на карту памяти

Этим моим знакомым был ленинградский историк и археолог Белов. Однажды он, набрав во время летних каникул студентов, поехал с ними раскапывать в Заполярье, на берегу Северного Ледовитого океана старинное поселение. Стали копать. Постепенно из тундры поднялись срубы, показались стены домов, вылезли остатки бревенчатой крепостной стены. Поселение оказалось городом Мангазеей. Легенды о ней, которые передавались из поколения в поколение, оправдались. Среди найденных вещей нашлись предметы, привезенные из Голландии, – глиняные кувшины, синие фаянсовые тарелки, и обнаружилась доска с нацарапанным на ней рисунком – изображением старого торгового судна – кочи. Так вот на каких утлых корабликах отважные поморы ходили океаном, льдами в Мезень и Архангельск! А еще на стенах башен и домов обнаружили следы от попадания пушечных ядер. Это было неправдоподобно – ведь ни в каких войнах затерянные на краю света мангазейцы не участвовали. Позже в старинных книгах нашли: как-то Москва назначила управлять Мангазеей сразу двух воевод. Воеводы не ужились и пошли войной друг на друга. Маленькая смешная война в крошечном городке. Писали в столицу доносы и палили друг в друга из пушек. Даже об этом рассказала мерзлая болотистая земля.

– Ну, как срисовал? – таким вопросом встретил его отец, когда на следующий день Димка вернулся из леса.

Вместо ответа тот положил перед ним листок бумаги с нарисованным на нем целым лесом черточек.

— Точно скопировал?

— Как ты сказал. Конечно, зарубки не все — их там полдерева.

Отец взял листок в руки. Перерисованные зарубки выстраивались в длинные ряды, образовывали строчки — одна строка под другой — объединялись в группы, каждые семь зарубок были подчеркнуты одной чертой.

— Я так и думал, это же календарь! — с явным удовольствием произнес отец. — Ясное дело: семь дней — неделя, месяцы не объединены, но и так ясно — четыре недели месяц. Год ничем не отмечен?

— Кажется, нет.

— А сколько всего зарубок?

— Тысяча будет.

Отец положил листок на постель.

— Самодельный календарь люди ведут в беде, когда остаются одни, всеми забытые, — объяснил он. — Робинзон тоже делал зарубки. До нас на острове жил хотя бы один человек. Может, их было несколько. Ты говоришь зарубок тысяча, значит они — или он — жили на острове года три. Ничего больше из твоего рисунка не поймешь. Что за люди, как они попали сюда? Жертвы кораблекрушения? Или их высадили на остров и оставили в виде наказания? И такое бывало. Древесина под зарубками истрачена?

— Старая.

— Выходит, и времени прошло немало. Жаль, очень жаль... Вот видишь, все может говорить, рассказывать — и дерево, и песок. Хорошо, что ты догадался его копать. «Копая, ты листаешь книгу», как говорил Белов.

НОЧНЫЕ СЛЕДЫ

По вечерам Димка часто вспоминал мать. Он представлял себе хорошо известную ему по рассказам отца Станцию Цунами. Комната, на стене висит карта Тихого океана. На ней может быть и их остров. Мать сидит перед картой около своего прибора. Медленно вращается цилиндр с намотанной на него бумажной лентой. Черная, оставленная пером линия спокойна. Спокойна и мать — за Димку и за отца она не волнуется.

«Прилетите, все расскажете», — покидая Владивосток, сказала она.

«Она у нас странная, не такая как все, — объяснял знакомым девчонкам Димка. — Знаете, как они с отцом сыграли свадьбу?»

Это было после того, как мать прилетела с Курильских островов. Набив рюкзаки одеждой и едой и захватив бутылку легкого сухого вина, они катером ушли в бухту на западном берегу Амурского залива. Сопка, на которую молодожены, поднялись, густо поросла раскидистыми каштанами. С тяжелых веток свешивались большие, как ябло-

ки, колючие зеленые орехи. Расстелили под деревом прихваченную с собой скатерть и разложили привезенные бутерброды.

«Всю жизнь мечтала, чтобы было именно так», — сказала мать...

— Она у тебя ненормальная. На свадьбе должна быть фата и музыка. Еще цветы, такси и шарики, — возмущались девчонки.

— А вы — дуры, — отвечал им Димка.

Отец вспомнил, что в опустевшем самолете лежит и припасенная для дальнего путешествия спасательная лодка.

— Притащи-ка ее сюда, — сказал он. — Плавать на ней тебе все равно не придется, но принеси.

Собственно говоря, лодку отец вовсе не собирался брать. Его заставили. Прежде чем дать разрешение на перелет, пришла комиссия из летного клуба и проверила не только самолет, но и снаряжение.

— А если будет вынужденная посадка на воду, — сказала комиссия, — Нет, нет, без спасательной лодки не полетите. Срочно купить!

Так среди предметов, погруженных в самолет, появились и крошечная, сделанная из какой-то особой синтетики, надувная лодка, баллончики со сжатым воздухом и пара алюминиевых весел.

Лодку Димка нашел в наиболее пострадавшей при аварии хвостовой части машины. Прежде чем добраться до нее, пришлось отогнуть несколько листов обшивки. Она была упакована в мешок.

— Лежала бы там, зачем она? — пожаловался он отцу, когда приволок находку.

— Никогда не знаешь, что произойдет завтра, — возразил отец.

На следующее утро мальчик встал чуть свет, принес с моря сетку с гребешками и отправился в лес, собрать для костра сушняк. Но не успел сделать несколько шагов, как остановился пораженный: на влажной от росы земле виднелся четкий отпечаток сапога.

Человек! Ночью тут был человек. И не просто прошел, а долго стоял — след повторялся несколько раз, словно пришелец ходил, выбирая место, откуда ему будет лучше наблюдать за лагерем.

Димка бросился к палатке и растолкал отца.

— Ничего не понимаю, — с досадой сказал тот.— Если это те рыбаки, то зачем прятаться, а не подойти просто к нам? Почему, понаблюдав за нами, он ушел? Кто он, отчего один?

— Я сейчас же пойду в бухту, все узнаю.

— Никуда ты не пойдешь. Надо все обдумать, — отец помолчал. — Выходит, что твои рыбаки чего-то остерегаются. Даже боятся. Среди найденных тобой вещей был патрон. Так вот, я не сказал тебе, патрон не от винтовки, а от автомата. И обломок лезвия не от кухонного ножа, а от кинжала. Все это очень подозрительно.

Весь день и всю следующую ночь они провели в тревоге. Ничего нового не случилось, и в середине дня Димка со всеми предосторожностями навестил бухту. Шел через лес, дрожа. В бухте никого. На пляже след от нового костра и новые банки.

— Они ушли, — доложил он отцу. — Никаких рыбаков.

Отец покачал головой:

— Рыбаки... Похоже, это никакие не рыбаки. Рыбаки ведь редко сходят на берег. У них есть свой район лова и есть порт, куда они отвозят улов. И все. А этим людям на нашем острове что-то нужно. Для чего-то они все время приезжают. Единственное, что мне приходит в голову, — они могут быть пиратами.

— Какие пираты? Смешно! — возмутился Димка. — В наше-то время!

— Странно, но они есть и сейчас.

Рассказ отца, записанный на карту памяти

Многочисленные острова, узкие проливы между ними, берега, поросшие мангровыми зарослями, — все это издавна создало в Юго-Восточной Азии благоприятные условия для разбоя. Так в этих водах появились пираты. У них не было больших судов, и они не могли состязаться с тяжело вооруженными кораблями европейцев, но малые суда, а также крошечные джонки китайцев и малайцев всегда были их добычей.

Пираты были изобретательны. Так, однажды, лежа в дрейфе, по причине безветрия, около острова Суматра, капитан английского парусника «Тайгер» обратил внимание на одинокую джонку, на палубе которой кучка людей размахивала руками, явно прося помощи.

— Спасем бедняг, — сказал капитан своему помощнику. — Пошлите к ним шлюпку!

Посланные матросы доставили на палубу «Тайгера» группу людей, одетых в грязные халаты-кимоно. Жалобно бормоча, доставленные уселись рядком на палубе. Подул ветерок, и корабль сам подошел к стоящей без движения джонке.

— Посмотрите, что у них случилось, — скомандовал капитан.

Сбросили шторм-трап, и несколько матросов перешли на джонку.

— Мне не нравится, как сидят эти люди, — сказал, показывая на спасенных, помощник. — Они все держат руки под халатами. И, потом, смотрите, от берега сюда идет еще одна джонка!

Не успел он произнести это, как один из сидевших на палубе издал гортанный крик, все руки вырвались из-под халатов, в каждой был нож.

— И на джонке тоже напали на наших! — крикнул помощник. На судне и на джонке сверкали клинки, слышались удары и предсмертные хрипы.

Капитан не заметил, как сзади к нему подскочил пират. Удар кинжалом, раненый капитан свалился на палубу. Но тут прогремели выстрелы — некоторые из англичан догадались вынести ружья. Испуганные пираты, попрыгали через борт назад в джонку. Оттуда перенесли тела убитых и раненых матросов. Бой прекратился, пираты спрятались в трюме. Выкатили бомбарду, наклонили ее дуло и одним выстрелом прошили джонку насквозь...

— Так было, но мало что изменилось и теперь, — закончил отец свой рассказ. — Разве что масштабы

не те. Вместо джонок нападающие используют моторные катера, вместо кинжалов у них автоматы. Недавно у берегов Сомали был захвачен украинский буксир. Команду отпустили только после получения выкупа. А в Малаккском проливе за прошлый год отмечено даже пять нападений.

Я НАЗОВУ ТЕБЯ ДИК

В этот вечер Димка долго не мог заснуть. Лежа на раскрытом спальном мешке, он то и дело приподнимал угол противомоскитной сетки и всматривался в небо. Оно было совершенно не таким, как родное, владивостокское, а высокое черное, с часто посаженными огромными звездами. Между звездами и землей носились какие-то тени. Сначала мальчик подумал, что это птицы, но потом понял — летучие мыши.

«Странно, что я ни разу не видел их в лесу. Должно быть, днем они прячутся, — подумал он. — Что еще скрывает от нас остров? Какие неожиданные встречи нам преподнесет? Летучие мыши... Большие и бесшумные... Люди в бухте...» — Это было его последней мыслью. Он заснул.

Каждый день, это вошло в привычку, Димка навещал самолет. Вот и на этот раз, забрался в кресло, тронул рукой гладкую холодную поверхность ручки управления, постучал по слепым, с застывшими стрелками, приборам. В этот момент что-то сзади прошелестело, Димка обернулся — к нему

подползал по полу небольшой осьминог. Одно из щупалец укорочено. Старый знакомый!

— Ну, что тебе? — спросил Димка.

Молодое животное двигалось не торопясь. Осьминог подкатился к самым его ногам, протянул пару щупалец, потрогал кеды на ногах мальчика.

— А теперь я тебя... — Димка нагнулся и коснулся пальцем кожи животного. Осьминог отпрянул. Но затем так же, не торопясь, проследовал в дальний угол и там замер около одной из пробоин.

Ждать пришлось недолго. Одно из щупалец осьминожка погрузилось в воду, которая мерцала в пробоине, и выхватило оттуда краба. За ним был пойман и съеден второй.

«Э-э, да это у тебя здесь садок, или ловушка! — понял Димка.— Сейчас отлив. Там, где осталась вода, застряли крабы. Ну, лови, лови!»

Но пойманной добычи осьминожку оказалось достаточно, он прошел в хвост самолета, нашел там дыру побольше и через нее скрылся.

«Пошел домой!»

Встреча оказалась не последней.

Когда через несколько дней Димка снова посетил «Микуми», то увидел около пробоины-ловушки все того же юного осьминога.

— Привет, привет! — сказал ему Димка. — Будем встречаться. Я назову тебя Дик. Идет?

Когда он рассказал об этом отцу, тот отнесся к услышанному неожиданно серьезно:

— Значит, Дик? Ну, что ж. А если приручить его? Попробуй подкармливать. Поймай краба и скорми ему. Сперва одного, потом второго, третьего. Протягивай и жди. Всех животных, даже хищных, можно приучить брать из рук пищу. Это будет удивительный эксперимент. И неизвестно, что из этого получится...

Часы упали на пол оттого, что отец, сняв их с руки, положил на край постели. Откинул одеяло: часы, отлетев, беззвучно шлепнулись на брезент.

Пошевелил ногами. Боли нет. Отчаянная мысль пришла в голову: Димки нет, что если попробовать? Часы лежали, поблескивая браслетом. В случае чего можно вернуться на руках.

Отбросил одеяло, осторожно выпростал одну ногу, вторую. Согнул их в коленях. Вот одно колено оперлось о пол. Вот второе. Теперь упереться руками... Пополз и коснулся пальцами браслета. В то же мгновение острая боль пронзила ногу...

Когда очнулся, над ним стоял, наклонившись, Димка, стоял и трогал руками его лицо.

— Ты сошел с ума, кто тебе разрешил, разве так можно? — бормотал испуганно и гладил его по лицу. — Как ты себя чувствуешь? Зачем ты встал?

— Теперь лучше, — с помощью сына он вернулся и взобрался на постель. Когда отдышался, почувствовал, что кулак сжат. В нем оказались часы. Первая попытка — неудачно. Надо лежать еще.

ИСПАНСКИЙ САПОГ

В бухту, на разведку, в этот день Димка, как всегда, отправился утром. Отклонился от привычного пути и, не доходя до поляны кротовин, сделал неожиданную находку: пятачок земли под большим толстоствольным деревом. Но этот пятачок был кем-то тщательно ухожен: земля прибрана, сухие листья и сучки сложены в сторонке. Посередине пятачка высился домик — сплетенные из веточек две стенки, соединяясь, образовывая шалашик.

Это было так похоже на творение ребенка, что Димка даже испугался. В шалашике на полу лежали аккуратно разложенные осколки морских раковин, лепестки цветов и гроздь красных ягод. Под коричневым, с зелеными прожилками, листом что-то блестело. Димка поднял лист. Ярким огоньком вспыхнуло золото. Отцовский колпачок от вечного пера! Но как он мог попасть сюда?

Димка сунул колпачок в карман и продолжил путь. В этот день беглый осмотр пляжа ничего не дал. Пришло в голову покопать около одного из кострищ. Для этого надо было добыть хорошую палку. Когда выламывал ее, заметил лежащий под кустом небольшой мешочек, сшитый из грязной цветной материи. Он был завязан узлом. Потянув шнурок, Димка высыпал на землю его содержимое. Выпали когти, четыре больших коричневых когтя с острыми круто загнутыми концами. Такие не могут принадлежать птице. Хищный зверь, но какой? Рыбаки, но зачем им когти?

Мальчик вернулся на пляж и начал копать. Долго ничего не попадалось, пока из песка не вывернулся ржавый, свернутый в трубу, железный лист. Изнутри он был утыкан истраченными от времени шипами. Странный, совершенно непонятный предмет.

Принесенное отец долго рассматривал.

— Итак, когти, — сказал он. — Посмотри, они давно отпилены?

— Не знаю. Не очень давно.

— Недавно. Значат, это наши ночные гости. А им они зачем?

— Тоже не знаю.

— Догадаться можно. Это амулет или оберег. От порчи или дурного глаза. Или, что самое вероятное, ведь мы в Азии, лекарство. Здесь растирают когти хищных зверей в порошок и пьют. Суеверных людей миллионы. ...Так, а что еще за ржавчину ты принес и почему этот лист свернут в трубу? Похоже на голенище от сапога.

Над этой второй находкой отец размышлял долго.

— Ума не приложу, что это такое, — наконец сказал он. — А что если это, действительно, часть сапога? Да еще какого! Видишь шипы? Когда-то они были очень острыми. Такие сапоги делали в Испании для инквизиторов. Итак, монета, крестик, сапог. Получается, что первыми здесь побывали когда-то испанцы. Все это оставили они.

Димка ничего не понял.

— «Испанский сапог», — сказал отец. Никогда бы не подумал, что придется держать его в руках. Инк-

визиция, орудие пытки. Такое железное голенище натягивали на ногу еретику и с помощью винтов, тут их нет, они отпали, начинали стягивать. Шипы впивались в ногу. Если еретик упорствовал, сапог сжимали до тех пор, пока не ломались кости.

— Откуда на острове еретики? Ты что, с ума сошел?

— Не обязательно они. Орудия пытки капитаны брали на всякий случай. Скажем на корабле бунт. Бунт подавили, кто зачинщики? Не выдаешь зачинщиков, на тебя надевают сапог. Другой случай — команда высаживается на берег и видит на туземцах золотые украшения. Где взяли золото? И в этом случае в дело идет пытка... Кстати, где ты нашел мой золотой колпачок? Домик в лесу? Его соорудил шалашник — птица, которая строит такое прихотливое, полное украшений гнездо. Даже не гнездо, а домик свиданий с самками... Но давай закончим с испанцами. Ведь это они первые пятьсот лет тому назад посетили эти воды. Это были суровые, жестокие люди, но настоящие моряки и первооткрыватели.

В тот же вечер отец рассказал Димке о Меданье и Киросе.

Рассказ отца, записанный на карту памяти

Когда испанский конкистадор Васко де Бильбоа в самом начале шестнадцатого века пересек узкий Панамский перешеек, он, не снимая сапог, вошел в воды Тихого океана и объявил океан соб-

ственностью испанской короны. С тех пор океан стал доступным и желанным. Особенно всех интересовала его южная часть. Там по библейской легенде должны были находиться богатые золотом острова и огромный, не уступающий по размерам Европе и Азии, новый материк.

Одним из первых, кто отважился искать их, был совсем неопытный 24-летний адмирал Меданья. Стать адмиралом ему помогли знатные родственники.

Экспедиция Меданьи началась благополучно. Его корабли, выйдя из перуанского порта Кальяо, пересекли океан и после месячного плавания подошли к островам, что расположены неподалеку от нынешней Новой Гвинеи. Местные туземцы никогда не видели белых людей и корабли. Их легкие вертлявые лодки окружили испанские суда. Туземцы были вооружены копьями и стрелами, но нападать они и не собирались, а когда Меданья подарил их вождю красный колпак, был окончательно установлен мир.

Считая, что он достиг искомых берегов, Меданья высаживает на них своих людей. Те, построив поселение, начали в нем жить. Жили испанцы, меняя у туземцев свиней и овощи на железные и медные безделушки и собирая лесные плоды.

Но климат острова оказался для европейцев губительным: лихорадка, малярия, желудочные заболевания — половина испанцев слегла. На кладбище появились первые кресты. Никакого золота и драгоценных камней, которых искали испанцы,

на острове не оказалась. Корабли отправились в обратный путь. Еще одно трудное многомесячное плавание. Когда экспедиция Меданьи вернулась в Перу, из 150 начинавших плавание моряков осталось в живых меньше сотни.

Дело было в тех условиях, в которых проходило тогда плавание. Небольшой парусник, палуба и тесный трюм битком набивали матросами и солдатами, свиньями и курами. Спали прямо на досках, подстелив мешки и солому. Если в начале плавания питались сытно, но скоро еда подходила к концу. Оставались солонина и сухари, затем заканчивались и они. Принимались за крыс, их даже продавали друг другу — крыса стоила золотой дукат. Были случаи, когда чтобы не умереть, срезали с дверей обшивку из застарелой бычьей кожи. Ее делили на длинные полосы, били, чтобы смягчить, и варили. Вода становилась немыслимой ценностью — протухшая, чуть-чуть на дне бочек. С жадностью смотрели матросы, как боцман разливает по кружкам остатки этой желтой, дурно пахнущей жидкости.

Нередко среди команды начинался бунт. Вот тогда-то и нужны были орудия вроде «испанского сапога». Выявленных зачинщиков вешали на реях.

А чего стоил каждый маневр, который предпринимал капитан, чтобы изменить курс или избежать потери парусов! Ночь, надвигается шторм. Крик офицера, и сонных матросов гонят на мачты. Там, стоя на рее, не видишь ничего кроме черного неба и внизу крошечной, оттого что глядишь на

нее сверху, палубы. Начинается дождь, и, попробуй, развяжи или завяжи нужный узел пальцами, которые свело от холода!

И только капитан считает, ибо иначе нельзя, что все идет как надо. Удалившись в каюту, он аккуратно записывает в корабельный журнал очередные, самые важные для него, цифры — время, курс и показания лага...

«Аккуратно пишет цифры...» — Димка вспомнил еще один урок.

Школьный учитель. Это был преподаватель физкультуры старших классов. Его прислали заменить на один час заболевшую учительницу математики. Едва прозвенел звонок, дверь распахнулась, и в класс вошел пожилой мужчина. В стареньком потертом пиджаке, под пиджаком — такой же старенький свитерок. Не говоря ни слова, он подошел к преподавательскому столу, положил на него классный журнал, уперся двумя руками о край, лег грудью, оторвал ноги от пола и легко сделал стойку. Класс замер. Учитель встал на ноги, коротко назвал себя, объяснил свое появление и начал решение задач. Димку сразу поразило, что задачи по математике решает учитель физкультуры и то, как он пишет.

В середине урока физкультурник сказал:

— Всегда, когда вам приходится иметь дело с цифрами, пишите их четко, без исправлений. Единицы подчеркивайте, иначе их можно спутать с семерками или четверками. Немало моряков по-

шло под суд за то, что в их судовых журналах нельзя было прочитать, каким же курсом на самом деле шел корабль.

Когда урок кончился, Димка подошел к нему.

— Вот вы сказали, что единицы надо подчеркивать, что надо аккуратно писать цифры. Но цифры сейчас никто не пишет. У меня есть калькулятор, а у отца в офисе на каждом столе компьютер.

Все ученики уже покинули класс, они остались вдвоем.

— Ты прав, мальчик, — сказал учитель. — Мир изменился, и плохо, если человек отстал. Я не сумел выбрать себе другую профессию. Годен только заменить математичку, и то, только для того, чтобы решать задачи. Будешь выбирать профессию, думай. А что касается цифр, то они отражают характер.

Он ушел, но теперь, когда Димка видел его мельком в школьном коридоре или у дверей спортзала, он вспоминал: «Единицы надо подчеркивать». Наверное, преподаватель физкультуры был когда-то моряком.

Продолжение записи рассказа отца на карте памяти

Суровое, беспримерное по трудности плавание закалило характер Меданьи. Получив от губернатора отказ помочь организовать новую экспедицию, он отправился за разрешением и помощью в Европу, в Мадрид. Разрешение король дал, но прошло долгих 23 года, когда мореплавателю нако-

нец, удалось собрать необходимые средства и получить корабли. На этот раз среди приглашенных Меданьей моряков был молодой, но уже искусный в кораблевождении кормчий по имени Кирос.

Долгими вечерами сидели над картами успевший состариться Меданья и юноша-кормчий. Путь, который наметили они, все тот же — юг, цель — Южный материк.

И вот закончены последние приготовления. Из порта выходят четыре корабля. Они полностью укомплектованы матросами и солдатами, трюмы их набиты продовольствием, главное — сухари, пресная вода и оливковое масло. Не забыты и товары для обмена с туземцами — куски цветной материи, зеркальца, колокольчики, бусы... Кировсу не нравится, что лучшие каюты на кораблях заняты родственниками старика Меданьи и его молодой — слишком молодой, ей всего 20 лет — супругой Исабель. Но он привык молчать. Гремят барабаны, ревут трубы, после общей молитвы маленькая эскадра берет курс на запад.

Через месяц крик впередсмотрящего «Вижу землю!» возвестил о приближении острова. Вместе с отрядом моряков Кирос плывет на шлюпке к берегу. Желтовато-белые скалы, за ними зеленая трава и рощи пальм — первый тропический остров, который он видит в своей жизни. Раньше были только воды Европы. Люди в набедренных повязках, с татуировкой на теле, дома легкие, с тончайшими тростниковыми стенами, обилие овощей и фруктов...

Кажется, все складывается отлично, но первая же неделя приносит беду. Туземец, взобравшийся на корабль, прихватывает какую-то вещицу, испанский солдат, недолго думая, хватает мушкет и стреляет. Первая кровь. Туземцы отвечают стрелами и камнями. Война! Двести дикарей и несколько солдат убиты.

Беда никогда не приходит одна. Умирает Меданья, назначив своей преемницей с титулом губернаторши Исабель. Юная губернаторша сразу же решает прекратить плавание и вернуться. Но кто, кроме Кироса, может проложить путь эскадре? Получив ее приказ, он ведет корабли прочь от открытых островов. Медленно, очень медленно ползут суда. Рацион, выдаваемый команде, все время приходится снижать. Теперь это, в сутки, кружка воды и три ложки затхлой мучной похлебки. Ни кусочка мяса, ни капли масла. Разболтанные ветрами мачты еле держатся, все время рвутся паруса и снасти.

Вздорная Исабель все время вмешивается в распоряжения Кироса. Она отдает через его голову приказы другим капитанам, решая, как и каким курсом надо идти. Капитаны ненавидят госпожу губернаторшу. В результате отстают и пропадают один за другим три корабля. Зная, что в океане господствуют постоянные восточные ветры, Кирос ведет оставшийся корабль на север к Филиппинским островам, чтобы потом кружным путем вернуться в Америку.

Бывший кормчий совершил это беспримерное плавание и, сделав круг по всему Тихому океану, привел корабль в Перу.

Обнищавший, без друзей, без денег, бродил он по улицам Лимы.

— Странный человек, — говорили о нем обыватели, — вместо того, чтобы водить торговые суда вдоль побережья или взять рабов и заняться сельским хозяйством, он собирается продолжить плавание. Бредит каким-то Южным материком!

ЧТО ЗНАЧИТ ХАРАКТЕР

Как-то в дождливый, с утра непогожий день, когда отец продолжал рассказывать историю испанцев, Димка выбрал время — дождь ослабел, стал моросью — и отпросился сбегать, набрать раковин.

На этот раз видимость в воде, по мере того как он отплывал от берега, сильно менялась. Вода была то по-прежнему прозрачной, то становилась мутной. Желтые подводные облака тянулись от берега в сторону моря. Мальчик не сразу сообразил, что это образовавшиеся после дождя ручьи выносят в океан частицы земли. Рыбьи стаи, избегая замутненных мест, теснились ближе к рифу, самые крупные обитатели лагуны, такие как мурены или скаты, вообще исчезли.

Димка хотел было повернуть назад, как вдруг заметил, что дно под ним шевелится. Камни, которыми в этом месте было усеяно дно, двигались! Дно текло, направляясь в сторону берега. Димка снял маску, протер глаза, снова надел. Ошибки не

было: дно ожило, оно все было покрыто сотнями маленьких осьминогов. Шевеля тонкими щупальцами, тесня друг друга, юные животные куда-то спешили. Они явно шли откуда-то из глубин: к острову.

Пораженный Димка, забыв про раковины, медленно шевеля ластами, поплыл следом. Стая двигалась, как одно большое существо. Она изменяла направление движения, останавливалась и снова продолжала идти, словно подчиняясь общему сигналу.

Подойдя к берегу, малыши бесстрашно выбрались на песок и, продолжая путь, полезли наверх. Бросив ласты и маску на песок, Димка последовал за ними. Достигнув леса, отряд углубился в него. Обтекая стволы и раздвигая траву, осьминоги уверенно шли вперед.

«Они идут по направлению к поляне кротовин!» — понял Димка.

— Жалко, что они прошли не здесь. Полюбовался бы, — сказал отец, выслушав доклад сына. — Значит, как и следовало ожидать, размножаются осьминоги в воде. Откладывают яйца, а детеныши, едва подрастут, возвращаются на сушу. Ступай-ка ты снова в море. Раковины принес? Нет.

Продолжение рассказа отца, записанного на карту памяти

Теперь мечта об открытии Южного материка стала мечтой Кироса. Получив в Перу отказ предоставить ему корабли для нового плавания, он

решил повторить безумное предприятие Меданьи и совершить путешествие, отправившись за разрешением в Европу. Дорога в полмира! Долгие месяцы складываются в годы. Прежде чем его примет король, оказывается, нужна еще и поддержка Папы римского. Рим... Мадрид... После нескольких, ничего не значащих, слов король ласково кивает. Разрешение получено! Но время в те столетия тянулось совершенно с другой скоростью: девять месяцев ждал Кирос, пока ему изготовят все необходимые бумаги. Но вот они в руках и снова тысячемильный путь в Южную Америку.

Эскадра Кироса — три корабля — вышла в океан через десять лет после первого его плавания с Меданьей. Уже у кормчего не то здоровье, болит сердце: слишком дорого заплатил он за муки, с которыми добился разрешения на экспедицию. Но он по-прежнему уверенно ведет корабли. Никаких орудий пыток на суда он приказал не брать, но зато теперь соленого мяса, сухарей и воды вдоволь. Вот они достигают островов, и на них туземцы говорят, показывая на юг, о какой-то «очень большой земле». Очевидно, они имели в виду Австралию. Обнаружив очередной большой остров, Кирос объявляет, что желанное открытие совершено, закладывает на берегу поселение и дает острову название Южная земля Святого духа.

Но что, если впереди еще более богатые и плодородные земли? И он ведет корабли снова на запад. Снова кормчий вглядывается в карты, пытаясь угадать: насколько справедливо положены на

них берега? Ведь картографы, он знал, иногда рисуют их, опираясь только на упоминания в старых книгах и на собственную фантазию.

Когда Кировсу становилось особенно плохо, он удалялся в свою каюту и, макая гусиное перо в медную чернильницу, писал указания тому, кто, в случае его смерти, примет командование крошечной эскадрой. Особое внимание он советовал обращать на признаки близкой земли и на места, где возможна авария.

«Если по курсу будет видна мглистая дымка, это может быть признаком близкого берега. О его близости говорят также плавающие на волнах листья, травы, кокосовые орехи и скопление мелких рыб. Если на пути встречаются стаи птиц, надо глядеть, в каком направлении они летят. Утки и фламинго говорят, что земля близко. Бурые пятна на воде свидетельствуют о том, что на дне скалы. Белые же пятна – что дно песчаное и глубина небольшая. Будь очень осторожен, не выпускай из рук лота – все время бросай его».

Заканчивая рукопись, Кирос написал: *«Островитян не следует ни обижать, ни дразнить. Строжайше запрещается отбирать что-либо у них».*

Плавание закончилось тем, что жесточайший шторм разбросал корабли. Флагманское судно Кироса в одиночку повторяет кружное плавание и, обойдя весь океан, возвращается в Америку.

Но ведь надо оповестить всех, что долгожданный материк открыт! Его доклады оставляют без внимания и Кирос, назло всем, отправляется снова в Европу. Однако и там великую, по его

мнению, весть оставляют без внимания. Отношение к поискам новых земель в Испании резко изменилось: страна едва удерживает под своей властью старые колонии, и новых не нужно. Напрасно ходит Кирос из одного дворца в другой, слушать его никто не хочет. Один путь — назад, в Перу. Не выдержав многолетних тягот и страданий, забытый и оставленный всеми, он умирает на обратном пути...

— Да, так закончилась жизнь еще одного великого мореплавателя, — подытожил отец свой рассказ — Он не открыл Южный материк, но вся его судьба, полная беспримерных забот и тягот, — пример служения однажды избранной цели, и, кроме того, вот что значит Характер, с большой буквы...

Как-то, вспомнил Димка, перед началом урока, дверь в классе распахнулась, и завуч ввел невысокого черноволосого мальчишку. Смуглое лицо, характерный разрез глаз — кореец, или китаец.

— Будет учиться с вами год, — сказал завуч. — Свободное место где есть? На последней парте. Ким, иди туда.

На следующий день была контрольная по русскому языку. Преподавательница достала текст и приготовилась диктовать.

— У вас новенький, — сказала она — Как тебя зовут? Ким, можешь контрольную не писать. Сиди, присматривайся.

— Я напишу, — сказал новичок.

— Как хочешь.

Когда учительница принесла проверенные контрольные и очередь дошла до листочка, написанного Кимом, она сказала:

— Я проверила. У тебя 52 ошибки. Я же говорила — можешь не писать.

— Я буду писать, — упрямо повторил Ким.

Через месяц он сделал в такой же контрольной всего 25 ошибок.

— Чудак, пришел всего на один год и пишет, — рассказал тогда Димка отцу про странного желтолицего паренька. — Все равно ведь не научится так, как мы.

— Не знаю,— сказал отец. — Со мной тоже учился один упрямец. Этот решил сам выучить английский язык. Нам преподавали немецкий. Так он настриг из картона карточек и каждый день записывал на карточку десять слов. На перемене ходит, учит, на уроке химии поставит опыт и учит. На физкультуре, пока мы лазаем по канату, учит. И когда мы кончили десятый класс, мы все знали один язык, а он два.

— И ты, подражая ему, стал потом тоже учить английский?

— А что? Без него теперь никак...

Как-то взяв бинокль и разглядывая гладкую спокойную воду между покрытым пеною рифом и берегом, Димка заметил темную полосу, которую оставлял кто-то, двигавшийся у самой поверхности.

— Что ты там рассматриваешь? — крикнул из палатки отец.

— Возьми подзорную трубу.

Темная полоса свернула к берегу, стало хорошо видно — из воды то и дело показывается чья-то узкая черная спина. Спинного плавника нет.

— Крокодил, — неуверенно произнес, отнимая от глаза трубу, отец. Но Димка уже узнал:

— Варан.

Ящер не торопился. Он двигался, все время погружая голову в воду и что-то высматривая. Наконец он нырнул, а когда всплыл, в пасти его билась небольшая рыбина.

— Я спущусь к самому берегу, рассмотрю его, — и, не дожидаясь ответа, Димка сбежал вниз.

Варан продолжал охотиться. Поймав еще несколько рыб, он решительно направился к берегу. Животное плыло, шевеля одним хвостом. Когда до кромки воды осталось совсем немного, варан остановился. Человек и ящер уставились друг на друга.

«Если он вылезет на песок, надо отступать».

— Смотри, не мудри! — крикнул сверху отец. — Ступай назад, немедленно.

Но ящер изменил решение. Он круто загреб хвостом, повернул и направился к рифу. Вскоре белая пенная полоса скрыла его.

— Рискуешь, — с неудовольствием, когда Димка вернулся, заметил отец.

КОЛОНИЯ ВАРАНОВ

В этот день Димка решил, идя к бухте на разведку, еще раз отклониться к северу и, может быть, дойти там до оконечности острова. В спутники,

как обычно, навязался Дик. Если он отставал, Димка останавливался и терпеливо ждал.

Однако скоро, заметив, что они идут не обычной дорогой, молодой осьминог стал вести себя беспокойно. Он часто останавливался и недоуменно смотрел на спутника. Наконец наступил момент, когда Дик замер на месте.

— Ты не хочешь идти дальше? — Димка подошел к осьминогу. — Тебе что-то не нравится?

Глаза осьминога тревожно задвигались, но он не пошевелился.

— Как хочешь. Оставайся, а я пойду.

И Димка продолжил путь. Скоро он достиг эвкалиптовой рощи и снова обратил внимание на то, как мало в ней тени. Деревья стояли, отсвечивая белыми стволами, и кроме теней от их стволов, никакой другой тени на земле не было. Мальчик поднял голову и понял: крона каждого дерева просвечивала, все листья в ней были повернуты ребром к солнцу, дерево защищалось от зноя.

Подул слабый ветерок и донес легкий гул. Это мог быть только гул от разбивающихся о берег волн. Димка ускорил шаг и чуть было не провалился в вырытую под корнями дерева яму. Она была не глубокая и сразу же поворачивала, превращаясь в нору. Мало того, к норе вела протоптанная тропинка.

«Интересно, кто ее хозяин?» — подумал Димка и тут же заметил впереди, в росшей между эвкалиптов траве, какое-то движение. Мелькнула длинная черная спина, затем над травой показа-

лась сначала плоская змеиная голова, а затем и все животное. Волоча хвост и тяжело переставляя кривые когтистые лапы, на открытое место вышел большой варан. Опустив голову к земле и поминутно высовывая раздвоенный язык, он что-то искал.

«Так вот отчего Дик не захотел идти со мной! Как поведет себя этот ящер при виде человека?»

Но варан повернул голову совсем в другую сторону, что-то учуял и изменил направление движения. Еще мгновение, и он скрылся в траве.

Новый порыв ветра донес шум волн.

«Может, безрассудно идти туда вслед за ним? Но если идти осторожно...»

Эти шаги Димка сделал, обходя кусты и густую траву. Океан открылся внезапно, словно опрокинув белую стену леса. Здесь уже дул сильный ветер, мелкие волны били в песок, но настоящий шум приходил со стороны и здесь окаймляющего берег рифа. Пляж был шире, чем тот, по которому Димка рыскал у лагеря. Вдалеке несколько варанов бродили у самой кромки воды. Ящеры то и дело останавливались, опустив морды, подбирали что-то выброшенное волнами.

«Насколько они неразборчивы, едят падаль!»

Вспомнив слова отца: «А нет ли и там открытой с моря, удобной для захода судов, бухты?» — обойдя варанов, Димка двинулся вдоль берега. По пути попалась какая-то темная шевелящаяся дурно пахнущая груда. Обошел и ее. Пенная полоса над рифом не прерывалась, проходов в рифе не было.

Наконец дорогу преградила стена мангрового леса. И тут мангры! Повернул назад. Когда снова подошел к замеченной ранее, дурно пахнущей груде, что-то толкнуло: «А что, если разобраться с ней?»

Подошел вплотную. На груде шевелились крабы, тысячи что-то пожирающих крабов. Все новые и новые, закованные в броню, маленькие десятиногие хищники вылезали из моря и устремлялись к черной куче. Крабы пировали на остатках каких-то тел.

Димка взял палку и смел, разбросал крабов. Тела принадлежали варанам! Шкуры со всех сняты, когти обрублены.

«Браконьеры! — это они охотились здесь.» Прикинул: убито было примерно десять ящеров. Сколько браконьеры унесли отсюда? Десяток шкур и около двухсот когтей. Добыча стоит того, чтобы приплывать сюда и рисковать.

Дойдя до того места, где вышел к океану, Димка повернул. Шел, забыв осторожность, и поэтому даже вздрогнул, когда около замеченной ранее норы, наткнулся на группу варанов. Ящеры, образовав кольцо, наблюдали за схваткой, происходящей в центре: небольшой, молодой ящер терзал осьминога. Варан был молод и неумел, осьминогу все время удавалось вырываться. Но каждый раз в дело вмешивался большой, стоящий рядом варан. Когда осьминог, защищаясь, обвил щупальцами тело молодого нападающего и тот стал биться, стараясь освободиться, большой варан подошел и схватил голову осьминога зубами. Все было кончено...

Остаток пути Димка почти бежал.

— Что с тобой?— спросил отец. — Был сегодня в бухте, что там?

— Не дошел. Не знаю, — и он, захлебываясь, стал рассказывать о походе, о находке на берегу и о смерти захваченного в плен осьминога.

— Этого и надо было ожидать, — сказал отец. — Браконьеров не остановить. Отвратительно, но что делать. А что касается последней сцены, это ты увидел, как обучают молодого ящера. Большой варан — это была его мать. Предметный урок, молодой запомнит его на всю жизнь. Хотя тебе наблюдать это было тягостно. Тебе надо быть осторожным, ты повсюду ходишь один.

ОНИ БРАКОНЬЕРЫ

Однажды Димка спросил у матери, что за странные названия у бухт, куда они всей семьей ездят купаться:

— Что еще за Патрокл? Ну, Горностай еще понятно, а Улисс?

Мать терпеливо объяснила:

— Патрокл это воин, про Троянскую войну вам еще расскажут, когда будете изучать историю Греции. Патрокл защищал Трою, а Улисс был его враг. Тот, кто давал названия бухтам, видно, любил историю и литературу.

Их разговор слышал отец.

— Каждая карта, — сказал он, — полна названий и почти за каждым какое-нибудь приключение. Скажем, южнее Сахалина есть Камень опасности — скала прямо посередине пролива. На нее когда-то налетел парусник. В Беринговом море, почти у самого Полярного круга лежит мыс Африка. Кругом лед, холодина, что за Африка? А назвал мыс капитан парохода, который так и назывался «Африка». В честь судна. В Японском море полно французских имен: остров Монерон, мыс Де Лиль де ла Кройера. Их дал мореплаватель Лапруз в честь ученых, сопровождавших его в плавании.

— Фальшивый Геленджик, — напомнила мать.

— И тут есть резон, — отец продолжил. — Мы проводили отпуск на Черном море. Идем на круизном пароходике вдоль побережья, помощник капитана спустился с мостика и говорит: «Проходим Фальшивый Геленджик». Помнишь, ты спрашиваешь: «А есть настоящий?» Он говорит: «Вон там, левее». Оказывается, вход в порт Геленджик приметен по двум большим скалам. А рядом такие же скалы, пойдешь на них — разобьешься.

Вспомнив все это, Димка решил: «Бухту, куда хожу, назовут когда-нибудь Бухтой испанцев».

Во время очередного похода на разведку он как всегда заглянул на поляну кротовин. Воздух над ней почему-то пахнул дымом.

«Лесной пожар? Но лес сырой, огню взяться неоткуда...»

Едва продолжил путь, как заметил, что к нему присоединилось несколько осьминогов. Они шли тесной группой, на этот раз, осторожничая – то и дело останавливаясь. Не доходя до берега, животные замерли, словно ожидая – что будет дальше?

Новый порыв ветра донес еще более сильный запах. Раздвинув ветки, Димка увидел, что на пляже чадит плохо погашенный костер, а в сотне метрах от берега на воде покачивается одномачтовый бот.

Первой мыслью было – бежать, но, подумав, он решил остаться и наблюдать. Что будут делать прибывшие на судне? Его экипаж не заставил себя долго ждать: на палубе появился сначала один моряк, потом еще трое. Они вывели из-под кормы привязанную там лодку и переправились на берег.

Последнее, что увидел, покидая бухту, Димка, это то, что высадившийся на берег наткнулся около кустов на осьминога, поднял палку и ударил животное. Осьминог отпрянул и, торопясь, подрагивая, скрылся в кустах.

– Ты что такой дерганый? – были первые слова отца.

Торопясь и захлебываясь от волнения, мальчик рассказал о прибытии бота.

– Они уже на берегу. Сейчас они к нам придут.

– С чего ты это взял? Конечно, придут, но ведь не немедленно. Придут, хорошо, поговорим, узнаем, кто они.

Весь день отец и сын провели в тревожном ожидании. Ночь уже не спали. Каждый шорох в лесу воспринимался, как шаги.

Утром Димка вылез из палатки и, едва вошел в лес, как вздрогнул: на земле снова появились отпечатки ног. Человек в сапогах приходил не один — рядом виднелись следы второго, третьего...

Сомнений не было — приходили ночные гости.

— Появились во второй раз, — сказал отец, — значит, придут и в третий. Ничего не остается делать — будем ждать. Может быть, наши страхи напрасны? Интересно, у них на судне есть радио?

В полдень появился Дик, и пришел он не со стороны мангр, как обычно после посещения «Микуми», а прямо из леса.

Молодой осьминог был чем-то встревожен. Он беспокойно ползал взад-вперед, словно хотел что-то сообщить.

— Тебя что-то волнует? — спросил его Димка. — Посиди, успокойся.

Не успел он это сказать, как из-за деревьев показались три фигуры. Три человека, одетые в грязные цветные рубахи и короткие закатанные штаны, черноволосые, с бронзовыми от загара скуластыми лицами... Димка повернулся, чтобы криком предупредить отца, но тот уже все увидел и сам. Присев на постели, он откинул полог палатки и ждал.

Гости не торопились. Выйдя из зарослей, они остановились и, не говоря ни слова, начали разглядывать лагерь и палатку. Их внимание привлекли лежавшие на земле ласты и маска. Один из незнакомцев подошел и нагнулся над ними.

— Эй! — крикнул отец. — Стоп, не трогать! — и медленно, отчетливо произнес по-английски, — уи ар рашен... Хау ар ю? Мы русские. Кто вы?

Тот, кто собирался трогать ласты, отошел. Отец повторил свое обращение. Гости переглянулись и ничего не ответили.

— Они не понимают или делают вид, что не понимают, — сказал отец и начал что-то шарить у себя под матрасом.

Один из гостей, по виду — вожак, сделал властный жест. Стоявший рядом подошел к костру, который начал было разводить Димка, и заглянул в висевший на подставке котелок. Еще один отделился и начал обходить палатку.

«Он будет за спиной у отца!» — испугался Димка.

Незнакомцы не обменявшись ни словом, начали подходить ближе. Они наступали медленно, с трех сторон. Все ближе... ближе. Тот, который заходил со спины, остановился, пригнулся.

«Сейчас, еще шаг!»

Но в этот момент отец нащупал под матрасом то, что искал. В его руке блеснул ствол ружья, отец прицелился в главаря. Щелкнул курок. Его услышали. Все трое остановились, вид вооруженного человека отрезвил их. Постояв некоторое время, начали отступать. Главарь подозвал к себе остальных, пошептавшись, направились прочь. Еще минута, и непрошеные гости скрылись в лесу.

Когда они исчезли, отец вздохнул:

— Ну, вот, обошлось, — сказал он. — Как это неожиданно и страшно.

— Что им надо? — почти выкрикнул Димка. Странная и непонятная сцена, когда перед тобой стоят и молчат, а потом, так же молча, начинают приближаться, ошеломила его.

— Они испугались ружья, — сказал отец. — Сломанное, оно спасло нас. Ты не заметил, было у них что-то в руках?

— У двоих ножи, — Димка показал на Дика, который по-прежнему сидел в отдалении. — Видишь, какой он славный, он пришел, чтобы предупредить нас. Он их знает, они его уже обижали.

Он направился к осьминогу и по пути заглянул в яму, в которой прятал консервы. Яма была пуста.

— В ней почти ничего нет, — крикнул он. — Несколько пакетов. Они ограбили нас!

— Надо было замаскировать ее, — сказал отец. — Но кто же знал. Значит, со временем нас будет кормить одно море. Будем жить впроголодь, а спать по очереди. Надо дежурить, они могут вернуться.

— И все-таки ты скажи, что им от нас надо? — в отчаянии еще раз спросил Димка.

— Кто знает. Может, хотят нас ограбить, даже палатка и постели, все имеет цену. Еду они уже забрали. Но, главное, вот что я понял. Помнишь — когти варанов и жидкость в бутылке? Формалином обрабатывают шкуры животных. А когти и шкуры в Азии на рынках ценятся очень дорого. Они никакие не рыбаки, а браконьеры. И, если так, то их особенно надо бояться.

Рассказ отца, записанный на карту памяти

Эта история произошла в Центральной Африке. Но, прежде чем ее рассказывать, надо понять, что за причина привела к трагедии.

В прежние времена незаконная охота, отстрел охраняемых зверей и птиц не ставились на одну доску с тяжкими преступлениями. На пойманного браконьера налагали штраф или отбирали охотничий билет вместе с оружием. Однако за последние сто лет положение резко изменилось.

Животных, которые нуждались в защите, становилось все больше, численность их резко упала. Для того чтобы люди не истребили слонов из-за их бивней, носорогов из-за рога, леопардов из-за шкур, заповедные земли стали строго охранять. Однако у живущих поблизости от заповедников, появился соблазн: на заповедной земле вообще много разного зверья и желанной дичи. И местные жители начали там охотиться: стрелять, ставить капканы, рыть ямы-ловушки. Так заповедники стали местом, где пересекаются интересы ученых, туристов, местного населения. У каждого свои права, своя нужда, свой риск.

И вот к чему это привело.

На границе двух африканских стран Бурунди и Заира расположена горная местность Вирунги. Там сохранилось небольшое количество человекообразных обезьян горилл. Великолепное животное до двухсот килограммов весом, абсолютно безобидное, поскольку питаются гориллы растительной пищей.

Вирунги объявили заповедником. В нем появились ученые. Одна из них Дайан Фосси поселилась в лесу и прожила там семнадцать лет. Одетая всегда в одну и ту же синюю рубашку, она с первых дней пребывания в заповеднике уходила в лес и, заметив группу горилл, неподвижно стояла и ждала, когда те к ней привыкнут. Наконец, через четыре года одна горилла сама приблизилась к ней. Подошла вся группа. Еще полгода и обезьяны, не обращая внимания на человека, стали рядом с ней заниматься своими обычными делами: рвали плоды, выкапывали сладкие корни, играли между собой и даже, улегшись на подстилку из листьев, спали. Дошло до того, что самки разрешили своим детенышам играть с человеком, а важные самцы позволили ей поглаживать и почесывать себя. Каждый поступок обезьян, их нравы, обычаи, привычки, ученая наблюдала и записывала.

Весь мир восхищался мужественной терпеливой женщиной. Она написала о своей жизни в лесу книгу, о ней сняли фильм.

Но у Дайаны, когда она ходила по лесу, была еще одна важная и опасная работа: она выкапывала капканы и портила ловушки, которыми браконьеры ловили в заповедном лесу косуль и свиней. Каждая ловушка была смертельной опасностью для горилл. Дайана упорно уничтожала их. Браконьеры быстро сообразили, что популярная во всем мире женщина рано или поздно не остановится перед тем, чтобы вызвать для борьбы с ними полицию или даже солдат. Они убили Фосси...

— Теперь ты понимаешь, чем мы опасны для этих ночных гостей? Большие вараны записаны в Красную книгу. Осьминогов, когда о них узнают, тоже станут охранять. Мы опасные свидетели, от нас лучше избавиться. Сломанное ружье во второй раз нас не спасет, — закончил отец.

Прошло несколько дней. Гости больше не появлялись.

— Я схожу на разведку, — предложил Димка. — Ты не бойся.

— Как же мне не бояться...

Дорогу через лес мальчик прошел осторожно, рассматривая землю — нет ли следов? Следов не было. Вот и домик шалашника. Вот поляна кротовин. На поляне возились несколько осьминогов. У них был спокойный вид, и он понял — опасности нет. Действительно, когда Димка подошел к берегу, заметил, что океан чист, бот исчез.

Побродив по берегу и обследовав несколько новых кострищ, он пошел назад. На поляне кротовин что-то происходило. Осьминоги образовали в центре поляны кольцо. Они вели себя необычно: возбужденно двигались и старались пробиться в середину, где происходила какая-то борьба. Димка подошел поближе. Между телами осьминогов бился, пытаясь вырваться, небольшой варан.

Осьминоги сжимали кольцо. Варан шипел и щелкал зубами. Несколько раз ему удалось ударами хвоста отодвинуть соперников. Осьминоги было отступили, но, выждав, снова кинулись вперед. Са-

мый ловкий подскочил и набросил варану на спину несколько щупалец. Казалось, исход схватки решен — жертва сейчас будет связана. Но произошло неожиданное: в кольце осьминогов образовалась брешь. Заметив ее, молодой ящер рванулся, сбросил со спины щупальца, проскочил мимо окружавших его, с необычной быстротой пересек поляну и скрылся в лесу.

— Вот так разведка, — сказал отец, когда сын рассказал ему о результатах похода. — Рыбаки уехали — раз. Увидел еще одного варана — два. Наблюдал схватку — три. Про нее понимать надо так — вараны и осьминоги, попав на один остров, стали смертельными врагами. Сейчас решается вопрос — кто кого? Кто выживет. Вараны настоящие хищники, перевес на их стороне. Если мы — люди — не вмешаемся, осьминоги исчезнут.

ХРАНЯТ В СЕБЕ РАЗГАДКУ

Как-то отец спросил Димку:

— Ты начал подкармливать его?

Вопрос, конечно, относился к Дику.

— А как же!

— И что?

— Берет прямо из рук. Влезаю в кабину, он уже ждет. Подходит, берет краба или рыбу. Позволяет себя трогать. Трогаю, а он часто дышит, ему видно нравится.

— Хорошо, приведи его сюда.

К Димкиному удивлению, выполнить просьбу отца оказалось несложно. Дик вылез из кабины и не сразу последовал за ним, но скоро понял, что это игра и принял ее. Пробравшись через мангры, они пришли в лагерь. Полог палатки был откинут, отец ждал.

— А ты боялся, что не получится! Получилось, — сказал он. — Подойдите поближе, мне надо подробно рассмотреть его.

Когда Дику надоело, он обошел палатку, потрогал на погасшем костерке еще теплый котелок и заторопился прочь.

— Видишь, он уходит, идет к своей поляне. Он считает ее своим домом, — сказал отец. — «Микуми» для него место охоты, а наш лагерь не более чем развлечение. Теперь я уверен, это не осьминог, это совершенно новое животное. Но как такое могло произойти?

Рассказ отца, записанный на карту памяти

Для того чтобы до такой степени измениться, живое существо должно попасть в какую-нибудь катастрофу. Такой катастрофой было в свое время исчезновение морей. Когда и почему это произошло, точно не известно. По каким-то причинам океан стал отступать. Мелея, он оставлял мелкие протоки и лужи, в которых на протяжении сотен тысяч или миллионов лет жили те, кто еще недавно свободно плавал в воде и дышал ею. Чтобы не умереть, пришлось приспосабливаться. Как это делается, кое-кто демонстрирует даже в наше время.

Когда африканские реки пересыхают, рыбы закапываются. Даже марокканские крокодилы сидят в засуху под землей по месяцу-два.

В те далекие времена приходилось менять в себе все. Ракообразные дали начало юрким членистоногим, рыбы стали двоякодышащими и научились ходить по земле на плавниках. Илистые прыгуны и сейчас ходят так, даже научились взбираться на деревья.

И кто знает, сколько раз природа делала неудачные попытки? Может быть, в толще земной коры под слоями глины и ракушечника лежат скелеты таких фантастических существ, каких мы даже не в силах представить. Что, если по земле ходили на плавниках огромные рыбы, челюсти которых были украшены полуметровыми зубами? Или — такие же огромные улитки выползли на сушу, обрели мозги и развили свое традиционное оружие нападения — шприц с ядом?

Так вот, очевидно, что осьминоги пошли похожим путем. Мягкую покрытую слизью кожу они сменили на жесткую, прочную. Усовершенствовали мозг, догнав собак и тюленей. Развили легочное или кожное дыхание, отбросив то, что было бесполезно на суше: способность менять цвет и, спасаясь, выстреливать облаком маскирующего их дыма. Забыли эти осьминоги и о реактивном способе движения. Ненужным оказалось и умение плющиться, проползать через щели, прятаться под камнями. На суше они научились строить норы, уходить на время засухи под землю.

Что они сохранили — это свои удивительные, снабженные сотнями присосок, щупальца. Человек гордится своими двумя руками и десятью пальцами, щупальца осьминога можно назвать сотней рук.

Итак, чем будут интересны и ценны для науки головоногие животные — жители маленького, затерянного в океане, острова? Они хранят в себе разгадку тайны. Тайны того, как обитатели Мирового океана в час беды сумели выйти на сушу.

— А ведь знаешь что, я виноват. Я напрасно сказал — приручи Дика, — отец сидел на постели, страдальчески морщась: был полдень, жара, ни ветерка.

— Как это, — удивился Димка, — что в этом плохого?

— Есть и много. Дик может избаловаться и потерять навык охоты. Это раз. Во-вторых, он перестанет бояться людей, и они смогут причинить ему зло. В-третьих, так Дик приобретет ненужные ему привычки.

И отец рассказал историю белуги, которую на биологической станции в Крыму поместили в Аквариум.

Рассказ отца, записанный на карту памяти

Аквариумом в Севастополе называли большой зал в полуподвальном этаже, в котором стояло много стеклянных, наполненных морской водой, ящиков, а посередине был круглый бассейн. В нем-то и начала плавать юная белуга. Ее хорошо и часто кор-

мили, и она быстро приучилась по звону колокольчика подплывать к краю бассейна и брать из рук корм. Плавала она вдоль стенки бассейна и, как начала плыть кругами по часовой стрелке, так и продолжала — круг за кругом. Шли годы, маленькая белуга превратилась в толстую добродушную рыбину. За кроткий нрав ее прозвали Доброй Лушей. Она была всеобщей любимицей, и, чтобы посмотреть на нее, люди приезжали из других городов.

Но настало время, и на страну обрушилась война. Немецкая армия подошла к Севастополю. Биологическую станцию начали эвакуировать. Ценных рыб решили выпустить в море. Последнюю, с трудом достав из бассейна, принесли Добрую Лушу. Огромная белуга лежала на руках у людей, тяжело разевая рот. Ее бережно опустили в воду. Почувствовав, что вода какая-то не такая, непривычная, она вздрогнула. Потом шевельнула хвостом и поплыла. Люди, выпустившие ее, ахнули: она по-прежнему плыла кругами, как плавала много лет в неволе. Хуже того, она плавала не погружаясь, у самой поверхности. И случилась беда: один из уходящих из порта кораблей задел ее винтом. Белуга погибла.

Выслушав и записав рассказ, Димка долго молчал.

— И все-таки Дика я не оставлю, — наконец сказал он. — Он мой друг. Хорошо, перестану кормить. Но разговаривать с ним можно?

— Можно.

СОЛДАТСКИЙ РЕМЕНЬ

Это произошло совершенно неожиданно. Был полдень. Димка возился около костерка, а отец, сидя на постели, в который раз рассматривал карту той части океана, в которой среди сотен пятнышек-островов было одно зернышко — их остров. Но какое?

На тропинке, которая вела снизу от того места, где лежал «Микуми», показался Дик. Осьминог преодолел подъем и вступил на территорию лагеря.

— Привет!— крикнул ему Димка. Рис, который он варил, мог подгореть, от костра повар не отошел. Дик послушно замер в сторонке. Отец сложил карту.

— До сих пор не признает меня, — пожаловался он.

— Ты не возился с ним, не кормил, с чего бы ему тебя признать?

— Я думаю, дело сложнее, — отец покачал головой,— ты ходишь, ты все время в движении, а я, как дерево, неподвижен, я какой-то другой. Он воспринимает меня, как совершенно другое существо. Для него мы разные животные. Ну, подойди ко мне, Дик!.. Видишь, не идет.

— Сделай вид, что собираешься его кормить.

— Много раз делал, не помогает, — отец все-таки опустил руку и пошевелил пальцами.

Неожиданно Дик сдвинулся с места. Молодой осьминог медленно приближался. Подойдя, остановился в полушаге от постели.

— Нехорошо обманывать. Дай мне моллюска.

Дик осторожно взял из руки отца розовый белый кусок.

— Признал! — удивился тот. — Здорово, и главное не то, что доверяет и мне. Главное, он понял — ты и я одинаковы, хотя внешне разные. Значит, он может соображать, может принимать сложные решения. Его предки не просто покинули океан и научились жить на земле, они научились по-своему думать. Так мне кажется. Я не прав?

— Не знаю,— Димка снял рис с огня, залил уголья и обратился к Дику:

— Пойдем, сходим в лес.

— Что, Дик, не жалеешь, что пошел со мной? Сегодня я покажу тебе дерево, которое помнит то, что было тут до нас, — сказал Димка, когда они с Диком покинули лагерь и углубились в чащу леса.

Молодой осьминог брел следом. Когда они дошли до поваленного дерева, остановились, и мальчик показал осьминожку зарубки. Потом каждый занялся своим делом. Димка принялся в который раз пересчитывать отметины, а Дик, помедлив у мертвого дерева, перешел к живому, которое так поразило Димку и высотой и почти полным отсутствием веток. Осьминог потрогал его ствол. Кора была сухая, в трещинах. Дику это не понравилось, и он отошел в сторону.

Дважды пересчитав зарубки и еще раз удивившись их количеству, Димка повел своего друга к океану. На берегу они разделились: мальчик начал осматривать следы костров, а Дик ушел с раска-

ленного полуденного песка в кусты. Не обнаружив ничего интересного, Димка решил возвращаться. Он позвал Дика, но хотя окликнул того несколько раз, приятель не появился.

Где же он? Димка прошел в кусты и там обнаружил: Дик словно в задумчивости замер над чем-то полузасыпанным травой и сухими листьями.

Димка смел листья, тускло блеснула потемневшая жесть. Две банки! Целые, невскрытые литровые банки с полуоборванными этикетками. Надписи на английском языке, но — и это сразу бросилось в глаза — поверх английских надписей кто-то на каждой из банок начертал еще красной краской иероглифы. Занятно!

Мальчик хотел уйти, унеся банки, когда заметил, что Дик продолжает стоять, рассматривая еще что-то. Из земли торчал небольшой кусок почерневшей кожи. Димка потянул, и в его руках оказался широкий ремень с квадратной бляхой из желтого металла. На бляхе читался какой-то рисунок. Потер, проступил еще один иероглиф. Такие ремни с бляхами Димка видел у солдат и матросов.

— Удивительный остров, он не перестает озадачивать нас, — сказал отец, когда сын принес ему очередные находки. — Впрочем, удивляться нечему, в эти водах уже полтысячи лет плавают европейцы, а до них здесь побывала половина моряков Азии. Иероглифы на банках и на ремне японские, значит ремень принадлежал солдату микадо. А вот что это за банки? Читаем... Написано: «Осто-

рожно! Сделано в Америке» и еще — «Вылить в воду». Раз так, эти банки трофейные, они принадлежали американцам и в руки японцев попали случайно. Те разобрались, зачем и когда содержимое надо лить в воду и повторили надпись для себя. И ремень, и эти банки — эхо последней войны на Тихом океане. Это была совершенно особенная война.

Рассказ отца, записанный на карту памяти

Да, она отличалась от всех войн, которые вели до тех пор между собой люди и государства: солдаты и матросы воевали, не видя друг друга, место танковых сражений и наступлений пеших армий заняли морские сражения и десанты.

Главной силой в этих сражениях стал авианосный корабль. После того как воздушная разведка обнаруживала где-то в сотнях миль суда противника, в воздух с авианосцев поднимались истребители и ударная сила — торпедоносцы и бомбардировщики.

Истребители вступали в воздушные бои с истребителями противника и расчищали дорогу для главного удара. Его наносили другие поднятые с авианосцев машины. С неба, как камни, на корабли падали пикирующие бомбардировщики, а издалека, прижимаясь к самой воде, уже неслись торпедоносцы. Не успел ветер унести прочь дым от разрывов упавших на палубы бомб, как, чертя по воде пенные полосы, к кораблям приближались торпеды. Новые взрывы, десятки огненных стол-

бов. Под крики прыгающих в воду сотен матросов тонут корабли. Тонут люди, так и не увидевшие ни одного лица тех, кто принес им смерть по воздуху.

Так воевали и японцы, и американцы.

Так погиб самый большой военный корабль в мире — японский линкор «Ямато». Он погиб уже в конце войны, когда японская авиация была почти вся уничтожена.

Для спасения окруженной и гибнущей на острове Окинава армии генералы решили послать линкор. Громадные, почти полуметрового диаметра, пушки «Ямато» были способны в открытом бою расстрелять любого врага. Но идти без прикрытия с воздуха... «Ямато» шел, как идут в последний бой самоубийцы-камикадзе. Когда над линкором появились американские разведчики, офицеры поняли: «Это конец».

И действительно, вслед за разведчиками прилетели другие самолеты. Бомбардировщики и торпедоносцы волна за волной накатывались на обреченный корабль. Четыре тысячи человек, заключенные в металлическую коробку, с ужасом считали один взрыв за другим. Когда линкор с пробитыми бортами и разорванной палубой ушел на дно, на месте его гибели еще долго вертелась, засасывая людей, гигантская воронка...

Теперь о банках. Тяжел и опасен труд любого пилота. Труд летчика авианосной авиации тяжел и опасен вдвойне. Летящий над сушей знает — в случае чего можно сесть на подходящее поле или дорогу. Выбросишься с парашютом, попадешь на

землю. Пилоту с авианосца, после того, как он сбросил свой смертоносный груз, надо вернуться, в безбрежной и однообразной водной пустыне отыскать свой корабль. Но океан это чаще всего и облачность, и непогода, и туман. Попробуй — найди. А если полет оказался дольше, чем ты рассчитывал, и горючее кончается? Часто не долетевшие до авианосцев самолеты садились на воду. Летчики взывали о помощи. Снова поднимались разведчики. Но как найти в синей пустыне крошечную черную точку, севшую на воду машину или, того хуже, надувной маленький плотик? И вот тогда, чтобы облегчить поиски придумали снабжать машины банками с краской. Растворенная в воде, она давала яркое, хорошо заметное с воздуха пятно. Гидросамолет садится на воду, и летчик был спасен.

— Что-то не видно твоего Дика, — сказал утром отец, выглянув из палатки. — Ты все равно пойдешь в лес, приведи его. С тех пор, как он признал меня, мне его стало не хватать. Смешно?

Прежде чем идти, Димка спустился к морю. На этот раз его удивило большое количество прыгающих рачков — целые стаи их, покинув воду, шныряли по песку. А когда мальчик, нацепив маску, отошел по воде подальше от берега, собирая раковины, то его поразило отсутствие обычно густо, как клецки в супе, плавающих медуз.

«Куда они подевались?» — подумал он.

Набрав раковин, Димка вернулся и рассказал отцу о необычном поведении жителей мелководья.

— Это к перемене погоды, — объяснил отец, — это всегда так. Ты идешь?

— Иду.

Трава в лесу оказалась мокрой — ночью прошел небольшой дождь — и, прежде чем достичь поляны, Димка промочил кеды. Поляна встретила его непривычной пустотой: ни одного осьминога.

«Вероятно, ушли на охоту», — решил Димка.

В бухте не нашлось ничего нового, а вот когда он, возвращаясь, снова шел мимо поляны, то заметил, что один из земляных бугров шевелится, комья земли в нем двигались. То же в двух-трех буграх рядом. Под землей в норах кто-то был.

«После дождя земля мокрая, с чего бы им снова забираться в норы?»

— Да, очень странно, — согласился отец. — Смотри, какой нехороший закат. — Солнце опускалось, изменив цвет. Багровые тени ложились на стволы деревьев. — Моряки считают, что это к грозе. «Если солнце село в тучу, берегись — получишь бучу», — говорят старики.

Последнее, что заметили они еще в тот вечер, это были окрашенные в красный цвет легкие перистые, повернутые острыми концами на восток, облака. Они неслись очень высоко и были похожи на стрелы.

— И они мне совсем не нравятся, — ложась и накрываясь одеялом, пробормотал отец.

УРАГАН

Под утро они проснулись от треска, с которым рвался брезент палатки. Со звоном рушились державшие стены металлические палки, снаружи доносился вой ветра.

— Ураган! — крикнул отец. — Вставай!

Димка выбрался из-под рухнувшей палатки. Нашел и освободил отца. Бледный рассвет вымыл из сумрака лес с раскачивающимися деревьями и покрытый пеною океан. Ветер разбросал вещи и раздул погашенный на ночь костер. Он залил его.

Ураган постепенно набирал силу. С грохотом рухнуло стоявшее неподалеку от лагеря дерево. Отец и Димка вздрогнули.

— Здесь оставаться опасно, — сказал отец. — Надо уходить.

— Куда, в лес?

— В лес нельзя, там убьет.

— Куда же?

После короткого обсуждения они остановились на пляже. Там, хотя место и совершенно открытое, будет безопаснее.

— Ветер с запада, от него нас закроет берег, — пояснил отец.

— А как ты туда доберешься?

— Доползу. Поможешь. Ногам уже лучше, — приврал он. — Палатку нужно спрятать в лесу, а самое ценное — закопать. Ураган может уничтожить или испортить все, даже винтовки.

— Спасательная лодка?

— Возьмем с собой. Будет ветер, ливень — пригодится.

Труднее всего оказалось перетащить свернутую в узел палатку, ветер рвал ее из рук. Перетащив, Димка положил узел у корней высокого дерева, винтовки, бинокль, подзорную трубу замотал в простыню, отыскал яму и, положив их туда, засыпал землей и листьями.

Кончил, когда уже начался рассвет. Густая облачность закрыла все небо. Тучи двигались на восток. Ветер усиливался. Рухнуло еще одно дерево.

— Ну, все, пошли! — сказал отец.

Димка перенес к морю лодку и одеяла, помог спуститься отцу.

— Как ты? — спросил он, когда отец наконец смог устроиться, сел в распластанную ненадутую лодку и укрылся одеялом.

— Как видишь... А знаешь, почему я сказал: винтовки надо зарыть? Мало ли что... Садись, сынок, рядом!

Тесно прижавшись друг к другу спинами, замолчали.

Ураган становился все сильнее. Тучи приспустились и неслись теперь у самой земли. Ровный гул движущегося среди деревьев воздуха перешел в свист. Мелкие острые песчинки секли лицо. Ветер отогнал воду от берега, обнажилось песчаное дно. На нем не было видно ничего живого.

«Вот почему бежали рачки и медузы!» — понял Димка.

Он повернул голову и осмотрел мангры. Растущий из океана лес сражался: низкие кривостволь-ные деревья не падали, они только нагнулись к самой воде.

«А как же его обитатели? Или они, предчувствуя беду, покинули свои места?»

Вспомнил поляну кротовин: опережая ураган, осьминоги тоже ушли под землю.

— Напрасно мы с тобой не сообразили взять с собою что-нибудь поесть, — сказал отец.

— Сейчас принесу, — и не успел отец остановить его, Димка бросился по направлению к лагерю. Первые шаги были легкими, закрывал берег, но когда он встал на тропинку, первый же порыв ветра едва не опрокинул. Он поднимался наверх, нагнувшись, пальцами едва не касаясь земли. Еще немного... Еще несколько шагов...

Добравшись до лагеря, мальчик нашел яму, в которую когда-то сложил запас продовольствия. Из оставшихся нескольких пакетов выбрал один и повернул назад. Теперь ветер не мешал, а подталкивал, и шаги превратились в прыжки. Поток воздуха донес его до начала тропинки и по ней бегом, чтобы не упасть, Димка кинулся вниз.

— Вот, принес, итальянская вермишель, тонкая как ниточки, можно жевать. Жуй и думай, что это хлеб — сказал он отцу.

Наконец начался и предсказанный ливень. Водные струи не падали отвесно, а неслись почти параллельно земле. Они били наотмашь.

— Прячемся! — скомандовал отец.

Вытащили, поставили лодку, как щит, и сели, закрыв ею головы и спины. Сидели, дрожа, отирая руками мокрые лица, до тех пор пока ливень не ослабел, а затем и не прекратился. Тогда снова сели в лодку и накрылись мокрыми одеялами.

Дрожа просидели час... Второй... Наконец тучи стали реже, в просветах между ними появилось бледное солнце.

— А что это за точки между облаками? — вдруг спросил Димка.

— Где?

Он протянул указательный палец. Одна точка приблизилась и сменила цвет — из черной стала белой. Какая-то большая птица, не обращая внимания на бурю, кружила над океаном.

— А вот еще одна подлетает. Какие они большие!

— Жаль, бинокля нет, — сказал отец. — Это альбатросы. Кто еще, кроме них, будет летать в такой шторм? И ведь прилетели издалека. Альбатросы могут держаться в воздухе неделями, а то и месяцами. Они великие путе...

Он не договорил. Небо прочертили молнии. Огненные нити заплясали над островом. Одна из них вспыхнула особенно ярко, зазмеилась, замерла раскаленной нитью между тучей и лесом и погасла. Сразу же ударил гром.

— Ого, как она близко упала, — сказал отец, — даже оглушила. Скоро все кончится.

Действительно, после грозы ветер стал постепенно стихать. Облака разорвались и показалось чистое, идущее на закат, желтое солнце.

— Сворачиваемся! — сказал отец. — Домой!

Димка помог ему вскарабкаться на горку, принес лодку, повесил сушить одеяла, перетащил все спрятанное в лесу.

И наступила еще одна ночь. Бессонная. В мокрой палатке, на мокрых постелях, под мокрыми противомоскитными сетками.

«Сколько у нас впереди еще таких ночей?» — засыпая, горько подумал Димка.

— Странная, очень странная погода, — сказал отец, когда утром, проснувшись, увидел за стенками палатки белое молоко. — Туман! Откуда он взялся? В этих краях туманам не место. Видно, после урагана начался заток холодного воздуха. Климат меняется: Арктика тает, а тут северная погода. Впрочем, туман продержится не долго, здешнее солнце его рассеет вмиг.

Однако и в полдень за дверью палатки стояла та же белая стена.

— Я выйду? — и прежде, чем отец успел сказать: «Ни в коем случае!»— Димка выскочил из палатки.

В двух шагах — пелена, липкий, насыщенный влагой, воздух. В нем слышен каждый отдаленный звук. Вот сорвался и упал с дерева лист, вот хрустнула ветка, вот плеснула, выскочив из воды, рыба... Мальчик решил дойти до ямы, в которую закопал консервы, сделал вслепую несколько шагов и наткнулся на ствол дерева. Яма, кажется, чуть дальше. Пошел на ощупь и вдруг понял, что не знает, в какой стороне теперь палатка. Крикнуть, чтобы

отец ответил, значит испугать его. Надо разбираться самому...

«Когда потерялся, самое опасное — идти наугад. Лучше стоять на месте».

И тогда он услышал, что где-то невдалеке что-то шуршит. Кто-то двигался, вороша траву. Туманное облачко над самой землей приподнялось, и Димка увидел, как из-за дерева показывается, выползает один осьминог, за ним второй... Целая группа. Обитатели поляны кротовин, не обращая внимания на туман, уверенно шли на охоту к морю. Но раз так, значит море по направлению их движения, а лагерь — вон там...

— Благодарю! — Димка уверенно двинулся в том же направлении и сразу же из белой завесы выплыл зеленый бок палатки.

Отец при виде сына досадливо покачал головой. Помолчав, сказал только:

— Садись.

НОВЫЕ ПОСЕЛЕНЦЫ

— Надо обязательно посмотреть, что стало с «Микуми». Сходил бы, взглянул? — предложил отец, когда все дела, связанные с восстановлением лагеря, были закончены.

Димка кивнул.

Но посмотреть, что стало с самолетом, он собрался только уже под вечер. Солнце по-прежнему, как до урагана, желтое и чистое, опускалось к вер-

хушкам деревьев, лес потемнел, потери в нем, связанные со штормом, не так стали заметны. Спустившись на пляж, мальчик направился знакомой дорогой в мангры.

Мокрый ил, переплетение стволов и веток. Ни ветер, ни волны здесь ничего не повредили. Похожие на пружины, воздушные корни и тонкие изогнутые стволы устояли. Был отлив, и он, без труда отыскав путь, скоро очутился перед самолетом. Печальное зрелище представилось его глазам: «Микуми» лежал опрокинутый на бок, хвост самолета был сломан и отброшен в сторону, оба крыла, лежащие поодаль, залиты илом и засыпаны сорванными листьями.

Для того чтобы попасть внутрь, пришлось залезать на кабину и спускаться вниз. Странно и непривычно было видеть все внутри поставленным с ног на голову. Пол теперь стал стеной, а боковые стенки — потолком и полом. На приборной, косо стоящей, доске застыли, словно храня память о падении стрелки. Часы — 16:45; количество топлива в баках — 0; температура и давление — тоже нули.

Чтобы осмотреть кабину получше, Димка сел на край разрушенного столика. Кабина одним концом ушла в воду. Сотни крошечных рачков-отшельников выбрали теперь ее как жилище. Они сновали, каждый неся на себе раковины, сталкивались, вступали в драки между собой. Треск от щелчков, с которыми ударялись друг о друга их каменные домики, стоял в воздухе.

Запах... Знакомый запах почудился мальчику. Слабый запах гнилой рыбы!

Поездка с отцом на остров Попова. Разделочный цех, горы ежей. Лежащее на стойле тело осьминога... Димка глубоко втянул носом воздух, запах пропал. Просто — это запах сырости и мокрых мясистых листьев. Просто самолет — это воспоминания о прошлой жизни и обо всем, что случилось с ними за последний месяц.

Его внимание привлек лежащий в углу какой-то предмет. Он нагнулся и поднял. Книжечка! Красный переплет и внутри, раскисшие от воды страницы. Записная книжка, которую они так долго искали.

— Нашел-таки ее? — отец, когда Димка, вернувшись, вручил ему находку, печально помял книжечку в руке. — Испорчена окончательно. Жаль. И «Микуми» жаль. Ему так и догнивать здесь в чужом враждебном лесу. А какая отличная была машина! Жизнь несправедлива, привыкай...

В этот же день, когда Димка ушел, отец решился на вторую попытку.

Сначала он попробовал подвигать ногами. Боль как будто отступила. Наверное, уже срослись кости. Но что будет, если опереться на ступню?

Сел на постели, спустил ноги, осторожно начал валиться на бок. Теперь коснуться руками пола. Так... Переваливаемся еще больше, ноги поджимаем.. Опускаем одно колено. Второе.

Опираясь на руки, он прополз немного. Что-то получается.

И тут отец заметил, что за ним наблюдают. Поднявшись по тропинке от самолета и замерев, на него настороженно смотрел Дик. Осьминог был чрезвычайно удивлен, его белые колечки-присоски чертили в воздухе вопросительные знаки.

— Видишь, мне что-то удалось, — пробормотал отец и тут же почувствовал покалывание, а потом и боль. Вернулся к постели, сел, и боль прошла.

Когда Димка возвратился, принеся полную канистру воды, отец сказал:

— Что-то ты долго ходил. Воды в ручье мало? Начинает пересыхать?

Димка не ответил.

— Почему у тебя одеяло на полу, — спросил он — Не вздумай вставать.

— Не встану.

О том, что попытка, наконец, удалась, он не сказал. «Главное, чтобы не проболтался Дик». — Помолчав, добавил:

— Я вот давно смотрю, что там на рифе за серое пятнышко? Прояснилось после шторма. Возьми бинокль — посмотри!

Димка осмотрел риф. Нашел пятнышко, но, пока смотрел, оно сместилось. «Что бы это могло быть?» — он взглянул на отца.

— Пятно движется, — сказал тот, — его медленно несет к берегу. — Действительно, волны сняли загадочный предмет с камней, и теперь он дрейфовал по лагуне.

— Это дерево, целое живое дерево, на нем даже сохранились ветки, — добавил отец.

Когда дерево поднесло к пляжу, Димка отправился встречать его. Подойдя к самой воде, он рассмотрел, что это плывет целая верхушка! На одном конце ствола, в месте облома, лохматится кора, а на другом раскачивается пяток уцелевших веток. Течение поднесло дерево, оно уткнулось в песок и остановилось.

Ни на одно дерево, растущее на острове, оно не было похоже. У него были широкие резные листья, а на одной из веток сохранилась гроздь мелких розовых цветов. Самый большой лист покачнулся, и с него спрыгнул на берег пассажир. Желто-зеленая лягушка уперлась лапками в землю — лапки были без перепонок, с присосками — и короткими прыжками начала взбираться вверх по склону. Следом за ней сбежал на берег паук, большой, в желтых и красных полосах, с длинными — в четыре раза длиннее его тела — ногами. Он обогнал лягушку и тоже скрылся.

Димка уже собрался уходить, когда на стволе появился еще один путник — зверек величиной с белку, с пушистым хвостом и острой мордочкой. Этот матрос покидать корабль не торопился. Подождав, когда человек отойдет в сторонку, он тоже спрыгнул на песок и тоже побежал по направлению к лесу.

Следом за ними двинулся Димка.

— Обычное дело, — сказал отец, выслушав сына.— Так испокон веков заселяются острова. Был случай, когда извержение вулкана уничтожило на острове всю растительность и все живое. Но уже через одиннадцать лет остров жил. Семена де-

ревьев и трав принес ветер, по воде, вот на таких же плавающих деревьях, прибыли жуки, ящерицы, змеи. Птицы прилетели сами... Так, повтори подробно, что ты видел. Золотистая лягушка с присосками на пальцах была квакша. Паук — скорее всего нефила. Когда-то из его паутины даже пробовали изготовлять ткани. А вот убежавший в лес зверек с пушистым хвостом, пожалуй, не белка, а опоссум. Мелкое сумчатое с ценным мехом. Водится он как раз поблизости, на Новой Гвинее и в Австралии. Значит, дерево в океан упало там.

— Они смогут тут выжить? — спросил Димка, которому понравилось, что он присутствовал при очередном заселении острова.

— Не знаю. Если лягушка отложит икру, а опоссум-самка и уже ждет потомство...

— И если их не съедят вараны.

— Увы!.. А вот ты еще сказал, что на дереве были цветы. Кто знает, может быть, и они дадут семена и в лесу появятся розовоцветные деревья. Когда-то так сюда пришли эвкалипты.

Дерево, принесенное в лагуну океаном, оказалось не последним гостем. Уже на следующий день отец, посматривая по обыкновению в бинокль, крикнул, что он опять что-то видит.

— Плывет. Но на этот раз не дерево, а кто-то живой. Смотри! Там, за пенной полосой у рифа, — Димке показалось, что сама полоса стала теперь тоньше и ниже — двигалась чья-то спина. Животное плыло, то погружаясь, то снова всплывая.

«Кит!» — мелькнуло в голове у Димки.

— Кит! — подтвердил это возглас отца.

Животное, не останавливаясь, преодолело пенную полосу и оказалось в лагуне.

— Как это он не оказался на камнях? — удивился отец.

Кит неторопливо обследовал лагуну. Он плыл не погружаясь, видно, лагуна оказалась для него мелка. Осмотрев ее, он направился к берегу. Это было огромное животное, с большой — чуть ли не в половину тела — головой и гладкой без плавника спиной. Не доплыв, кит повернул назад к рифу.

— Смотри-ка, не боится камней. Значит, в рифе после урагана появились проходы. Вот почему так легко оказалось здесь и дерево. Волны, это они разбили риф. Чтобы кораллам восстановить его, понадобится тысяча лет.

— Уплыл, — сказал Димка, наблюдая, как кит проходит белую полосу. — Как ты думаешь, он заметил нашу палатку?

— Заметил и удивился. Шучу.

«Как много изменений принес ураган», — подумал Димка.

ЯЩИК С ОРУЖИЕМ

Много изменений... Это показало и первое же посещение леса. Странное зрелище представлял теперь он собой. Лес стал светлее — вершины многих деревьев были снесены, многие ветви слом-

лены, у подножья стволов лежали завалы из листьев.

Димка заглянул на поляну кротовин. Осьминоги еще только начали выбираться из нор, Дика не было видно. Димка свернул с пути, чтобы посмотреть, что стало с заветным, с зарубками, деревом. Вышел к нему и печально покачал головой: у соседнего, когда-то заинтересовавшего его дерева была сбита верхушка, и по всему стволу, сверху до низу, тянулась черная угольная полоса — в дерево ударила молния.

«Это, очевидно та самая, что испугала нас с отцом!»

Мальчик приблизился к старому поваленному стволу и еще раз затряс головой — вот это да! На том месте, где были зарубки, теперь светилась чистая свежая древесина. Длинная, вырванная из ствола щепа лежала рядом. Боковина поваленного дерева была тоже обожжена.

Присмотревшись, он понял, что сорвана только часть зарубок. Приподнял конец щепы — она была, если поставить, с него ростом. Подумал: «Если понадобится — унесу!» — бережно уложил на место и направился к бухте.

И здесь ураган тоже все переделал. Берег был весь засыпан сорванными с деревьев ветками, листьями и выброшенными волнами, побелевшими от долгого пребывания в морской воде, древесными обломками. Это были коряги, целые стволы и выломанные из чьей-то корабельной обшивки доски. Мало того, волны перемыли и перевернули песок.

Димка направился было к тому месту, где были костры и вдруг, пораженный, остановился: из песка торчал край полузанесенного замытого ящика. Он разгреб песок, показалась выкрашенная в зеленый, защитный, военный цвет крышка. На ней лежал ржавый замок. Димка рванул его, замок раскрылся. Поддел и отвалил крышку. Ничего себе! В ящике лежали бережно обернутые материей, плотно прижатые друг к другу, винтовки. Жирно смазанные маслом, стволы поблескивали. Тут же были рассованы картонные коробки. Надорвал одну — в ней патроны. Пересчитал винтовки — восемь. Что делать?

— Да, дело серьезное, — согласился, выслушав его, отец. — Оставлять их в открытом ящике на пляже нельзя, вот-вот вернутся наши соседи. Две винтовки принеси мне, остальные надо спрятать. Укрой в лесу... Нет, в лесу могут найти.

— Закопать?

— Заметно. На новую яму обратят внимание.

— Тогда утопить?

— Верно. Ящик ты не спрячешь, а в воде искать никто не будет. Но придется все это сделать сегодня.

— Так что, мне опять идти? Прямо сейчас?

— Иначе нельзя. Раз надо, значит надо.

Делать нечего, Димка отправился в бухту. Придя, еще раз осмотрел содержимое ящика, достал и освободил от промасленных тряпок винтовки. Две кое-как протер и отнес в кусты. Там же оставил две пачки патронов.

Где топить остальные? И как? Взяв одну из оставшихся винтовок и прихватив ласты и маску, мальчик пошел к воде.

Плыть, держа винтовку перед собой наперевес, оказалось неудобно: винтовка мешала видеть дно. Руки тоже должны быть свободными. Подумав, Димка расстегнул винтовочный ремень и прикрепил конец его к поясу. Теперь, свободно висящее под пловцом, оружие не мешало. Поплыл, разглядывая под собой дно.

«Светлый песок, дно хорошо просматривается — нет, такое место не пойдет».

Наконец, внизу появились темные пятна водорослей, они стали гуще — что если попробовать здесь? Димка отстегнул ремень, винтовка медленно, вращаясь, начала погружаться, ударилась прикладом о дно, перевернулась и легла, скрылась в черной зелени. «Отлично, так будет нормально!

Когда все шесть винтовок были утоплены, настала очередь патронов. С ними получилось проще: вскрыв коробки, он стал доставать их и, отплыв от берега подальше, горстями разбрасывать.

Солнце уже опустилось к линии горизонта, и подул вечерний бриз, когда Димка закончил и отправился домой.

— Итак, теперь у нас есть две винтовки,— сказал довольный отец. — Патронов ты мог бы принести и побольше, ну да ладно. Теперь мы вооружены. Это не нестреляющее ружье!.. Занятное оружие, — добавил он, взяв в руки одну из винтовок и внимательно разглядывая ее. — Немного короче нашей

трехлинейки, затвор и магазин такие же. Штык, насколько я помню, у японцев был в виде ножа. А вот что это нацарапано на прикладе? Так, так... Два слова. Одно составлено из иероглифов, должно быть имя солдата. А второе — очень странно! — буквы английские. Первая «S», а остальные не разобрать. Что хотел этим сказать японский солдат? Погляди!

Димка взял винтовку. На прикладе действительно были видны две надписи. Одна из них сделана рисуночками, похожими на ползающих жуков, а вторая...

— Точно «S», — сказал он. — Последняя, кажется «N», как пишут «номер». Остальные стерлись. Я вот о чем беспокоюсь: там, где я утопил винтовки, глубина метра четыре. Что если придет большая волна, их не выбросит на берег?

— Нет, тут таких больших волн не бывает. Вернее, в бухту они не зайдут — она защищена рифом. Ты сегодня замотался, столько сделал, ложись-ка, спи.

На следующий день Димка сделал то, что задумал после первого, после урагана, похода в лес.

— Что это ты притащил? — удивился отец, когда Димка появился у входа в палатку со щепой на плече. Откуда доска? — Кто-то разбился? Выбросило море?

Плоская с одной стороны и выпуклая с другой, щепа действительно была похожа на обломок доски от потерпевшего кораблекрушения судна. Не

говоря ни слова, Димка положил щепу рядом со спальным мешком отца.

Тот, рассмотрев покрытую зарубками поверхность дерева, понял:

— Ах, вот оно что! Как тебе удалось?

Димка рассказал.

— Клади поудобнее, чтобы я мог хорошенько рассмотреть, — и отец погрузился в исследование рисунка, который образовали зарубки. Димка терпеливо ждал.

— Ну, что же, — начал отец, — это не чета твоему листочку, тут многое видно. Начать с того, что зарубки сделаны не одним человеком. Их было двое — это видно: зарубки вот до этого места сделаны глубже и аккуратнее, дальше — небрежно. Что стало с первым человеком? Скорее всего, он умер. А сколько всего было на острове пленников? Теперь ясно — минимум двое. Может быть, их и была целая команда. Считал их старший или тот, кому он поручал вести календарь.

— Я пересчитал все зарубки, — сказал Димка. — Их, конечно, не тысяча. Их почти — две. Значит, сколько лет они прожили?

— Пять. Долго. А вот что с ними стало — и твой рисунок и дерево молчат.

— Где-то должны остаться от них и какие-то вещи.

— Ремень и банки, найденные твоим Диком. Да, пожалуй, это все, что осталось от них. Можешь себе представить, что такое кучке военных оказаться в одиночестве на заброшенном остро-

ве. Ведь они привыкли подчиняться, привыкли к тому, что за них всегда кто-то думает и решает. А если голод? А если кто-то сошел с ума? Плохо, брат, плохо.

ТРАГЕДИЯ ОСТРОВА САЙПАН

Когда Димка, приготовив обед, вернулся в палатку, отец сидел на постели, закинув голову. Губы шевелились, он о чем-то думал. Рядом с ним на одеяле лежала японская винтовка.

— Зачем ты вытащил ее? — удивленно спросил Димка. — Давай есть. Чистишь ее что ли?

Отец перестал шевелить губами.

— Какой там чистишь. Я прочитал. Прочитал это слово на прикладе, которое начинается на букву «S». Сайпан. Трудно было, но я разглядел.

— Что за Сайпан? — не понял сын.

— Остров. Есть такой остров в Тихом океане, на нем жило много японцев, но о нем — позже. А сейчас я скажу тебе, кто сделал зарубки на дереве и жил на острове пять лет. Японские солдаты. Каким образом они сюда попали, можно только догадываться, а что стало с ними — вывезли их или они все тут и погибли — вряд ли когда-нибудь станет известно.

Но ремень и винтовки говорят ясно — это были они. Слова, написанные красной краской на банках, тоже сделали они. И слово «Сайпан» на прикладе нацарапал японец. Для этого у солдата была очень важная причина. Важная и страшная. Но

для того, чтобы понять это, мне пришлось вспомнить о войне еще кое-что.

Рассказ отца, записанный на карту памяти

Дело в том, что война на Тихом океане среди прочих трагических и ужасных историй принесла и немало случаев просто поразительных. Вот два из них.

Когда в войне совершился перелом и японская армия стала оставлять захваченные вначале острова, а их были сотни, до некоторых из них из-за плохой связи, а то и просто отдаленности, не дошли распоряжения, и целые команды оказались предоставленными сами себе.

На Новой Гвинее, готовясь к отражению десанта, японское командование разместило по всему побережью отдельные роты и взводы солдат. Один такой взвод был направлен на самый отдаленный участок, вырыл окопы и стал ждать. Шло время, никаких американцев не было видно, указаний не поступало, сменять взвод, как было обещано, никто не являлся. Командовал взводом грубый, жестокий, но хорошо знающий свое дело капрал. Наконец настало время, когда у побережья появились американские корабли. Однако никакого десанта они не высаживали, а проходили мимо, направляясь на север. Так же часто стали пролетать в небе американские самолеты. Отчаявшись ждать, капрал послал на разведку солдата. Тот вернулся, перепуганный до смерти, и сообщил, что все побережье уже занято, японских частей нигде нет.

Что делать? Капрал принимает решение остаться и выполнять ранее полученные приказы. Однако настал и такой день, когда все продовольствие, принесенное с собой, было съедено, а совсем рядом американские инженеры начали строить порт.

— Уходим! — заявил, построив взвод, капрал и увел два десятка своих солдат в джунгли.

Как они там жили и чем питались, понять трудно.

— А что если нам сдаться? — робко предложил молодой солдат. — Я боюсь.

— Сдадимся, только получив приказ, — отрезал капрал и собственноручно застрелил солдата.

Надо сказать, что поддерживать дисциплину капралу помогало одно обстоятельство: у него был довольно значительный мешок соли. Отвратительную сырую растительную еду можно было глотать только присоливая. Ежедневная щепотка соли была для солдат наградой за подчинение.

Так прошло три года. Наконец, соль кончилась, капрал кончил жизнь самоубийством, а взвод разбежался. Историю его рассказал единственный из солдат, вышедший из джунглей и сдавшийся в плен.

Вторая история длилась еще дольше.

Когда на остров Гуам американцы начали высаживать десант, японский командир, чтобы собрать разбросанные по острову мелкие части, послал привести их офицеров штаба. Один из них, в звании капитана, после долгих поисков добрался до того места, где должен был находиться отряд,

но никого там в лесу не нашел. Японец вернулся и обнаружил, что штаб уже разгромлен и весь остров оккупирован. Куда исчезли остатки японских частей – не ясно. Приказа сдаваться нет.

«Надо ждать приказ!» – решил капитан и ушел обратно в лес. У него была винтовка и много патронов, он умел разводить огонь и кое-как начал жить. Шли месяцы, они сложились в годы, среди туземного населения стали ходить слухи, что по острову в лесу бродит какой-то человек. Его видели охотники. Наконец, лицом к лицу с ним столкнулся горожанин, знавший японский язык.

– Пока не получу приказа не сдамся! И указ императора о капитуляции я не видел! – заявил капитан.

В лес были посланы солдаты с громкоговорителями. «Пока не получу приказ...» – повторял лесной пленник. О нем сообщили в Японию, и оттуда прилетели его родственники. Они привезли и приказ о сдаче и копию указа императора. В лесу он прожил десять лет...

А теперь о Сайпане. Это тоже последние дни войны.

Продолжение рассказа отца, записанного на карту памяти

Ты спрашиваешь, что произошло на этом острове? Почему слово «Сайпан» стало известно всему миру?

Дело было так. Когда американский флот подошел к острову, японцы стали готовиться к оборо-

не. Сил у них было мало, запросили подмогу, Токио послал несколько пароходов с солдатами. Пароходы напоролись на завесу из подводных лодок и были потоплены.

Узнав об этом, перед защитниками острова выступил генерал. Слова его падали, как камни. Он сказал:

— Путь воина означает смерть. На нас смотрит вся страна. Пора подумать, как достойно отдать свои жизни. Того, кто уклонится, ожидает бесчестие. Наша армия в Китае, Бирме, на других островах, повсюду сражается с врагом из последних сил. Летчики камикадзе обрушиваются с неба на корабли и топят их. Герои-самоубийцы, оседлав торпеды, приближаются под водой к вражеским судам и взрывают их вместе с собой. На фронте солдаты приковывают себя к пулеметам. Тысячи уже осуществили свою мечту. Дело за нами, мы готовы.

Выслушав генерала, солдаты выкопали на берегу моря окопы и заняли в них места. Лежа на песке, они видели, как разворачивается в море десант. Сотни американских катеров и плавающих танков уже были спущены на воду. Описывая круги, они ждали сигнала, а когда над головным крейсером взвилась ракета, начали движение к берегу. Со стоявших невдалеке авианосцев в воздух поднялись самолеты. Как черный рой, они устремились к острову и обрушили на его защитников град бомб. Когда грохот от взрывов прекратился, а взметенный взрывами песок рассеялся, пляжи острова превратились в арену рукопашных схваток. Японские солдаты и

высадившиеся десантники дрались лицом к лицу. Но силы были неравными — за первой волной десанта к берегу подошли вторая, третья...

Генерал в последний раз собрал оставшихся в живых:

— Мы — японцы и мы умрем все вместе, — сказал он. — На острове не должно остаться никого в живых.

— А как же гражданские лица?— спросил его кто-то.

— И они тоже. Мужчины пусть сделают себе бамбуковые пики и дерутся ими. Такова традиция. Все должны умереть.

— А женщины и дети?

— Я сказал — все.

Это был приказ. И он был выполнен. Солдаты стали выгонять из домов всех оставшихся в живых. Выгнанных строили в колонны и гнали на самую северную оконечность острова — мыс Марпи-пойнт. Там их подгоняли к береговым утесам. Женщины, дети, старики — всех строили в длинные шеренги. Никто не должен был остаться в живых, ни одна женщина не должна достаться американским зверям...

«Сперва гражданские, потом военные»,— раздалась команда.

Люди начали прыгать со скал. Тех, кто отказывался, сталкивали вниз. Плач и крики стояли над берегом. Матери бросали своих детей, а потом кидались сами...

На этом кончаются записанные на карту памяти рассказы отца: кончился заряд аккумулятора, аппарат перестал слышать и говорить.

— Сколько же там людей погибло? — с трудом веря в услышанное, спросил Димка.

— Все население острова. Вот почему название острова теперь известно всем. Тот солдат, который нацарапал на прикладе слово «Сайпан» знал, за что он должен мстить. На острове, должно быть, погибла его семья.

— Марпи-пойнт? — ошеломленный повторил Димка.

ВЕЛИКАЯ СУШЬ

Снова, в который раз, сопровождаемый Диком, он бредет через лес. Бредет и замечает, лес снова изменился: дождя давно не было, трава и папоротники полегли, крона деревьев побурела, ветки поникли. Отец говорит, что климат даже тут в тропиках меняется.

От этих мыслей Димку отвлекла новая встреча. Сорная куча оказалась наполовину рассыпана, ее заботливых хозяев не было видно. Но стоило ему подойти, как из-под ног, размахивая коротенькими крылышками, с шумом взлетел небольшой пестрый птенец. Из-за соседнего куста выглянул и тоже упорхнул второй.

«Какие самостоятельные! Чуть вылупились и уже летают, — удивился он. — И родители о них не беспокоятся».

На поляне кротовин было необычно много осьминогов. Однако они на этот раз не сновали, не общались друг с другом, а сидели, словно застыв, и казалось, чего-то ждали.

Бухта тоже преподнесла новость. Пляж и море были безжизненны, новых кострищ, банок или бутылок не было. Но когда он зашел в кусты, куда оттащил и спрятал пустой ящик, то удивился: ящик был перевернут. Кто-то нашел и осмотрел его.

«Значит, браконьеры побывали, но почему-то были недолго».

— Ящик мог их напугать. Откуда они знают, что в нем было то, что нам досталось, — сказал отец, когда Димка вернулся. — Может быть, это хорошо, а может быть, плохо. Они могли понять, что теперь одними ножами с нами не обойтись. Как нам дальше жить?

— Как жили.

— Легко сказать...

Димка вздохнул, в легкие больно ударили жара и сушь.

Да, жить, как прежде уже не получалось: ночи стали нестерпимо жаркими, полными тучами москитов, добытое в море приходилось, чтобы мясо моллюсков и рыбы не испортилось, немедленно съедать. Кончились спички. Хотя это не беда — трут или пучок сухих листьев загораются от зажигательного стекла мгновенно. Но, когда начнутся снова дожди, и небо будет закрыто тучами, придется огонь беречь.

Плохо стало с едой. Вскрыли последнюю банку молока, сварили последний пакет риса. Каждое

утро Димк отправляется сюда на берег и набирает очередную сетку раковин. Но даже гребешки, которыми восхищался отец, теперь кажутся мерзкими и холодными.

В лесу Димка нашел траву, про которую отец сказал: «Похожа на наш дикий чеснок — черемшу. Попробуем, авось не отравимся». Теперь ею заедали моллюсков.

От такой еды, кажется, уже стали покидать силы. Наверное, теперь Димке не удалось бы в один день дважды покрыть расстояние от бухты и обратно, как это он сделал, перетаскивая винтовки.

На вопрос: «Как ты себя чувствуешь?» — отец отвечает односложно: «Терплю».

Изменилось поведение Дика — он стал приходить реже, явившись, казалось, чего-то ждал и был явно озабочен. Наконец, когда осьминожек снова появился в лагере, Димка подошел к нему и, заглянув в глаза с черными щелочками, спросил:

— Ну, что с тобой, Дик?

На этот раз гость просидел у палатки до самого вечера, а когда уходил, Димка взялся провожать.

Не торопясь, прошли лесом, но когда вышли на поляну кротовин, Димка, пораженный, остановился. Поляна была пуста, среди побуревшей полеглой травы высились десятки новых, но уже подсохших земляных куч. Обитатели поляны исчезли.

И тогда странно повел себя Дик. Он, словно прощаясь, коснулся щупальцем Димкиной ноги и направился в глубину поляны. Найдя там свобод-

ное место, остановился и принялся рыть. Он рыл и по мере того, как яма становилась все глубже, погружался в нее. Димка понял: он копает нору. Вот над поверхностью земли уже видна, только половина тела животного, вот — одни глаза. Последние летящие в стороны комья. Глаза исчезли. Осьминожек скрылся.

— Это его время, он не мог поступить иначе, — сказал отец, когда Димка объяснил, почему он задержался в лесу так долго. — Не знаю, сколько тут длится засуха, но все животные ее приход и приход дождей чувствуют заранее. Чувствуют и знают, как им надо поступать. Твой друг не мог не покинуть тебя, иначе бы он погиб.

Ночью Димка не мог спать. Он откинул полог противомоскитной сетки, вышел из палатки и спустился к воде. Окунулся с головой, вылез, сел на песок и стал думать о Дике. Наверное, ни один настоящий живущий в море осьминог не стал бы так вести себя по отношению к человеку. Эти осьминоги совершенно другие. Отец говорит, что настоящие осьминоги не слышат, а Дик откликается на каждое слово. Морские осьминоги живут поодиночке, а эти сбились в стаю и имеют общую поляну. Даже на охоту в море они ходят группами.

Если бы здесь была мама! Она бы в очередной раз изменила свою жизнь, бросила все и начала бы изучать этих причудливых животных, странных обитателей лесной поляны. Она всегда говорила: выбери цель, отбрось все лишнее и старайся достичь ее.

В палатку Димка вернулся под утро. Отец тоже не спал.

— Что это за фокусы, уходить ночью? — сказал он.— Надеюсь ты был недалеко. Меня беспокоят наши гости. От них можно ожидать чего угодно.

Я ДУМАЛ О ДИКЕ

Вот почему на следующий день Димка снова отправился проверить лес и бухту.

В лесу продолжались перемены. Ни у домика шалашника, ни у сорной кучи хозяев не было. Даже хвостатые красавицы из верхних этажей леса куда-то исчезли.

Димка дошел до ручья. Между полегшими папоротниками едва сочилась тонкая струйка воды. Смочив голову и рубашку, задыхаясь от жары, он побрел дальше. Подходя к поляне кротовин, уже издалека услышал какой-то непонятный шум. Многоногие, многорукие обитатели поляны безмолвны, что это? Кто?

Поляна была полна варанов. Десяток ящеров, опустив головы и дергая передними лапами, копали. В воздух летели комья земли.

Страшная догадка осенила Димку: «Они разрывают норы, они пришли за добычей. Не встречая больше осьминогов в лесу, вараны решили добывать их, выкапывая из убежищ. Норы глубокие, пока что ни у одного добычи нет. Надо что-то делать!»

Он бросился назад в лагерь.

Отец принял его рассказ как настоящую беду:

— Это катастрофа, они могут уничтожить всех, — сказал он. — Надо спасать. Делать нечего — бери винтовку и ступай туда. Ты еще не стрелял? Попробуй. — Грянул выстрел. — Так, хорошо. Возьми патронов побольше. И будь осторожен... Ведь вот как все повернулось!

К поляне Димка подбежал, задыхаясь. В центре одной паре варанов уже удалось, выкопав большую яму, достичь спрятавшееся на дне животное. Погрузившись в дыру до половины, ящеры рывками пытались вытащить жертву. Взвилось и бессильно упало щупальце.

Димка прицелился и выстрелил. Мимо. Снова прицелился. На мушке плясала плоская черная голова. Еще выстрел. Ящер дернулся и раскрыл пасть, осьминог исчез в яме.

Звуки выстрелов заставили остальных варанов прекратить работу. Замерев, они стали вертеть головами, пытаясь понять: что происходит?

«Не дать им опомниться!» — Димка выстрелил в следующее животное. Раненый ящер забил хвостом. Еще выстрел. Вараны, поняв, что им грозит, начали отступать. Оставляя капли крови на земле, последним ушел с поляны раненый...

— Убил хоть одного? — спросил отец, когда Димка вернулся. — Ранил двоих? Вот и хорошо. Напугал, какое-то время они туда не вернутся. А там засуха кончится, перейдут на прежние способы охоты. Остров мал, как они до сих пор не опустошили

его? И как рядом с ними выжили осьминоги? На этот раз обошлось.

— Я, когда стрелял, думал о Дике, — сказал Димка. — Я спасал его.

Засуха сделала жизнь в лагере невыносимой. Ручей совсем обмелел, а вода, которую он приносил, стала быстро портиться. Однообразная еда — моллюски — не лезла в рот. Несколько раз Димка встречал в море варанов, очевидно те, покинув лес, сменили образ жизни, предпочтя океан.

— Если ручей иссякнет, придется выпаривать морскую воду, — сказал отец. — Не знаю, чем это кончится. Если нас еще недели две не найдут, придется что-то делать.

— Покинуть остров?— испугался сын.

— Может быть.

— На этой скорлупке?

— Лодка, как лодка.

— А твои ноги?

— Получше, уже несколько раз пробовал, ненадолго опереться можно.

На следующий день разговор возобновился:

— Засуха, это, конечно главное,— сказал отец, — но и браконьеры. Рано или поздно они вернутся. А долгого боя с ними, долгой осады, мы не выдержим. Поэтому давай-ка, не торопясь, готовиться. Лодке нужен парус, его не трудно выкроить из палатки. Мачта — за ней сходишь в лес, выберешь что-то вроде толстой палки с меня ростом. Кстати, пойдешь, отнеси и положи на место около дерева

пластину с зарубками. С собой мы ее не возьмем, а для тех, кто придет после нас, это ценность.

Пластину он успел отнести, но до мачты и паруса дело не дошло. На второй же день они проснулись от какого-то забытого, но когда-то привычного звука. Над палаткой, над лесом, в небе гудел авиационный мотор. Едва не разорвав противомоскитную сетку, Димка выскочил из палатки и, запрокинув голову, принялся глазами искать источник шума.

Звук ослабел, потом возник снова и стал усиливаться.

— Он летит к нам!

Над верхушками деревьев появился голубой крестик. Он проследовал над островом — самолет шел на большой высоте — пропал, возник снова и окончательно исчез.

— Ты его видел? Скажи, ты его видел?— крикнул из палатки отец.

— Видел.

Взволнованные, они сели друг против друга и радостно пожали руки.

— Что теперь делать?

— Ждать. Теперь только ждать, — но тут отцу в голову пришла неожиданная мысль. — Банки! Немедленно беги, тащи банки, те трофейные, японские. Где они?

— Положил в кустах.

— Неси!

Уже на бегу, Димка сообразил, что задумал отец. Краска это как раз сигнал. Сигнал тем, кто с воздуха ищет тех, кого надо спасать.

Когда он принес обе банки, отец вскрыл первую. В ней оказалась густая коричневая, резко пахнущая жидкость.

— Лезь в воду, отходи подальше и выливай!

Не говоря ни слова, Димка, осторожно держа в руках банку, сбежал с берега и, зайдя подальше, вылил ее содержимое. Попав в воду, жидкость изменила свой цвет, из коричневой став красной, желтой. Расплылось огромное оранжевое пятно.

Когда он вылез, яркая оранжевая дорожка уже протянулась вдоль берега.

Весь день они просидели, наблюдая, как медленно движется по лагуне их надежда, немой призыв о помощи. Несколько раз им показалось, что они слышат в небе слабый гул, но каждый раз это было ошибкой.

На следующее утро, первое, что они сделали, кинулись смотреть, что стало с пятном? Оно исчезло. Течение отнесло его к рифу и рассеяло.

— Самолет может прилететь совершенно неожиданно, и мы упустим его, — сказал отец. — Лей вторую банку.

Краска из второй банки продержалась на воде еще сутки.

— Бесполезно истратили, но кто же мог знать, — пробормотал отец. Наступила еще одна тревожная ночь.

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ

Утро началось тоскливо: небо было глухим, безмолвным, на воде исчезли последние следы краски.

Димка развел, как обычно, костер и уже было приготовился варить пойманных с вечера крабов, когда отец крикнул:

— Сейчас же назад! Беги сюда.

Из леса цепочкой выходили старые знакомые. Теперь их было пятеро, у каждого в руке вместо ножа автомат. Первым шел главарь.

Чтобы хорошо видеть во все стороны, отец поднял стенки палатки. Вытащили и взяли в руки винтовки.

— Стань опять позади меня! — скомандовал отец.

Касаясь спинами друг друга, Димка с отцом замерли, ожидая что предпримут пришельцы. Те остановились. Вожак приказал что-то одному из браконьеров и тот крикнул на ломанном английском:

— Бросай оружие!

— Ноу! — ответил отец. — Нет.

Бандит его понял.

— Убивать вас не будем. Сдавайтесь!

Вместо ответа отец поднял винтовку и прицелился в главаря. Тот рассмеялся, поднял автомат и дал короткую очередь в воздух.

Собравшись в кружок, нападавшие начали совещаться. Кончив, они приступили к решительным действиям. Двое, отделившись, зашли со стороны моря, трое остались стоять на месте.

«Пять стволов против двух. Винтовки не скорострельны, если первыми открыть огонь, все равно скосят, прежде чем сделаешь второй выстрел... Сдаваться? Все равно не оставят в живых».

Отец передернул затвор:

— Держись, Димка!

Главарь сделал знак, и обе группы стали медленно приближаться. «Погибнуть так нелепо!..»

Палец отца лег на спусковой крючок.

И тут один из нападавших закричал. Он кричал и махал руками, показывая на что-то в море.

Забыв, что надо смотреть на наступающих, отец обернулся.

— Мы спасены, Димка!

По зеленой поверхности океана стремительно двигалось небольшое судно. Оно приблизилось к пенной полосе на рифе, не задерживаясь, перескочило через камни, прочертило дорожку на воде до самого берега и, вместо того чтобы остановиться, вышло на песок. Прокатившись по нему, замерло. С бортов на землю упали сходни-пандусы. По ним торопливо сбежало несколько человек в морской форме.

Отец обернулся. Никого из браконьеров около палатки уже не было. Среди деревьев мелькали спины убегающих. Уронив винтовку, отец опустился на постель.

Димка бросился навстречу приплывшим.

Когда все собрались в палатке, старший высадившейся на берег группы сказал:

— Вас разыскивали целый месяц. Австралия, Индонезия, Филиппины — все послали самолеты и корабли. Но искали вас западнее. Что вас так отнесет на восток, никто не предполагал. Искали и бросили. Вам повезло — самолет, который обнару-

жил вас, был случайным. Пятна краски на воде — неужели вы были так предусмотрительны, что захватили ее с собой?

— Конечно, нет, — отец коротко рассказал про все, что случилось с ними на острове. Рассказал, как у них оказались неожиданные соседи, чем эти соседи занимаются и что за удивительные существа населяют остров. — А что касается краски, сын случайно нашел две банки, — закончил отец свой рассказ.

— Значит, убежавшие — браконьеры? А ведь все могло кончиться для вас очень печально. Нравы в этих краях жестокие... Но собирайтесь, мои люди помогут вам.

Он заставил отца повторить еще раз свой рассказ и сходил, осмотрел обломки упавшего в мангровые заросли «Микуми». Затем моряки повели спасенных на судно. Отца несли на руках.

— Скоро сюда нагрянет тьма народу, — сказал отец, когда они поднялись на борт судна и расположились в кормовом, с большими окнами-иллюминаторами, отсеке. — Зоологи, полицейские, историки. Наш остров заинтересует всех. Он как книга, страницы которой полны вопросов и загадок.

— Ладно, а ты уже сообщил матери, что мы живы и что все в порядке?

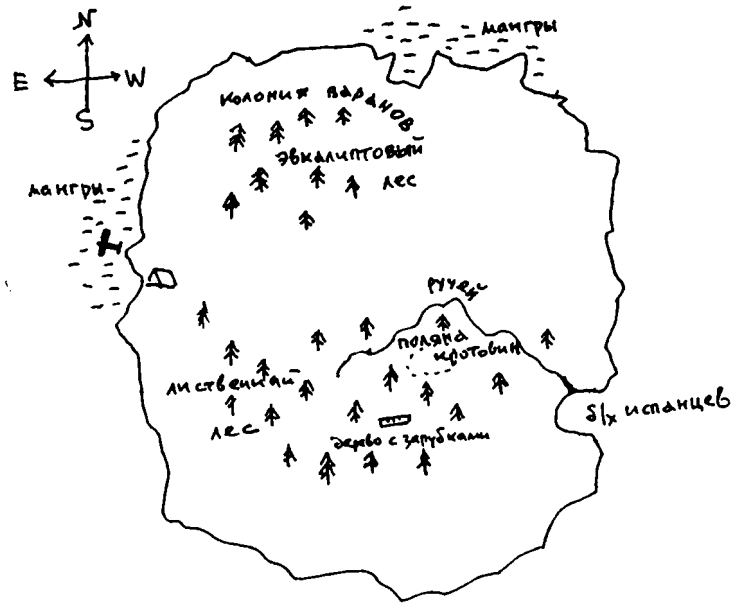
— Уже написал записку. Ее передадут немедленно.

Когда судно на воздушной подушке, подпрыгивая и заливая пеной нос проследовало риф, они, сидя у иллюминатора, в последний раз окинули

взглядом зеленый берег. Покинутый остров, на котором им пришлось пережить так много.

— Мне больше не придется его увидеть, а вот ты еще вернешься, — убежденно сказал отец. — Этот остров определил твою судьбу. Смотри на него, смотри!

Карта острова Осьминогов, составленная Димкой после возвращения



На карте отмечены: место гибели самолета, лагерь с палаткой, заросли мангрового леса, лиственный лес, эвкалиптовый лес, ручей, поляна кротовин, дерево с зарубками, гнездо сорных кур, домик шалашника, колония варанов, бухта Испанцев, пляж, на котором нашли ящик и другие вещи.

СКАЗКИ

КИБОКО ХУГО — БЕГЕМОТ
(по Дж. П. Мбонде, Танзания)

КТО ТАКОЙ БЕГЕМОТ ХУГО

В Африке на берегу океана, в мелкой и теплой лагуне Куросани, живет бегемот по имени Хуго. Он живет один, но это не значит, дети, что так было всегда.

Когда-то, в давние-давние времена, в лагуне жили рыбы акулы. Это были добрые и гостеприимные животные, и поэтому, когда из леса в лагуну пришли бегемоты, акулы уступили им Куросани. Они уплыли в океан и живут теперь там. Вот почему, дети, я не верю историям про коварство и жестокость акул. Не все, что рассказывают, происходит на самом деле.

Но оставим акул в покое и поговорим о бегемоте Хуго.

После того как все родственники его умерли, он остался в лагуне один.

Он жил там год за годом, и каждый, кто приезжал в Куросани или в расположенные поблизости деревню Мзимуни и большой город Дар-эс-Салам, спрашивал:

— А где этот бегемот-кибоко, который живет один?

На что люди, знающие лагуну, обыкновенно отвечали:

— Хуко, хуко! Там, там!

А поскольку люди племени на сига вместо «хуко» говорят «хуго», это и стало кличкой бегемота.

КАК ЛЮДИ ОБИДЕЛИСЬ НА БЕГЕМОТА ХУГО

Все шло бы хорошо, мои дети, если бы бегемот Хуго питался рыбой, подобно акулам, или жуками и бабочками, подобно черным сорокам, которые имеют обыкновение разъезжать верхом на слонах.

Но увы! Хуго не питался ни рыбой, ни жуками, ни бабочками, а выходил каждую ночь из лагуны и поедал молодые побеги риса и вытаптывал своими короткими толстыми ногами грядки. Он не знал, что люди Куросани тратят много труда на то, чтобы посадить и поднять рисовые стебли. Однако незнание — не оправдание, как говорит мудрый марабу, тот самый марабу, у которого лысая голова и у которого на каждый случай в жизни есть пословица или поговорка. И случилось так, что жители Куросани возненавидели Хуго, и, когда люди из Мзимуни или из большого города Дар-эс-Салама убеждали их смириться с потерей урожая, жители Куросани отвечали:

— Хуго вытаптывает не ваш рис. Мы убьем Хуго!

Дело шло к тому, что жестокость вот-вот должна была восторжествовать. Тогда обеспокоенный Хуго, который кое-что заметил и кое-что услышал, решил посоветоваться с рыбой.

КАК БЕГЕМОТ ХУГО ГОВОРИЛ С РЫБОЙ

Одинокая жизнь Хуго очень удивляла морских животных, которые всегда держатся стаей. Поэтому Рыба охотно пришла на зов бегемота. Она и сама давно хотела кое-что узнать о Хуго и его предках.

Они встретились в том месте, где соленые воды океана сливаются с пресными водами реки, впадающей в лагуну. Никто не мешал их беседе, дети, и вот какой разговор произошел между ними.

РЫБА. Мне непонятно, почему у всех животных, живущих на суше, есть шерсть, а у вас, бегемотов, ее нет.

ХУГО. Для того чтобы ответить на твой вопрос, надо рассказать историю, которая случилась, как утверждают, давным-давно, еще до того, как появился человек, его лодки и дома. Ты можешь верить, можешь – нет, но когда-то у бегемотов была густая красивая шерсть. И жили они не в воде, как теперь, а на суше. Господин Слон, у которого шерсть очень редка и, можно сказать, даже совсем незаметна, завидовал бегемотам. Он договорился с Кроликом...

РЫБА. Это такой зверь с длинными ушами?

ХУГО. И с длинным лживым языком, добавлю я. Так вот. Обманщик Кролик и Господин Слон решили погубить бегемотов. Кролик пригласил их прогуляться по берегу кипящего озера. А когда они стали важно разгуливать по песку, любуясь своей густой шерстью, появился Господин Слон и столкнул их всех в воду.

РЫБА. Но ведь вода должна была когда-нибудь остыть!

ХУГО. Так и случилось — вода остыла. Но шерсть у моих предков к тому времени вся вылезла, и они от стыда решили никогда больше не покидать воды. И тогда же у них появилась привычка выходить пастись только по ночам.

РЫБА. Однажды бегемот опрокинул лодку, в которой сидел рыбак. Рыбак охотился за мной. Я в долгу перед твоими родичами.

ХУГО. Вот видишь, тогда помоги мне советом. Люди говорят, что они хотят напасть на меня за то, что по ночам я ем их рис. Они хотят убить меня. Что делать?

РЫБА. Это сложный вопрос. Я могла бы посоветовать тебе оставить в покое рис. Но я сама знаю, что такое голод. Мой совет: наберись терпения. Подожди, что будет.

Так сказала Рыба и, вильнув хвостом, скрылась в соленой воде океана, а бегемот Хуго поплыл пресной водой к себе в лагуну.

ДЕТИ ПРИХОДЯТ В КУРОСАНИ

Только он вернулся в лагуну, как заметил, что на ее берегах мелькают тут и там белые рубахи и белые блузки, зеленые юбки и синие брюки школьников. Поднимались серые палатки. Школьники из Дар-эс-Салама приехали на отдых и строили себе лагерь.

И случилось так, что только они разбили лагерь, как прибежал человек и сказал:

– Бегемоту Хуго грозит опасность! – он рассказал про рис, и тогда один мальчик предложил:

– Построим между водой и рисовым полем забор! Бегемот Хуго не сможет тогда топтать рис.

И все школьники сказали:

– Построим забор!

Они принялись за дело и работали весь день. Они построили забор, а вечером пошли к себе в лагерь и по пути пели песню:

Звери саванны в стране Танзании –
Это большое богатство для всего мира.
Мы должны сохранить зверей в Танзании.
Друзья животных – пример для всех.

Они пели, а бегемот Хуго сидел в воде, выставив уши и ноздри, и тихонько дышал и слушал. Он не знал, что весь этот шум поднят из-за него.

Вот почему, когда настала ночь, он, как всегда, вылез на берег, обошел забор, и наелся сладкого-сладкого риса, и от удовольствия – рис был действительно так сладок! – даже потанцевал на грядках.

МИКУМИ

Утром – а это случилось именно утром, дети, одна девочка встала раньше всех и побежала на рисовое поле – посмотреть, как там дела. Прибежав назад, она закричала всем:

— Как вы спали? Шикамоо!

— Мы спали хорошо, — ответили ей все. — Марахаба! [1]

— Тогда посмотрите на поле!

Все посмотрели и ахнули.

— Я знаю, что надо делать, — сказала девочка. — Надо выкопать яму, поймать в нее бегемота и отвезти его в Микуми!

И все поняли, что она права. Она права, потому что в заповеднике Микуми есть «пруд бегемотов». И еще права потому, что в заповеднике хорошо живется не только им, но и слонам, и львам, и лысому марабу, и даже злой слюнявой гиене...

Тут, дети, мой рассказ подходит к концу, потому что яма-ловушка уже вырыта и все дети и все рыбаки и крестьяне Куросани ждут, когда попадется в нее Хуго.

Неизвестно, когда он в нее попадется, но, говорят, что бегемоты обязательно попадаются в ловушку в один из первых пятидесяти дней после того, как ее вырыли и закрыли сверху травой и ветками.

И тогда наступит час переезда. И все жители Куросани соберутся, чтобы проститься с Хуго, потому что, хотя он и, топтал их рисовые поля, во всем остальном он был добродушным животным и никому не делал другого вреда. А жители Мзимуни и большого города Дар-эс-Салама выйдут на дорогу, чтобы тоже проститься с бегемотом Хуго. Они

[1] Слова «шикамоо» и «марахаба» употребляются как выражение вежливости.

будут стоять вдоль дороги и, когда машина с животным подъедет, затянут песню. Это будет песня со старыми словами:

Где этот бегемот?
Хуго! Хуго! Хуго!

Но и старые слова хороши, если они к месту. Это будет праздник, потому что тогда можно будет сказать: «Люди спасли старину Хуго. Еще одно животное в Танзании в безопасности!»

И все будут гордиться, потому что гордиться можно не только большими победами своего народа в войнах, но и его маленькими добрыми делами.

БЕДНЯК И ВОДЯНАЯ ЖЕНЩИНА
(по Г. Каллоуэй, Южная Африка)

Жил в деревне на краю леса бедняк. Он жил один в своей хижине, и хотя ходил на охоту, рыбачил и собирал коренья и плоды в лесу, как это делали все люди племени, — то ли он был неловок и плохо видел, то ли ему просто не везло, — но ему всегда было нечего есть.

Однажды он сидел в своей хижине и смотрел на пустые горшки. «Пойду-ка я на реку, попробую еще раз попытать счастья!» — решил и, взяв сеть, сплетенную из травы, отправился ловить рыбу.

«Поймаю и тут же съем», — сказал он себе, размахнулся и бросил сеть в воду.

Но как только он стал ее тащить, почувствовал, что в сеть попалось что-то тяжелое. Он вытащил сеть на берег и увидел в ней женщину. Она была молода и красива, у нее были сильные руки и аккуратно заплетенные и намазанные глиной волосы. Увидев ее, бедняк испугался и хотел было столкнуть сеть назад в воду, но женщина вылезла из сети и сказала:

— Вот кто поймал меня! Раз так — веди меня к себе в деревню.

— Что ты, что ты! — вовсе струсил рыбак. — Если я приведу тебя в свою хижину, мои родичи выгонят нас из деревни: ведь я такой бедный, что не могу прокормить даже себя самого. Им придется кормить теперь двоих!

— Ладно, — сказала водяная женщина. — Не веди меня в деревню, давай найдем в лесу брошенную хижину и будем жить в ней.

Бедняк согласился. Они пошли в лес, нашли там заброшенную хижину, поправили стены и крышу и расположились на ночлег. Но едва настала ночь и в лесу запели ночные птицы, женщина потихоньку встала, убедилась, что мужчина спит, и начала колдовать. Она рассыпала пепел от костра вокруг хижины и полила его водой, которую принесла в калебасе из реки. Еще она разбросала повсюду клочки коровьей и козьей шерсти, щепочки и кусочки глины, поднятые с тропинки, по которой проходили днем люди ламба. И к утру клочки шерсти превратились в коров и коз, щепочки — в большие новые хижины и ограду вокруг них, а кусочки глины — в людей.

Утром бедняк проснулся и не поверил своим глазам.

— Откуда это все?! — воскликнул он.

— Это все принадлежит тебе, — ответила женщина. — Отныне ты мой муж, а я — твоя жена, а эти люди — твои новые родичи. Мы будем жить здесь долго, счастливо и сытно. Но для этого ты должен дать мне слово, что никогда больше не пойдешь ловить рыбу на то место, где поймал меня.

— Хорошо, — сказал бедняк, — пусть будет так. Зачем мне идти туда, ведь у меня теперь все есть!

И они стали жить. Мужчины пасли скот, а женщины копали землю и сеяли просо и бобы. Так они прожили много дней, и муж стал думать:

«Если я приобрел такое богатство, забросив сеть всего один раз, кто знает, что я могу приобрести, забросив сеть снова?»

И вот однажды, взяв потихоньку от жены сеть, он крадучись вышел из хижины и отправился на реку. Там он забросил на том же месте сеть в воду и, потянув, опять почувствовал, что она тяжела. Вытащив ее на берег, он увидел в сети новую женщину, еще прекраснее и сильнее, чем первая.

— Вот ты и попалась, скорее идем в мой дом! — крикнул он.

Но женщина, выйдя из сети, покачала головой и сказала:

— У тебя в хижине уже есть жена. Пойди убей ее и только тогда приходи за мной.

Трясясь от жадности, муж бросился домой. Он прибежал в хижину, выбрал самое острое копье и хотел было пустить его в ход, но подумал: «Зачем мне терять хорошую жену? Нет, надо поступить не так — пусть у меня будет две жены!» — пошел в лес, нашел дерево муломбе, сок которого красен, как кровь, и вонзил копье в дерево. Потом он вернулся на берег реки и показал копье водяной женщине.

— Видишь, я убил жену, — сказал он. — Идем!

— Нет, это не кровь. Ты пронзил копьем дерево муломбе, — ответила женщина. — Я не пойду с тобой.

Тогда человек побежал снова к хижине, поймал козу, вонзил копье ей в живот, вернулся на берег реки и стал снова звать с собой водяную женщину.

— Это кровь козы, твоя жена по-прежнему жива, — ответила та.

Человек понял, что обман раскрыт, бросился со всех ног в лес, добежал до хижины, ворвался в нее и, подняв копье, ударил им жену в грудь. Но не успел наконечник копья коснуться ее тела, как женщина исчезла. Вместе с ней исчезли все постройки, коровы, козы и родичи.

Испуганный, он прибежал на берег реки, но и там никого не было — вторая водяная женщина исчезла, как и первая. И только тогда понял бедняк, что он беден по-прежнему — так же, как и был.

ПОЧЕМУ ОБЕЗЬЯНЫ ЖИВУТ НА ДЕРЕВЬЯХ

Было время, когда у обезьян не было привычки лазать по деревьям и они, как остальные животные, жили на земле. И именно тогда одна Черепаха водила дружбу с Обезьяной.

И вот как-то Черепаха попросила у подруги горсть соли, а ведь, как известно, все животные любят полизать соль.

— Я очень скоро верну тебе долг, — уверила Черепаха. Но она не торопилась выполнять свое обещание и, в конце концов, Обезьяна решила ее поторопить.

Она отправилась к ней в дом, но застала там только Черепашку, дочь Черепахи.

— А где твоя мать? — спросила Обезьяна.

— Не знаю.

И Обезьяна стала наведываться к ним каждый день, но всякий раз слышала от юной черепашки один и тот же ответ.

Тут пора сказать, что Черепаха отдавать ничего не собиралась — никакой соли у нее не было, и каждый раз, когда приходила Обезьяна, она пряталась за домом.

Наконец она решила обманом избавиться от Обезьяны.

— Когда придет эта попрошайка, — сказала она дочери, — скажи, что мать ушла и приказала мне вести хозяйство в доме одной. Для воды она, скажи, оставила вот этот кувшин-калебасу. А это буду я: я перевернусь на спину и буду похожа на разрезанную пополам тыкву. Буду лежать и слушать ваши разговоры.

Так они и поступили. А надо сказать, что калебасы делают из высушенных тыкв, они коричневые и, действительно, похожи на черепах.

На следующий день снова пришла Обезьяна.

— Где твоя мать? — закричала она. — Она будет когда-нибудь дома?

— Ушла надолго, — Черепашка повторила то, чему научила ее мать и, в доказательство своих слов, показала на лежащую спиной вниз на полу Черепаху, — ушла и оставила вот это.

— Ах так! — закричала Обезьяна, в гневе схватила то, что приняла за половинку калебасы и швырнула ее через дверь в кусты.

Но Черепаха продумала свой обман до конца. На следующий день она встретила в лесу Обезьяну и сказала:

— Ну, вот, наконец-то и ты, подружка! Я вернулась и готова отдать тебе соль. Идем, она лежит у меня дома в половинке калебасы на полу у стены. Я всегда в ней прячу самое ценное.

— В калебасе? — завопила Обезьяна и бросилась к дому. Но никакой калебасы, понятное дело, в

кустах не оказалось. Вся исцарапанная, Обезьяна вскарабкалась на дерево, чтобы получше разглядеть, где может лежать выброшенный ею сосуд. Никакой калебасы! Причитая и охая, она стала прыгать с дерева на дерево, и на крики ее сбежались другие обезьяны. Они тоже взобрались на деревья и тоже стали прыгать по ним.

— А как отсюда все хорошо видно! — удивились обезьяны. — И еще, как тут безопасно. Тут нас не достанут никакие хищные звери. Будем отныне жить здесь!

С тех пор обезьяны не слезают с деревьев, а когда вы видите, как они мечутся там, обсуждают что-то и разглядывают под собой землю, знайте — они ищут потерянную калебасу с солью.

ВЕЛИКАЯ ОХОТА МВУКИ

Жил в одной деревне вождь племени по имени Мвука.

Однажды жители деревни собрались на охоту.

— Я пойду с вами, — сказал вождь, — пойду и захвачу с собой свой лук со стрелами.

А надо сказать, что у него был совершенно особенный лук. Он был такой тяжелый, что два человека не могли поднять его. Тетиву лука не мог натянуть ни один воин, а каждая стрела была длинной, толстой и крепкой, как ствол дерева.

Охотники вышли в степь-саванну и стразу заметили пасущихся антилоп-гну.

— Сколько тут добычи, стреляй! — попросили они вождя.

— Разве это добыча! — ответил тот.

Они пошли дальше и увидели стадо буйволов.

— Стреляй, их тут хватит на всех, — снова закричали охотники.

— Разве это добыча! — ответил Мвука.

Они пошли дальше и увидели большую семью слонов.

— Такой добычи у нас никогда еще не было, стреляй! — взмолилось все племя.

— Нет, — ответил Мвука, — сегодня мы будем охотиться на Нзангамуйо, о котором говорится в наших преданиях. Это большой и сильный зверь. В нем много мяса. Если мы победим его, то нами будут вечно гордиться потомки.

В это время на горизонте появилось пыльное облако.

— Это идет Нзангамуйо, — сказал вождь. — Надо ждать, когда он приблизится.

Они ждали целый день, облако стало еще больше, и из него показалась голова зверя. Она была похожа на голову огромного льва, украшенную гривой, и доставала почти до самого неба.

— Стреляй, Мвука! — закричали испуганные люди.

— Еще рано, — ответил вождь.

Они ждали еще день, и тогда показалась спина. Она была покрыта толстой кожей, как у носорога, и из нее торчали иглы, похожие на иглы дикобраза. Когтистые лапы медленно передвигались, неся тяжелое тело.

— Стреляй, скорее стреляй, Мвука! — продолжали упрашивать охотники.

— Еще рано.

Они прождали еще день и, наконец, увидели всего зверя. Его хвост был похож на хвост крокодила и весь покрыт костяными щитками.

И тогда Мвука поднял с земли лук, вложил стрелу, натянул тетиву и выстрелил. Его стрела, толстая как ствол дерева, пробила кожу зверя и вонзилась в сердце. Зверь пошатнулся и с ужасным грохотом рухнул на землю.

— Он убил Нзангамуйо! — закричали охотники, — он победил! — И, разделав тушу зверя, понесли мясо в деревню.

Там женщины развели очаги и стали печь на них мясо зверя с кусками тыквы, дольками дыни-папайи и семенами сладко пахнущих растений. Мяса было так много, что племя пировало много дней.

А шкура Нзангамуйо, которую охотники не смогли унести, так и осталась лежать на месте охоты. Она была так велика, что покрыла не только саванну, но и все окрестные земли. Шкура высохла, сморщилась и, когда пришел сезон дождей, на нее обрушились ливни. Там, где на шкуре были складки, получились горы, а там, где между ними бежала вода, — реки.

Вот почему, когда теперь молодые спрашивают у стариков, как появились на земле горы и реки, старики отвечают:

— Это все великая охота Мвуки! Это она сделала землю такой, какой мы ее знаем.

ПОЧЕМУ У КИТА БОЛЬШОЙ РОТ
(Восточная Африка)

Жил-был кит. Он никогда ничему не удивлялся, плавал себе в теплой воде океана и лениво пофыркивал.

Рот в те времена был у него маленький.

Подплыл однажды кит к берегу и увидел обезьяну, которая собирала орехи кешью, сорванные с дерева ветром.

Они поговорили между собой о том о сем, и обезьяна спросила:

— А знаешь ли ты, могучий кит, что южный ветер, который сорвал эти орехи, был однажды причиной очень больших неприятностей, из-за которых могли пострадать человек, ветер, змея и еще кое-кто?

— Нет, — ответил кит, лениво шевеля хвостом.

— Тогда я осмелюсь задать тебе еще один вопрос. Кто сильнее — ты, самый большой из зверей, странствующих по тропе жизни, или вон тот серый паучок, упавший на землю вместе с орехом?

— Конечно, я, — равнодушно ответил кит. — Ну конечно, я, тут даже раздумывать нечего.

И снова фыркнул, чуть приоткрыв свой маленький рот.

— Нет, далеко не так... Слушай.

И обезьяна начала свой рассказ.

...Давным-давно в стране, что лежит между берегом океана и озерами, в самой середине Африки, откуда вытекают самые большие в мире реки, жил вождь. Это был могущественный человек, и его боялись не только люди его племени, но и все звери, звезды и ветер.

Но этот могущественный человек был слеп от рождения, а поскольку он был любознателен, то часто задумывался. «Я хотел бы знать, на что похож мир, окружающий меня, — говорил он себе. — Что только бы не отдал, чтобы увидеть его хотя бы на мгновение!»

И случилось так, что однажды во время сезона дождей, когда на страну надвинулись синие и тяжелые от влаги тучи, блеснула молния и слепой на мгновение увидел мир. А поскольку он стоял в это время перед огромным деревом баобабом, то увидел именно его. Увидел — и все для него снова погрузилось в темноту.

— Какое счастье! — воскликнул слепой вождь. — Я знаю теперь, что мир — это дерево, похожее на бутылку, что он серого цвета, у него короткие толстые ветви, зеленые листья и много плодов. Теперь я спокоен!

И он продолжал жить и править своим племенем, наводя ужас на злые и воинственные соседние племена и делая добро тем, которые он считал мирными. Но, оставаясь наедине с самим собой, он часто подходил к баобабу, трогал его рукой и,

убедившись, что зрение и осязание сказали ему правду, облегченно вздыхал.

Но вот случилась беда. Как-то подул очень сильный южный ветер, в саду раздался грохот и треск ветвей.

— Что это затрещало и рухнуло? — спросил встревоженный вождь.

— Не гневайся, это южный ветер повалил твое дерево! — ответили испуганные слуги.

Тогда вождь окропил землю кровью только что зарезанного петуха, сделал несколько магических движений, известных только ему, и, когда колдовство стало действовать, приказал южному ветру явиться.

И ветер, прошумев листьями смоковниц, которые в изобилии росли там, предстал перед вождем.

— Как посмел ты сломать мое любимое дерево? — с горечью воскликнул тот.

— О повелитель, — ответил ветер, — я никогда не смог бы проникнуть в твой сад и сломать дерево, если бы меня остановила стена. Но она не сделала этого.

Вождь приказал явиться стене.

— Я, конечно, остановила бы ветер, — ответила стена, — но толстая и тяжелая змея удав, которая живет в саду, часто лазила по мне и вконец разрушила меня.

Вождь велел предстать перед ним удаву.

— Я не лазил бы по стенам и не ловил певчих птиц, если бы в свое время огонь, который буше-

вал в саванне (а я родился там), сжег яйцо, отложенное моей матерью! Из него я родился на свет и охочусь так, как положено змеям, — объяснил удав.

— А я сжег бы яйцо, но мне помешал дождь, который потушил меня. В то лето дождь начался раньше времени. Если бы не так — все было бы в порядке, — сказал огонь.

— О мудрый! — начал дождь свои объяснения. — Ты, конечно, знаешь, что сезон дождей начинается тогда, когда серый паучок, живущий на дереве кешью, перестает ткать свою паутину и прячется под кору. Но в то лето паучок поторопился, кончил работу и спрятался. Раньше времени пролился на землю и я...

— Теперь ты знаешь, кто сильнее? — закончила обезьяна свой рассказ.

Пораженный кит так разинул рот от изумления, что он стал у него широким-прешироким.

С тех пор у китов большой рот, а маленькие серые паучки, которые ткут свои паутины на ореховых деревьях кешью, никогда не торопят приход сезона дождей.

ОТЧЕГО У ХАМЕЛЕОНА ТАКИЕ ГЛАЗА

Когда-то у хамелеонов были такие же глаза, как у всех животных.

И жил тогда хамелеон Луфвилима, который дружил с собакой по имени Имбва.

Хамелеон жил на дереве, которое стояло на краю деревни, а собака жила тут же, у хозяина в сарае.

Однажды, когда все мужчины деревни собрались на охоту, Имбва подбежал к дереву, на котором сидел хамелеон, и сказал:

— Пойдем с нами. Увидишь, как мы, собаки, помогаем людям. Они хорошие охотники, но очень ценят и нашу помощь. Можно сказать, что мы с ними настоящие друзья.

— Завидую тебе. А на кого будете охотиться? — спросил Луфвилима.

— На кроликов. Приходи.

И хамелеон в назначенный час спустился с дерева и отправился посмотреть на охоту.

Когда мужчины племени и их собаки собрались на окраине деревни, мужчины расположились кружком. Было жарко, они уселись на земле и ста-

ли пить воду из тыквенных бутылок калебасов, которые принесли с собой, а собаки побежали в саванну. Там они разбежались во все стороны, а хамелеон, чтобы не потерять из виду людей и собак, принялся одним глазом следить за собаками, а вторым за людьми.

Между тем собаки начали ловить кроликов и пойманных приносить своим хозяевам.

— Уангу, уангу! Как же так? — удивился хамелеон. — Одни сидят и попивают воду, а вторые бегают по жаре и ловят добычу. Не такие уж, видно, они друзья. Ну, ничего, видно люди отблагодарят собак позже.

Когда охота кончилась и люди и собаки вернулись в деревню, хамелеон последовал за ними.

Женщины племени уже ждали. Около каждой хижины был растоплен очаг, и в нем тлели раскаленные угли, на которых так хорошо жарить мясо.

Пойманных кроликов женщины приготовили с вареными бобами и кусочками банана, и все племя село пировать.

— Уангу, уангу! Как же так? — снова удивился хамелеон. — Люди едят, а собаки сидят в сторонке и ждут, когда им что-нибудь останется.

И он снова стал одним глазом смотреть за людьми, а вторым за собаками. При этом он так внимательно смотрел, так вращал глазами, что его глаза превратились в большие круглые бусины и сместились по разные стороны головы.

Тем временем люди кончили есть и начали прятать оставшиеся куски мяса. Собакам они побро-

сали одни кости, а если какая-нибудь собака пыталась утащить кусочек мяса, в нее тотчас летели палка или камень.

— И это называется дружба? — сказал сам себе хамелеон. — Нет уж, тут завидовать нечему.

И он отправился домой к своему дереву. На этом его дружба с собакой кончилась. С тех пор у хамелеона большие круглые глаза расположены по разные стороны головы, и он может смотреть ими одновременно в разные стороны. А когда хамелеон вспоминает про охоту, он трясет головой и говорит:

— Уангу, уангу! Как же так?

СКАЗКИ О ЧЕРЕПАХЕ
(Куба)

ЧЕРЕПАХА, КРОЛИК И УДАВ-МАХА

Однажды удав-маха охотился за птицами. Надо сказать, что удавы отлично лазают по деревьям и очень редко падают с них. Но на этот раз случилось так, что когда маха подкрадывался к желтокрылому попугаю, он зазевался и свалился с дерева прямо в яму. А яма была не простой — это была ловушка, которую вырыли индейцы-гуама.

Стенки ямы были вымазаны глиной, и удав никак не мог выбраться. Напрасно он становился на хвост, вытягивал шею и пытался зацепиться головой за край ямы — все было бесполезно, каждый раз он срывался и падал.

А в это время мимо бежал братец кролик. Он остановился, посмотрел в яму и присвистнул от удивления.

— Вот так штука! — сказал он. — Никак сам господин удав попал в беду?

— Послушай, кролик, — сказал удав. — Что тебе стоит помочь мне выбраться? Вон сколько веток лежит кругом. Столкни их в яму.

Кролик был добрым, хотя и боялся змей; он стал сбрасывать в яму одну ветку за другой. Когда

веток набралось много, удав без труда вылез из ловушки.

— Уф, — сказал он. — До чего же я проголодался, пока сидел в этой проклятой яме. А ну-ка, длинноухий, полезай ко мне в пасть! — И он распахнул свои челюсти так широко, что кролику показалось, будто сама земля разверзлась и готова поглотить его.

— Погоди! — вскрикнул кролик. — Ты затеял неслыханное преступление. Ведь никто никогда не платит злом за добро. Не веришь? Спроси у любого.

— Ладно, — согласился удав. — Спросим, но если другие животные думают иначе, я проглочу тебя тут же на месте.

Не успели они выйти на берег озера, как увидели мула, который щипал траву.

— Послушай, приятель, — обратился к нему удав, — у нас спор вышел. Кролик говорит, что за добро нельзя платить злом. Я решительно с ним не согласен. А что думаешь ты?

Мул пожевал губами, изуродованными железной уздечкой, почесал о дерево спину, покрытую струпьями от побоев, и сказал:

— Много лет возил я из деревни в деревню поклажу моего хозяина, работал безотказно и аккуратно. Бывали случаи, когда он, усталый, засыпал у меня на спине и я привозил его прямо к дому. Его дети играли со мной. А теперь, когда хозяину понадобились деньги, он решил продать меня торговцу. У того поклажи будет в три раза больше, а бьет он своих мулов в три раза сильнее. Нет, сколько ни делай добрых дел, справедливости не найдешь, в награду тебе достанутся одни тумаки!

— Ага! — сказал удав. — Чья правда? Ты готов?

— Погоди, — взмолился кролик, — давай спросим еще кого-нибудь.

И они пошли дальше. Не успели пройти и ста шагов, как увидели вола, лежащего в воде.

— Как думаешь, приятель, — спросил его удав, — можно ли за добро платить злом?

Вол печально покачал головой.

— Я лежу в теплой, мягкой, приятной грязи, — сказал он. — Действительно, что может быть лучше? Но все это в последний раз. Много лет работал я на человека, служил ему верой и правдой, но теперь состарился, и хозяин сказал, что завтра он отведет меня на живодерню. Разве это справедливо?

— Так, так, — пробормотал удав. — Это я и говорю. Бросай свои фокусы, длинноухий, и полезай ко мне в пасть!

— Еще один, последний раз! — взмолился кролик, и они пошли вдоль берега.

Они шли до тех пор, пока не увидели черепаху, которая грелась на солнышке.

— Братец черепаха! — взмолился кролик. — Помоги. Вот какая у нас с удавом произошла размолвка...

И он рассказал всю историю.

Черепаха сразу смекнула, что просто так кролика не спасти, тут нужна хитрость.

— Увы! — вздохнула она. — Мудрый коричневый удав прав, тут и спорить не о чем. Где это видано, чтобы за добро платили добром? Но меня интересует другое. Как могло случиться, что такая великолепная, сильная, умная змея не смогла сама из

ямы выбраться? Этого не может быть, вы оба обманываете меня!

А надо сказать, что коричневые удавы-маха очень самолюбивы и не терпят, когда их называют лжецами.

— Я обманываю тебя?! — воскликнул маха. — Ах ты, жалкая сковородка, немедленно иди с нами, я покажу тебе, как было дело.

И он повел черепаху и кролика на то место, где была яма.

— Да, действительно, края у нее скользкие, — согласилась черепаха. — Но ведь яма мелка, и тебе ничего не стоило стать на хвост и выбраться из нее.

— Ничтожная родственница улитки, я покажу тебе, что ты еще раз не права! — воскликнул удав и, недолго думая, соскользнул на дно ловушки.

— Да, ты прав, я всего лишь жалкая костяная сковородка и ничтожная родственница улитки, — сказала черепаха. — Счастливо оставаться! Идем, братец кролик!

И черепаха с кроликом скрылись в лесной чаще.

ЧЕРЕПАХА И БАНАНОВОЕ ДЕРЕВО

Та черепаха, о которой рассказывают сказки, была не только умна и хитра, но также необычайно ловка. Достаточно сказать, что она умела забираться на банановые деревья и там лакомиться спелыми фруктами.

Так вот однажды черепаха нашла прекрасное банановое дерево, на верхушке которого росли гроздья желтых плодов. Недолго думая, она вскарабкалась на него и стала обкусывать бананы и бросать их на землю, чтобы потом унести и съесть.

А дерево это стояло на земле человека, в услужении у которого был ястреб-аура. Огромная птица сидела на верхушке похожего на бутылку дерева сейба и внимательно наблюдала за окружающим. Случилось так, что, когда черепаха взобралась на дерево, ястреба не было — он отлучился поохотиться, но когда вернулся, то сразу заметил — в хозяйском саду творится что-то неладное.

Не успела черепаха сбросить на землю третью гроздь, как зашумели крылья и что-то черное, красное обрушилось на нее с неба. Сильные когти подхватили черепаху, и она стремительно взлетела в воздух. «Кто это мог скогтить меня? — подумала черепаха. — Только у ястреба-аура черное, покрытое перьями тело и красная голова. Это он!»

— Послушай, добрая птица, — обратилась она к ястребу, — ты, наверное, хочешь наказать меня за бананы?

— Так, — буркнул ястреб, продолжая подниматься все выше и выше.

— Мудрая птица, — сказала черепаха, — ты совершенно права, что собираешься предать меня смерти. Воровать чужие бананы это действительно ужасно. Правда, я не виновата, что у меня нет сада, и что я больше всего на свете люблю бананы. Я также не виновата, что у твоего хозяина есть еще сто деревьев...

— Так, — ответил ястреб, высматривая, куда бы швырнуть добычу.

— Но я готова помочь тебе и выберу для себя самое ужасное наказание. Ведь твоему хозяину не понравится, если я останусь жива и снова начну наведываться в его сад. У меня есть большая просьба. Внизу под нами я вижу скалы, лес и озеро...

— Так... — ястреб уже кружил, выбирая для черепахи место казни.

— Просьба моя в том, чтобы ты бросил меня на скалы.

«Что-то она хитрит! — подумал ястреб. — Полечу-ка я лучше к лесу». И он направился прочь от скал.

— Прекрасно! — воскликнула черепаха. — Уж раз не довелось мне падать на камни, то сойдут и деревья. Я очень благодарна тебе. Поскорее разжимай когти!

«Уж больно ты хочешь, голубушка, упасть на лес, — подумал ястреб, — но тебе не провести меня!» И он разжал когти, пролетая над озером.

Когда через несколько дней черепаха снова приползла к банановому дереву, на верхушке дерева сейба никого не было. Хозяин прогнал плохого сторожа. Вот почему красноголовые ястреба-аура до сих пор ненавидят черепах и, если удается, охотятся на них, разбивая пойманных черепах о камни.

СОДЕРЖАНИЕ

Африка — последний приют 7

Звери Микуми 69

Куба — зеленая ящерица 93

Хозяин каменной норы 100

Из рассказов о коралловом рифе 112

Акулы 122

В гостях у крокодилов 133

Ночные путешественники 153

Остров осьминогов 157

Сказки 283

Литературно-художественное издание

Для среднего школьного возраста

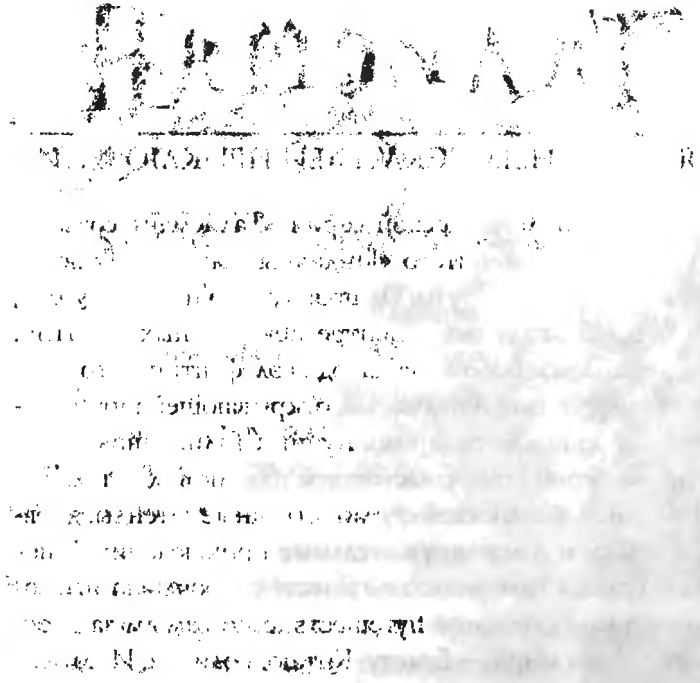
Серия «Жизнь замечательных животных»

Святослав Сахарнов

Страус Дик, Кибоко и другие...

Художники
В. Дугин,
В. Бастрыкин

Ответственный за выпуск *О. Корчагина*
Художественный редактор *А. Гладышев*
Технический редактор *Н. Ремизова*
Компьютерная верстка *Е. Алексеевой*
Корректор *И. Монахова*



Подписано в печать 25.09.09. Формат 84×108$^{1}/_{32}$.
Печать офсетная. Гарнитура «Нью-Баскервиль».
Бумага писчая. Усл. печ. л. 16,8 + 0,21. Тираж 6000 экз.
Изд. № 09-9324. Заказ № 442.

ЗАО «ОЛМА Медиа Групп»
105062, Москва, ул. Макаренко, д. 3, стр. 1
www.olmamedia.ru
Издательство «ОЛМА-ПРЕСС»
входит в группу компаний
ЗАО «ОЛМА Медиа Групп»

Отпечатано в соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета
в ОАО «ИПП «Уральский рабочий»
620990, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.
http://www.uralprint.ru
e-mail: book@uralprint.ru

Талисман

ДЛЯ ОТВАЖНЫХ ИСКАТЕЛЕЙ ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Книги приключенческой серии «Талисман» созданы в традициях знаменитого «Индианы Джонса». Главные герои — 12-летние друзья Оливия Кристи и Джош Уэллз, волею судеб оказались в центре невероятных событий, начало которым положила находка элефантинского камня с зашифрованной надписью, открывающей путь к местонахождению легендарных Лунных Талисманов...

Книги серии станут настоящей находкой для тех, кто любит динамичный сюжет, таинственные легенды, древние загадки и головокружительные приключения. В поисках Лунных Талисманов вы вместе с героями книги совершите увлекательное путешествие по самым загадочным странам мира — Египту, Китаю, Боливии, Индии...

Дневник тайн Грейс

ВСЕМ, КТО ЛЮБИТ ПРИКЛЮЧЕНИЯ И ИСТОРИЮ

Тринадцатилетняя Грейс Кавендиш не просто фрейлина королевы Елизаветы Английской, а ее тайный осведомитель и секретный расследователь. Каждый «дневник» — это ее собственный рассказ об очередном таинственном происшествии при королевском дворе.

Чтобы разобраться в нем, Грейс прячется в темных коридорах Уайтхолла, выбирается на полные опасностей улицы средневекового Лондона и даже, переодевшись мальчиком, проникает на корабль знаменитого пирата Френсиса Дрейка.

Серия «Дневник тайн Грейс» написана в традициях лучших произведений Стивенсона и Дюма. В ней много занимательных фактов из жизни Англии XVI века. «Дневники» юной леди Грейс будут интересны всем, кто любит приключения и историю.

В СЕРИИ:
«Роковой бал»
«Клятва пирата»
«Маскарад»

Коты-Воители

Любимая приключеническая серия продолжается!

84×108/32, ТБЦ, 320 с.

«Стань диким!»
«Огонь и лед»
«Лес секретов»
«Бушующая стихия»
«Опасная тропа»
«Битва за лес»
«Полночь»
«Восход луны»
«Рассвет»
«Звездный свет»
«Сумерки»
«Закат»
«Послание»
«Знак трех»
«Темная река»
«Отверженные»
«Затмение»
«Длинные тени»
«Восход солнца»

«СЕКРЕТЫ ПЛЕМЕН» — специальное издание

Жизнь замечательных животных

В книге
Святослава Сахарнова

Страус Дик, Кибоко и другие...

Лучшие истории о животных
Африки, Кубы и подводного мира

Африка – последний приют
Звери Микуми
Куба – зеленая ящерица
Хозяин каменной горы
Из рассказов о каменном рифе
Акулы
В гостях у крокодилов
Ночные путешественники
Остров осьминогов
Сказки

ISBN 978-5-373-02820-2
9 785373 028202

ОЛМА МЕДИА ГРУПП
www.olmamedia.ru